

альманах

Литературный перекресток 40

МОСКОВСКИЙ СОЮЗ ЛИТЕРАТОРОВ
МОСКВА, 2026

УДК 821.161.1=8
ББК 84(2=411.2)6
Л 64

Литературный перекресток. № 40, 2026: альманах,
Московский союз литераторов. — М.: 2026. — 248 с.

ISBN 978-5-907919-79-2

Дизайн обложки:
Александр Астрин

Для писем: 125009, Москва,
Б. Дмитровка, 5/6, строение 8,
Московский союз литераторов.

Тел.: 8(495)692-06-03

Электронная почта: litcross@aport.ru

Орфография, пунктуация и стиль авторов сохранены.

Рукописи, присланные в редакцию, не рецензируются и авторам не возвращаются.

УДК 821.161.1=8
ББК 84(2=411.2)6

ISBN 978-5-907919-79-2

© Коллектив авторов, текст, 2026
© Александр Астрин, обложка, 2026

СОДЕРЖАНИЕ

СТИХИ

АНДРЕЙ ВАГАНОВ

... Время придет	11
Стивен Хокинг	14

АЛЕКСАНДР ПАРШУКОВ

Встреча со звездой	16
Вечер у камина	17
Надо просто любить	18

ИВАН ЧУДАСОВ

Звёздные звуки	19
Корабль <В. Пучкову>	19
Колобок	20
Сонет, сочинённый среди станций	21
Челобитная читателей	21

ЛАРИСА ЗУБАКОВА

Под занавес	23
-------------------	----

ИЗАБЕЛЛА ВЕРБОВА

Моя остановка	31
Жизнь	32

СОДЕРЖАНИЕ

Ремесло	33
---------------	----

МАРИАННА НЕКРАСОВА

Ночь. Женщина. Окно	37
---------------------------	----

МИХАИЛ СТАРОДУБ

Будь свобода в сочиненьях!	41
----------------------------------	----

АЛИСА БАГДАСАРЯН

Перевод Марлены Мош	47
---------------------------	----

ВЛАДИМИР ВЕДЕРНИКОВ

Мы помним	60
Афганистан	62
Красная заря	63
Раздумие	65
Друзьям	66

ЮРИЙ КРАСНОЩЕКОВ

Время пришло	67
Наше поколение	68
Твоя душа	72
Сегодня	73

ЛЮБОВЬ БЕРЗИНА

Последний снег	74
Как плывет кораблик да по Дону	75
В порту	76
Горит вокруг сирени морок	77

МАРЛЕНА МОШ

мое место в мире	79
твое слово	79
через меня проходил день	80

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ПЕРЕКРЕСТОК, 2026

можно надеть много глупостей	81
нигде	82
мается в окне ветка дерева	83
здравствуй весна!	83
мне бы войти в твой образ	83
а ведь ты одинок	84
с высоты птичьего полета	85
я в зеркале	86
кто-то мечется между	87
я зову тебя белое облако	87

ПАМЯТИ УШЕДШИХ

ВЛАДИМИР ВАСМУТ

Московские стихи	89
------------------------	----

ЭЛЛА ЧЕРЕПАХОВА

Удалёнка	95
----------------	----

ПРОЗА

НИКОЛАЙ ДАНИЛИН

Закон воздаяния	99
-----------------------	----

ЕВГЕНИЯ БЕЛОВА

Противостояние	105
----------------------	-----

ОЛЕГ БОТОВ

Помидор	111
Тим	112
Клавдия	113
Аризонская мечта	114

СОДЕРЖАНИЕ

РАМИЛЯ МАЗНАЯ	
Ещё раз про любовь...	116
ЗОЯ КРИМИНСКАЯ	
Преферанс	120
МАРИНА СОЛОВЬЕВА	
Вот такое кино!	125
ЕКАТЕРИНА ЛАЗАРЕНКО	
Герка	128
ВЛАДИМИР ЛАВРОВ	
Возвращение	134
АЛЕКСАНДР КОЛГАНОВ	
Дождь на взморье или как ворона рыбу ловила	145
ВИТАЛИЙ ЕРЁМИН	
Эрика-Аглая	149
СЕРГЕЙ КИРИЛЛИН	
Трещина	153
ТАТЬЯНА РАССАНОВА	
Дорога в ад или жизнь	158
ИГОРЬ КЕЦЕЛЬМАН	
Я люблю таможеню	163
ИРИНА КУКЛИНОВА	
Сакральный танец любви	168

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ПЕРЕКРЕСТОК, 2026

ПУБЛИЦИСТИКА

ВИТАЛИЙ ОМСКИЙ

Осторожно! Homo modernus!	179
Уроки притворяшек	184

МАРИЯ РОМАНУШКО

«Отечества и дым нам сладок и приятен...»	187
---	-----

ТАТЬЯНА ПОЛЯКОВА

Праздник состоялся	204
--------------------	-----

ГЕННАДИЙ ПАНФИЛОВ

Валентина Сергеевна. Воспоминания	209
-----------------------------------	-----

ВЛАДИСЛАВ ЛАРИН

Последний сбор	215
----------------	-----

ГАЛИНА ГАШУНИНА

Опровержение	223
--------------	-----

ЮМОР

ДМИТРИЙ ВОРОНИН

Эйнштейн	227
----------	-----

АННА САТЖИ

Ирония ходьбы или прощёный день	237
---------------------------------	-----

СЕРГЕЙ ТАРАТУТА

Желанный пожар	240
----------------	-----

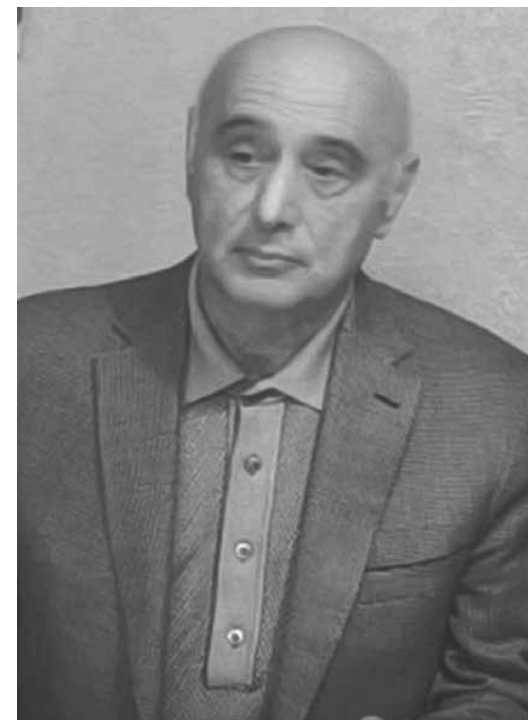
СОДЕРЖАНИЕ

ЗОЛОТЫЕ РОССЫПИ

ОЛЬГА МУРАВЬЁВА	243
САЛЕК ПИНИГИН	243
НИКОЛАЙ ПРОКОФЬЕВ	243
СЕРГЕЙ ПУГАЧЁВ	243
РАДВАЛИ	244
ИЛЬЯ РОДИОНОВ	244
АННА САТЖИ	244
ЕЛЕНА СИРЕНКА	244
АЛЕКСАНДР СМИРНОВ	245
АНДРЕЙ СОКОЛОВ	245
ВИКТОР СУМБАТОВ	245
РУБЕН КАЗАРЯН	245
ВЛАДИМИР КАФАНОВ	246
АЛЕКСАНДР ПАШИННИН	246
ЕВГЕНИЙ ОБУХОВ	246

ПОЛЕЗНЫЕ СОВЕТЫ

СЕРГЕЙ ПУГАЧЕВ	247
----------------------	-----

*Главный редактор
Джангули Гвилава*

Редакционная коллегия:

Ева Меркачева (1-й заместитель главного редактора),
Татьяна Федоткина (заместитель главного редактора),
Жанна Голубицкая, Геннадий Попов,
Алексей Миронов, Лев Новожёнов, Михаил Стародуб

Андрей ВАГАНОВ

... ВРЕМЯ ПРИДЕТ

* * *

Время придёт и нас покроет своею славою,
во всяком случае — пеплом, вулканической лавою.
Может быть, по расчёту, скорее всего — сдуру,
Время придёт и нас впишет в архитектуру
будь то: лагуна, площадь, колонна, крылатый лев, —
который небо щекочет, — архитрав, барельеф...
Или, возьмём ближе, бревенчатый пятистенок:
Время придёт и вылижет память о нас постепенно
до состояния струганной половицы в избе...
Время идёт из пункта «А» в несуществующий «Б»,
вне всякой морали, не лишено эстетики,
прирастая нулями и проставляя крестики.
Отсюда — это поветрие, если так можно сказать:
мало кто хочет бессмертия, всего лишь — не умирать.
Я-то знаю своё — не говори, что жесток! —

место, как тот сверчок, посаженный на шесток.
С точки зренья жука, мир непростительно прост:
Время придёт — на нас вылет свой купорос,
стерилизует от вездесущей органики
Пространства сквозной пролёт. Нас сделает крайними —
только набором букв, вне всякой семантики.
«Что это?» — спросит внук, но вряд ли правнучка с бантиком.
Впрочем, и это пройдёт. Вот тебе мой сказ:
Время возьмёт своё, и не пропустит нас.

* * *

Памяти поры заполни
пылью прошедшего времени.
Расположи в книжных полках,
в скользких слоях кремния
запахи, образы, звуки,
точки пересечения,
сны или даже — глюки,
тактильные ощущения...
Всё, что сочтёшь полезным —
мало ли, что там сгодится,
при переходе в бездну, —
запахи, звуки, лица,
фрактальный узор дрожи
(между лопаток — к темени)...
Всё обернуться может
пылью прошедшего времени.

* * *

Все тут ругают молодёжь.
Я тоже ею не доволен.
А, впрочем, что с неё возьмёшь —
она нас выпихнет невольно

(иль вольно — разве их поймёшь!)
Мы сами таковыми были...
Одно и то ж, одно и то ж...
И лишь дизайн автомобилей,

текучий, как ручей в апреле,
даёт нам повод осознать:
увы, мы всё своё отпели...
Но — так приятно подвывать!

* * *

Вот он — припев судьбы,
о котором можно мечтать:
стареть у Большой Воды
и потихоньку клясть
совсем молодое вино;
смотреть на мир с высоты
не положения, но
точки горной гряды.

Аптека, клуб, чайхана
(пиво — риал за кварту!)
Саид — читай: Сатана! —
партнер по игре в нарды.
Время впадает здесь
в зависимость от пейзажа
и матерее: взвесь,
некий коллоид даже.

Тихий, пустой городок,
собственность (в равных долях)
солнца и пыли. Бог
знает что в этих краях
ласкает память и взор,

чему и названия нет —
весь этот сущий вздор
на склоне горы и лет...

СТИВЕН ХОКИНГ

* «Всё неизвестное представляется величественным»

Тацит

1.

Сломанные компьютеры
не попадают в Рай...
Их обесточенные трупки, —
пластмасса, купрум, дюраль,
процессоры, клеммы, шины;
их материнские платы, —
поскольку уже души в них,
так сказать — кот наплакал,
в очереди на Голгофу
железно хранят молчание,
не подчиняясь Кирхгофу...
Списанные, отчаянные.

2.

Это не просто к.з., дружок...
Это, — по-русски сказать, — кирдык!
Это, как если в дверной глазок
глянул, а с той стороны впрытык
к твоему зрачку — чужой зрачок,
нечто, буквально потустороннее...
И у тебя вдруг играет очко,
но это не видно никому постороннему.

3.

Omne ignotum pro magnifico est* —
римляне ведали толк в величественном.
Однажды ты не пройдёшь этот тест
и кто-то вырубит тебе электричество.
Можешь молиться богам, волхвам,
можешь якшаться с тотемным зверьём...
Сломанные компьютеры попадают в хлам,
а оттуда, уже напрямиком — в сырьё.

* * *

Сыт и немного пьян,
сам себе бог (в смысле — Пан).
Выпал первый снежок,
топчет его сапожок.
Жизнь хороша и уютна,
как капитана каюта,
если не брать в расчёт,
что всё в этой жизни течёт:
время, вода из краника,
сны пассажиров «Титаника»...

Александр ПАРШУКОВ

Встреча со звездой

По Дороге я бреду Млечной,
И ладони подставляю звёздам!
Пропускаю тайный вход в вечность,
Но обратно повернуть поздно...
Знаю, звёзды не придут сами,
Не дождёшься, канешь сам в лету.
Во Вселенной у них свой саммит,
Приглашений, жаль, туда нету...
Только чудо если вдруг случится,
Не мечтаю о таком даже...
Вдруг звезда, чтоб вместе нам лучиться,
Мне в открытую ладонь ляжет!
Я затейнице шепну милой:
Волшебство творить в твоей власти,
Подари корзину мне силы
И в довесок туесок счастья!

Чтобы жизнь не зря прожить в Свете,
Всё пройти и превозмочь в меру!
Те, кому своя звезда светит,
Обретают навсегда веру.

Вечер у камина

В холодный вечер длинный
Все в мыслях о своём,
Присядем у камина
И для души споём!
И сотканный из пряжи
Мелодии и слов,
Нам плед на плечи ляжет
И нас согреет вновь.
Сам бог печаль разгонит
И явит красоту,
Где ночь в своих ладонях
Баюкает мечту...
И всё расскажем честно
Покуда жар в золе
И нам не будет тесно
На маленькой Земле.
Уже движеньем плавным
Заря светлит восток,
А нам о самом главном
Успеть бы хоть чуток!
Осенней долгой ночи
Никак нам не продлить,
Но нам нельзя короче
Нам тему бы раскрыть.
Об общем и о личном,
О мире, о войне,
О нашей безграничной
Родимой стороне!

О том, как прочны звенья
Сплетённых дружбой рук,
О том, как дождь осенний
Грехи смывает вдруг...

Надо просто любить!

Представьте, как пусто бы было
На нашей Земле без любви?
И ветром бы не доносило
Ответа, зови не зови...
Творца неусыпное око
Свой взор от людей отвернёт,
Ведь если душе одиноко
Угаснет она и умрёт!
Немного ей в сущности надо:
Заботы чуток, доброты,
Чтоб ласковым словом и взглядом
Заполнить провал пустоты...
Чтоб в счастья потоках незримых
Купаться нам всем довелось!
Но вместо того, на любимых
Срываем досаду и злость!
Встряхнуться пора и проснуться!
Пред небом душой не криви,
Нам даровал Бог прикоснуться
К великому чуду любви!
Чтоб стала вражда невозможна,
Чтоб впредь Человечеству быть,
Решение в общем не сложно:
Нам всем надо просто любить!

Иван ЧУДАСОВ

ЗВЁЗДНЫЕ ЗВУКИ

Зыбких звонких звуков зарожденье:
Золотые звёзды заливаются.
Зло Земли заметно забывается.
Замечательное заблужденье.

КОРАБЛЬ <В. ПУЧКОВУ>

Comme je descendais des Fleuves impassibles...

Артюре Рембо. Пьяный корабль.

Комнату качает, как каюту...

Владимир Пучков

Комнату качает, как каюту.
Кораблём курсирую куда-то.
Крутит компас. Крепкие канаты —
Как кифара крупная кому-то.

Кру́жится, кипит кругом, клокочет!
 Как кряхтит корабль! Капель клу́бы.
 Крénится, как кланяется, купол.
 Киль клюёт, как криволапый кочет.

Киль кивает! Как корму кидает!
 «Катастрофа, кажется! Карамба!» —
 Кок кричит, клянёт кастрюли, камбуз.
 Как каюту, комнату качает.

КОЛОБОК

Крепче корни — короче крылья.
 Круглый куст как, качусь, качусь,
 Кочевым колесом кручусь.
 Капли катятся... крокодилы.

Километрами как кичусь,
 Как кузен кругосветных килей.
 «Кретиноиды, кто коптили
 Край, как кактусики!» — кричу.

Кроткий куций кружок контактов,
 Кратковременные контракты,
 Кучи кинутых книг-костей,

Конопатая карта курса.
 Кто конечная? Каракурты?
 Клещи крепких крутых когтей?

СОНЕТ, СОЧИНЕННЫЙ СРЕДИ СТАНЦИЙ

Снег сыпал сверх стандартного — сметана.
 Салатных станций серпантин столичный.
 Слова соединяю синтетично,
 Сижу, сонетик составляю странный.

Сражённый сразу стрелами Светланы:
 Стройна, светла, спортивна, симпатична,
 Спокойна, справедлива, саркастична —
 Сюжет сыграть Святого Себастьяна?

Сорт синих сланцев, строгий свитер серый,
 Сиреневая с синим (стильно!) стрижка...
 Скетч сей сердечный? Стрёмный. Сухо слишком.

Сгораю со стыда. Смерд, словно сера.
 Сегодня сочинять стишок собрался —
 Стабильно снова срам. Себе соврал сам.

ЧЕЛОБИТНАЯ ЧИТАТЕЛЕЙ

Лере Чу, Владу Фролову, Владимиру Трусову

«Чудасов, «че» чернил черпни,
 Чистоговоркой чёткой
 Чудно Челябинску черкни
 Четверостиший чётки».

Челябинск чужд, что Чевенгур.
 Читал часа четыре.
 Читал чрезмерно, чересчур,
 Что червоточит чирей.

Челябинск чемпионски чист!
Чарует, честно-честно!
Челябинска черчу чек-лист.
ЧелГУ — чума! Чудесен.

«Чиновника чистовики!
Чирикай-ка честнее.
Чрезмерный челлендж, чуваки!
Черкни чуть-чуть чернее!».

Чадящий чёрный частокол,
Черметзаводов чёлка.
Чета Чернобыля чехол,
Чумазее чертёнка.

«Чушня! Чванливость четвертуй!
Что, чешется чуб, череп?
Чти чествования черту!
Что чешешь часто через?»

Челёби — чрезвычайный чин.
Челябинск чисто чаша.
Честь — частных череда, чин-чин,
Челчерметпромхиммашей.

«Что чёрство? Чувства чахлый чан.
Что, чуйка чужда часом?
Черновики чушь. Чемодан —
Чеши, чушпан Чудасов!».

Лариса ЗУБАКОВА

ПОД ЗАНАВЕС

*Театр уж полон; ложи блещут;
Партер и кресла — всё кипит;
В райке нетерпеливо плещут,
И, взвившись, занавес шумит.*

А. С. Пушкин

1. Зазывала

Спешите! Спешите! Спешите!
Даёт представление заезжая труппа
лихих трюкачей и отъявленных плутов
в глуши первозданной для праздной толпы.
Вот чудо, так чудо. Такое попробуй сыщи-ка!
А здесь оно — вот оно. Даже не надо искать.

Так спешите,
 сполна заплотивши страданьем и мукой
 за правду грошовую жить и грешить;
 за радость слепого везенья и счастья;
 за горечь рыданий и благодать участия.
 Спешите! Спешите! Спешите!

Спешите в театр!

2. Клоунада перед началом представления

Иллюминация майская —
 праздничных красок мазки,
 стань же весёлою маскою
 глупых страданий моих!

Я — Арлекин невесёлый,
 шут городских площадей.
 Ах, напридумали всё мы
 самых красивых людей.

Станный, удушливый, терпкий,
 мир не таков, Арлекин.
 Вынесем. Выдюжим. Стерпим.
 Выдержим, мой господин.

Самые гордые люди
 на городских площадях
 с нами отплясывать будут
 в дьявольских этих огнях.

Да! мы придумали шутку
 тысячи радостных лиц,
 чтобы Вам не было скучно
 с нами, мой сказочный принц.

3. Лунный свет

(Воздушная акробатика)

Карабкаюсь по лунному лучу
 всё выше, выше...
 Горбун напрял их много,
 таких тонюсеньких, но крепких.
 А мой их всех прочнее.

Горбун прядёт лучи,
 а крыса — вечный враг —
 их перегрызает.
 ...И падают в траву огрызки,
 И обвисают, беспомощные, над землёй лучи.

Ну вот, и мой сумела перегрызть.
 Вдруг сил не хватит до Луны добраться?
 Луч высоко оборван.
 Назад дороги нет.
 Вдруг упаду — ведь точно разобьюсь.

От страха закружилась голова.
 Куда там до Луны! —
 в руках совсем нет сил.

А лес внизу топорщится щетиной,
 и запах трав струится до небес.
 Вон озеро глядит огромным оком —
 спасенье в нём.

...И волны разомкнутся и сомкнутся
 и вытолкнут испуганное тело
 на берег, к травам.
 А брызг фонтаны до Луны достанут
 и возвратятся,
 обратившись в звёздный ливень.

4. Антракт

Песня о солнечном Рио,
о Гибралтаре-проливе...
В диком бунтарском порыве
песню о солнечном Рио,

спящем в полдневной истоме,
пел человек развесёлый,
и, утомлённая зноем,
в сладостно-жаркой истоме

песня, как лодка, качалась...
Где-то слова обрывались.
Но, ни о чём не печалась,
мелодия продолжалась.

5. Из цикла миниатюр «Рыцари и короли»

Мне говорить сегодня с королём
О рыцаре мятежном, неземном...

Король!
Он слышать ложь из уст моих привык.
— Спроси о нём — пытай меня огнём,
пронзи мечом иль исхлещи бичом
и вырви мой несправедный язык!

Король! король!
ты головой поник?
Теперь казни меня, о мой король!
Но почему в твоих глазах читаю боль?
Где гнев всеильный твой?

...О ужас!

6. Монолог, подслушанный в антракте.

— Король! к Вам какая-то Дама.
Вся в чёрном, вуаль
на лице.
— Просите!

...Из рыцарских времён
трагедии ли, драму,
весёлый фарс —
Король и Дама —
на сцене повторили вновь.

...А ты идёшь, шатаясь, из таверны,
и жизнь твою в портовых кабаках
рассыпана в последних медяках,
в вине разлита сей рукой неверною.

Свет от луны течёт весёлым джином,,
и в русской водке скривлен горький рот.
Скорей назад в зелёный зыбкий грот
ночной таверны, хмелем одержимой!

Я провожу тебя до поворота
глухой ночи в разнузданный кабак —
теперь прощай. Скорее о косяк
опришь.

Ведь как бы ненароком

и не упасть.

Поверь мне, очень больно
прекрасным ликом в эту вонь и грязь.
Не надо просьб. Усталых смятых глаз
я видеть не могу.

Прощай.

Довольно! —

Назад, театр,
в уютность алой ложи.
Эстетов полон полутёмный зал
затих.
Почему же страсти
иных времён тревожат
нас?
И для чего
облачены в высокий сан
актёры и актёрки некстати
и сам театр?

7. Второй антракт

Горечь кофе,
горечь сигарет.
И у жизни тоже та же горечь.
Позабыть...
Дымком седым согреть-
ся.

В гуще кофе, в дыме сигарет
заживёт нечаянное горе.

8. Дрессировщик

Со мной моя смешная обезьянка.
— Устала, милая? Ну хватит корчить рожи.
— Эй, посторонись-ка!

Отойди в сторонку.

В программе единственный —
неповторимый номер!

Человек без кожи!

Едва прикрыт тряпьем кусок кровавой плоти.
— Не бойся, милая. Не бойся, обезьянка.
На высшем уровне поставлен фокус.

Ну как?
Что скажешь?
Здорово нас разыграли?

И взвизгнула испуганно шарманка;
задёргался Петрушкин смех на ниточках.
Ах, боль моя, любовь! Ты — обезьянка.
Ах, фокусник, насмешник, сжался,
смилуйся!

9. За кулисами

Коль на трагедии мочи не хватило,
ломай комедию, кривляка площадной!
Здесь всё смердит нечисто игрой,
торгашеством, и алчный дух наживы
витают всюду.

Здесь
всё в борьбе за существование.
Существую.

Я — сущее, живущее — живу:
кривляюсь,

падаю,

карабкаюсь,

кричу.

От полноты мироощущенья задыхаюсь.

10. Занавес опущен.

Монолог перед опустевшим залом.
Я — раб с тяжелых греческих галер.
О ты, который с радостью смотрел
погибших гладиаторов бои,
прими страдания их. Они — твои.

Убитый раб принёс тебе их в дар,
патриций. Он вед был нестар,
красив, силен. Ну что ещё сказать
сумею для тебя, вельможа? Знай,
кумир толпы и твой презренный раб,
я медякам в жестянку буду рад.
Смешить со сцены — мой удел взамен
тем медякам. Наступит ли момент,
когда смогу упасть и отдохнуть?
Зверь раздерёт мою нагую грудь.
Так умер гладиатор — мой собрат и друг.
Со сцены убран труп толпою жалких слуг.
Но я — лишь раб измученный с галер,
прикован цепью. Мне ль его пример?
... — Но чу!...

шаги...

Эй, кто идёт сюда?

Театр закрыт.

Бьёт полночь, господа!

Изабелла ВЕРБОВА

МОЯ ОСТАНОВКА

А вот и моя остановка.
Автобус шинами топчется.
А мне выходить неловко,
Мне выходить не хочется.

Автобус уже мною обжит.
За окнами холод ноет.
А здесь жаркой печки обжиг
Палит нестерпимым зноем.

Но. это моя остановка.
Автобус утратил прыть
Мои угадав уловки,
И невозможно не выйти.

Струя ледяная колет
Ветер — каленым свинцом.
Морозной, грубою солью
Снег мне сыплет в лицо.

Нет у меня сноровки —
Шаг. И назад на метры ...
Но это моя остановка.
И я иду против ветра.

ЖИЗНЬ

Жизнь от страданий неотделима.
Только не надо на них застревать.
Слезы, обиды, драмы — все мимо.
Жизнь — это, в общем — то — благодать.

И за окошком больничной палаты
Легкой поземки трепетный бег.
Неповторимы зимою закаты. —
В розовых отблесках выпавший снег.

Вязью решетки тюремной железной
Четко отчерчены рубежи.
Вроде бы жизнь в кандалах бесполезна,
Только и это все-таки жизнь.

Пусть все на свете неповторимо.
время бежит вперед, а не вспять.
Счастья мгновенья душою хранимы.
Жизнь! — Это все-таки благодать!

РЕМЕСЛО

Не приемлю иронии к слову «ремесленник».
Корень жизни — в руках ремесло.
Как же вышло — к бездарным, беспесенным, —
Это слово так приросло?

Где, какой неумеха, не мастер,
Возмечтавший себя утвердить
Красоту разложил на части,
Но не смог ни скроить, ни сшить.

Не пирог он испек, а месиво,
Про такого молва разнеслась —
«Плохо делает дело — ремесленник!»
Но как раз он не знал ремесла.

Ремесло! Нет надежней опоры
Как бы в жизни — везло — не везло,
Отомкнутся со скрипом створы,
Если крепко в руках ремесло.

И за все, что умею и знаю,
Благодарна своей судьбе.
Ремесло, я так понимаю,
В жизни след — не круги на воде.

Ремесло. Работа до пота.
Лодка крепкая на два весла.
Что создашь по высшему счету,
Коль не ведаешь ремесла?

Взглядом грустным беспокойно
Смотрит женщина седая.
Что известно ей такое
Из того, что я не знаю?

Лист осенний, прошлогодний
Дружно мы сгребали в груды.
Мусор, ни на что не годный,
Даже жар струился трудно.

Сединою горьковатой
дым стелился под ногами.
И вздохнула виновато
Женщина: «Вот так же с нами...»

Все уйдет в страну иную,
Обратится в пыль. И ветер
Даже след твой тихо сдует
Будто и не жил на свете...

А в саду весна бурлила.
Новый лист бы смят и влажен.
Ждал тепла и светлых ливней
Сад, что прадедом посажен.

Ты видел, как деревья умирают
Весною
в неоттаявшем лесу,
Когда они на серый снег роняют
В тьме веток чуть зачатую листву:

На желтом срезе влажный сок засохнет.
Коры ненужной загрубеет плен,
И тонко на поминках ветер охнет.
Познавший жизнь, понявший тлен.

И точно также люди умирают
На некрахмальных смятых простынях,
Когда надежда на спасенье тает
И вместо будущего только прах...

Но вопреки отмеренному где то,
Живет как бы в бессмертье человек.
И также мысли неизменен бег,
Что открывает новые планеты,

Там, в запредельной неоглядной выси.
И у себя в непознанной душе,
(На будничном, обычном вираже)
Законы малых и великих чисел.

Девочка играла на рояле,
Звуки вылетали за окно.
Пальцы ее бегло повторяли
все одно и то же, все одно.

Было ей не скучно от чего-то
Так упорно клавиши терзать,
Не окончив фразу. Вот опять
Нить пассажа вьется монотонно...

И не уловила я момент,
Отозвался вдруг волшебным тоном
Ей уже послушный инструмент.

И совсем внезапно и мгновенно
Высь взметнулось музыки крыло.

Светом и надеждами Шопена
в сумраке прохладном расцвело.
В мир, где честность, красота и лад
За собою музыка манила.

И казалось только сложились,
А не много лет тому назад.
И хотелось верить нежным нотам,
Радоваться с ними заодно.

И не помнить, чужим стал кто —то,
Верить, что за ближним поворотом
Будет только счастье суждено.
Сложно в этой жизни все. И просто.

Только кажется. что люди — каждый — врозь.
Через душу девочки — подростка,
То, из- за чего Шопену не спалось
В мир мой добротой перелилось...

Через стены музыка струилась,
Через даль, напластованье лет
Оживало в нем.
Любило,

Билось
Сердце излучающее свет.

Летний дождь тихонько капал с веток.
Замерев на краешке сухом,
Я внимала музыке заветной
Музыке, звучащей за окном.

Марианна НЕКРАСОВА

Ночь. Женщина. Окно. Расплата.
Бедна она или богата?
Стекает покрывалом ложь —
Теперь ты голая и что ж?

Прекрасно тело — бездуховно,
И совершенно безгреховно!
Ночь. Женщина, окно. Расплата.
Устала — в этом виновата!

Не горю уж, а горюю на беду.
Я лишь тлею и тоскую — как в бреду.
Жизнь хрупка и быстротечна как вода,
Состоящая под вечер из льда.

Жизнь хрупка и быстротечна —
Милый мой.
И любовь, и смерть не вечна —
Лишь покой...

Мне бы проще — уйти и исполниться,
Я ведь в прошлом — шальная любовница.
От травы пахнет перечной мятою,
А ещё моей жизнью помятою.

Мне бы только — уйти и исполниться:
Раствориться, забыться, опомниться!
От росы пахнет перечной мятою
И душою моей виноватою...

Воспоминанье многих рук —
Вино в бокале.
Ты был похож на мой испуг..
Что мы искали?

Нас лабиринтами судьба
В простор уносит.
А что хотела я сама —
Никто не спросит.

Изнеможенье страстных тел —
В невинном свете.
Меня увидеть ты хотел —
Но не заметил.

Лилось рубиновой рекой
Вино устало.
Души неведомый покой
Я обретала...

Мне надо забыть тебя,
Мне надо с другим забыться.
В биенье тяжёлого дня
Мелькают серые лица.

Мне надо пойти домой, —
И всё вернётся на круги.
Мне лучше остаться одной —
Заламывать в горе руки!

Пуста любовная боль,
От яда лекарства нету.
Пойду я снова искать
Потерянный рай по Свету...

Тебя любить ужасно больно...
Так обжигает губы лёд
При поцелуе, — мне довольно, —
Надеюсь, скоро боль пройдёт?

Тебя любить ужасно сладко —
И невозможно в тот же миг!
Ты, моя вечная загадка,
Ты, мой бессмысленный тупик!

Ты, моя радость и страданье!
Ты, моё счастье и покой!
И приговор, и наказание,
Ты — суд, и подсудимый мой!

Михаил СТАРОДУБ

Будь свобода в сочиненьях!

ПАМЯТКА

Будь горбатым иль рябым —
не стесняйся похвальбы!
Научись кривляться мордой
снисходительно и гордо!
Глядя вдаль поверх голов —
не жалея заумных слов.
У толпы —
из глины лбы.
И общественное мненье
без подсказки в затрудненьи.

Вокруг несметные числом
торчат бесхозные возможности.
Разнообразной самой сложности
классично — меж Добром и Злом.
Ждут подходящего носителя:
любого из неробких жителя.
Для креативного служения
и терпеливого движения.

Из тьмущей тьмы крадётся зло
(неубиваемый микроб!) —
насытиться добычей чтоб,
и стать привычным ремеслом.
Грозить. И множиться числом.

Вокруг без счёта мастеров
пустопорожних громких слов.
И каждый, в профиль и анфас,
на откровенье претендент!
И каждый соблазняет нас
как пыльный баннер «second hand»!

2.

Мир —
гигантский болтливый рот —
не желает с утра закрываться!

Пусть бубнит. Не беда, что врёт.
Мы привыкли. Куда деваться?

3.

Чрезмерный флуд измучить может.
Настырное одно и то же
заставит тосковать до дрожи.
Болтун не знает истощенья.
Болтливость — форма извращения.

УТРО

Смыслы и сужденья спят
(или грамотно хитрят).
Из постели марш-бросок
исполняют знатоки.
Чтобы растрясти жирок.
Дабы освежить мозги.
День — ни узок, ни широк.
Если ты с собою строг,
сладкой лени вопреки,
ноги — в руки, и беги!
Поспешай не без труда
вглубь сурового «туда»
из уютного «отсюда».

Я тобой гордиться буду!

МАЙ

Сообщенья в ароматах
невесомы и крылаты,
а палитра настроений
чересчур замысловата...
У деревьев и растений —
корни общих размышлений.
Издревле они могли
слышать отчий глас Земли.
И благословлять труды
солнца, неба, и воды.

2.

Май — вообще,
а мы в нём — частности.
Я нежусь в солнечном луче
с восторгом и в счастливой праздности,
среди таких, как я существ
и всяческой разнообразности —
спасая частность от ненастности.
На что я-нынешний гожусь? —
Я длюсь. А что так скромно, пусть.

БЛИН

Как обольститель королев,
мужей изящных, стройных дев —
румяный блин —
неумолим!

В преддверье близкого экстаза
(златой овал приятен глазу)
утроба в счастье! Раз за разом
(блин редко шастает один).

Я И ФУТБОЛЬНЫЙ МЯЧ

Футбольный мяч —
большой ловкач.
И честный работяга.
Он иногда бывает зряч,
но часто — близорук, хоть плачь, —
буян и забияка!
Мы с детства лучшие друзья:
объём из кожи для битья
и виртуоз удара — я.

ВЕСЕННИЕ РАЗМЫШЛЕНИЯ

Как изморось на ветке —
седая прядь брюнетки.
Изысканной расцветки
брюнетки крайне редки!

А если ты блондинка
с косою по старинке —
терпи нас, ротозеев,

что с трепетом глазеют!
Случается, нам всласть —
иных оттенков власть.

Новенького дня творенье —
милосердный акт даренья.
Безусловный знак Добра.
Жизнь бесценная игра
(не бессрочная, известно).
Отказаться — не полезно.
На текущее мгновенье —
будь свобода в сочиненьях!

Алиса БАГДАСАРЯН

Перевод Марлены Мош

Из рубрики «Перевод друзей-поэтов из солнечной Армении»

Алиса Багдасарян — поэтесса, кандидат филологических наук, член Союза писателей Армении. Прошла путь от журналиста и преподавателя до проректора университета. С 2024 года работает в ЕГИТиК (Ереванском Государственном Институте Театра и Кино). Автор семи книг; её стихи переведены на русский, английский, французский и немецкий языки.

Любовь
Это путь
Непостижимый,
Обретений
И потрясений.

Любовь
 Когда воскресают
 Потери
 Забытое...
 Детство.

Любовь
 Это привал
 Чтобы в ее пути
 Жизнь на ладони почувствовать

Протянуть руку до звезд взглядом
 Путь

Любовь.

Переписывать на чистовик нет времени,
 Все как есть экспромтом.
 Лестницы устремляют вверх.
 От высот уже
 Головокружение не донимает,
 Падения обучают.

Дни

Друг за другом
 Скатываются вниз.

И где спрашивается
 Время жить?

Впав в нирвану
 Воображение мое
 Встречает тебя
 И самую дерзкую
 Картину рисует.

Прошрое,
 изрядно рваное тряпье,
 Приняли за одежду реальности,
 и идем вперед
 безропотно.
 Шаги бесшумны
 Следов нет.
 В воздухе тревожность.

Вдали от тебя
 мои мечты скулят от тоски.

В хаосе шума
 От тишины рожденной
 Твой ласковый шепот
 в моих объятьях
 Так день за днем жду тебя.

Придешь?

Мысль постоянно
 Отшлифовывает
 Грезы о тебе.

Ждать?

От перезвонов лучей
Захлебывается пространство.

Любовные романы
Пролистываю как попало...

И молчу,
И ты молчишь.

Слова приуныли
Без нас.

Женственность
изливается

От желания
тебя лицезреть.

Рожденное в извечных отношениях
между мужчиной и женщиной
посвящение
плавает
в море времени.

Дыхание воды
наиболее осязаемо
у берегов.

Во всем мире вода всех морей
на своих ладонях
чувствует
наше присутствие.

При наличии
крепкой руки
кому нужны руки чужие
кожа в форму объята
ласкает чувственность
и на небе парят
белоснежные голуби.

На костылях шагающий солдат
носит сумки
прикрепив к локтям,
Лишенный зрения
паренек
видит чужими глазами
свою подругу;
Дни Рождения
отмечаются
со слезами Памяти.

Патриотизм
распластался
на улицах моей Родины.

Время
Словно дождь сметает
Следы:
Голос
Дыхание
Улыбку
Черты лица подергиваются туманом
И уносятся в небо

Там сокровенные мечты.

Каждое утро
Она рисует на окне свою любовь,
А дождь
стирает сердечки обескровленных глаз —

Все времена года стали дождливыми.

Она везде рисует руки,
Но они не заключают ее в объятия,
И любовь кричит.

Из любого слова клубится тоска,
Окна наполняются слезами.
Любовь белая голубка
Парит в небе.

До войны
Любовь
В конвертах
Букет расцвеченный.
На войне
Красным цветом покрылись
Нагрудные карманы у парней.

После войны
В красное не наряжаются девушки.

МОЙ МИР

Если спросишь,
Кем я была с тобой?

Отвечу:
В мире
Нашедшая мой мир
Счастливейшая из счастливых.

Если спросишь,
От тебя вдали
Кто я сейчас?
Сравню себя
Со сгустком туманного облака,
Что от неудачного взлета
Попало в незнакомое место
И дождит заблудившись.

Если спросишь
Кем я завтра стану?
Отвечу не задумываясь:
Уставшее от мира,
Стремящееся к солнцу двустрочие

В тебя завернутое как в конверте.

ВИДЕНИЕ

Протягиваю руку — дотянуться б до тебя
Насколько ты близок и так далёк!
И просыпаюсь.
Настолько мой и настолько чужой,
Что ужасаюсь.

Страна

Посмотреть бы, что ты делаешь без меня?
Я сочиняю сказку от тоски
Без меня
Глаза твои смеются или плачут?
Без тебя
Мои глаза скорбны и тревожны.

Стихотворением
Должно было стать
Твое обещание,

Но ты не смог выразить словами
Свое чувство

И любовь стала
бабочкой вечно порхающей в небе

Словно бочка Даная
Не утоляется дума,
Когда слово обращается к тебе,
Слово прогибается
Готово пройти и сквозь игольное ушко,
Как орел взлететь готово,
Словно горы готово слово
Стоять смирно и незыблемо:
Ждать пока мир переменится,
От скалы камень оторвется,
И выйдет оттуда Мгер,
И будет свет, свет святости,

Когда слово касается тебя.

С тобой начало моего пути,
И первый шаг, и слово первое,

Здесь я поскользнулась, упала,
Но и поднялась, выпрямила спину.

Нашла, потеряла, вернула потерянное
Только тебя не смогла сохранить,
А потерявши тебя я в прострации
В лесах цивилизации,
Солнце, луна, звезды
Проникли в кожу,
Просочились по венам,
Нахлынули к глазам,
И упали, вытряхнулись из тела,
С тобой я начала путь,
Без тебя продолжаю,
Но все слова мои — тебе,
Шагаю с тобой,
Падения, взлеты, жизнь моя
Дышу тобой.

Несчастье
Не может победить счастье,
Там побед не существует,
Закроются рано или поздно все двери,
А я продолжаю
Срывать цветы из огня,

Улыбку — с земли
Мелодии — от дождя
И создавать празднество!

Хотя вдали от тебя
Руки подзабыли пластику танца,
Несмотря ни на что счастье
не может быть в опале,

Память продолжает жить,
И руки вслед снежинкам кружась
Сочиняют мелодии.

Когда у любви иссякнут все слова,
Я выйду из дома
Бродить по улицам,

Не будет виновных,
Невинных,

И адреса не будет у любви.

СТЕНА НА КЕРМ

Птицей
Отставшей от стаи,
Остаться б с тобою,

По твоим улицам бродить
Со слезами на глазах,
Пусто там — сердце защемит,
В аптеках — никого,
Лекарство не найду,
Обниму твою землю

И только от запаха крови приду в себя.

Стремглав настигну стаю,

Дабы в следующем году
Было б возможно возвращение.

Время
Обиделось на меня
И бродит по безадресным улицам,
В чьих глазах загораются
Мои еще сохранившиеся в городе взгляды.

Дом, где живет мой призрак,
Заминирован,

По лестницам катится
Клубок воспоминаний,
Что спряло время,

День за днем тянется нить,

И призрак
Продолжает бродить в том доме,
Который спит и просыпается
Возвращения моего ожидая.

Глаза смерти
Синие,
Когда не на тебя смотрят.

Смерть встречать каждый день
Тяжелее,
Чем смерть настоящая,
За ней нет ничего.

Обними меня просто
И в мире растает грусть,
Зазеленеют сухие листья
У деревьев.
Дожди
Мелодично запоют,
И зазвучат
Под лучами солнца,
Луна и звезды
С дыханием твоим
Проникнут в мою душу,

Просто обними меня.

Владимир ВЕДЕРНИКОВ

МЫ ПОМНИМ

*Моим родителям,
моим дедушке и бабушке*

Я чуть постарше Дня Победы,
И воевал лишь во дворе.
Но этот праздник вместе с дедом
Мы отмечаем наравне.

Мне не знаком язык бомбежки,
Холодный пот при свисте мин,
От пули брызнувшие крошки,
Глоток из кружки за помин...

Да, я не нюхал горький порох,
Как мой отец в конце войны,
Но все ж людского горя всполох
Коснулся и моей струны.

Как дед, не строил переправы
И ночью не рубил мосты,
Но всё же я имею право
Поднять свой голос, как и ты.

Я помню, как под Ленинградом
Вгрызались в землю там и тут,
Как мать с сестрой трудились рядом,
От немцев строили редут.

Как та война, что не щадила,
Как многих, и моих родных,
Семье печальный счет открыла:
Раздел на мертвых и живых.

...По необстрелянным солдатам
Бил немец из всех стволов...
Он был для мамы старшим братом —
Иван Иванович Перов.

Судьба Ивана неизвестна:
В плену иль где-то в битве пал.
И нету горестней известья —
В сражении без вести пропал...

Без вести... Только и осталось
Терпеть, надеяться и ждать.
Ей доля горькая досталась,
Что может выстрадать лишь мать.

Ждала напрасно Евдокия.
Да разве же она одна?
Да есть ли на Руси такие,
Кого не тронула война?

Те годы, как больные раны,
Всегда предчувствия полны.
Мы помним, дети ветеранов,
Мы не забыли той войны.

АФГАНИСТАН

*Ребята, простите нас за то,
что вам пришлось все это пережить*

Вы подружились на войне —
Там дружба ценится вдвойне.
Я нужен? Вот моя рука!
Там не клянутся на века,
Ведь завтра бой,
А там, как знать ...
Все это может осознать
Лишь побывавший там с тобой.

С тобой прошедший кровь и пыль,
И горький поворот судьбы
Друзей погибших и живых.
О, боже правый, сколько их!
Ты помнишь всех наперечет,
Ведь память без конца влечет
К оставшимся в далеком там
Еще живым твоим друзьям.

Ты выжил. Вновь в родных местах.
Но только вот Афганистан
Все держит и не отстает,
И спать ночами не дает.
Ты старше матери, отца,
Не видевших войны лица,
Живешь с простреленной судьбой
И ждешь, что завтра снова в бой.

КРАСНАЯ ЗАРЯ

*Что имеем — не храним,
Потерявши — плачем.*

Они были ещё живы
Наши прадеды и деды.
Хлеб сажали и растили
Наших мам и пап.
А потом на них свалились
Эти проклятые беды,
И тот час же
Изменилась их судьба.

Много, много
Наших дедов
Пали на войне германской,
Много крови их пролито
В тех боях.
Но потом на нашу память
Будто наложили маску,
И незнамо, сколько их
Лежать осталось в тех краях.

Воевать пришлось с германцем
Долгие четыре года.
Воевали за Россию, за царя.
А меж тем в стране случилась
Смута и раскол народа,
И зажглась в России
Красная заря.

Та заря тогда спалила
Тех, что звали цвет России:
Кто убит, а кто бежал с земли родной.
Их рассеяло по миру

И так долго их носило,
И судьбы не пощадило ни одной.

Их не тыщи —миллионы,
Что покинули Россию,
Не принявших Красную зарю:
В рясе, в штатском и в погонах,
Не принявших как мессию,
И служить не ставших бунтарю.

И страна для них закрылась,
И в години лихолетья
Отказалась от своих сынов.
Грубой силою вломилаь,
Отвернулась на столетье,
Отобрав и родину, и кров.

Сколько по свету моталось
Злых, усталых, одиноких,
Исходив, наверно, тысячи дорог.
Сколько же их там осталось,
Кто осел в стране далёкой,
Знает, верно, только один Бог.

И остались на чужбине
Уж четыре поколенья
Русских, что рассеяла заря
И народ разъединила.
И все мучает сомненье:
Может та заря
Зажглась в России зря...?

РАЗДУМИЕ

Когда лениться ум устанет,
Накатит первая волна,
Как хмель от выпитого зелья
Среди бездумного веселья
И за грехи воздаст сполна,
И горьким комом в горле встанет.

И вдруг обрушится на Вас
Вся череда воспоминаний
И ощущений непонятных:
Обрывки мыслей,
Фраз невнятных
И саднящих напоминаний —
Ваш тайно спрятанный запас,
И это Вас врасплох застанет.

Ведь даже не подозревал
В себе ты столь тяжелой ноши,
Что холодит и обжигает
И Вас в смятение повергает,
Как снег, как первая пороша —
Ты слишком долго прозревал.
И час раздумия настанет.

ДРУЗЬЯМ

Нам жизнь порой отводит эту роль:
Когда друзья уходят безвозвратно,
Нелепо, неосознанно, внезапно,
Душа не сразу принимает боль.

Мы, провожая друга в дальний путь
И этой безысходности не веря,
Еще не в силах осознать потерю,
Лишь пустота переполняет грудь.

Друзьям, кто на земле пока в чести,
Утрату предстоит еще постигнуть,
Познать, как одиночество настигнет,
Которое так трудно отвести.

Юрий КРАСНОЩЕКОВ

ВРЕМЯ ПРИШЛО

Маленький столик. Точней, табурет.
Устало присел на кровать я.
Дня завершился смешной винегрет.
Сел в тишине отдыхать я.

На табурете конфеты, свеча,
Стаканчик с водой, нитроспрей.
Высотки в окне в огнях каланча.
И мало осталось друзей.

Похоже, что так. Им не до звонков.
Когда позвоню им я,
Сброс я услышу и сумму гудков.
Храни вас Господь, друзья.

Конечно, дела. Понятно, здоровье.
 У каждого свой, его, мир.
 Подумаешь, ну, обращаюсь с любовью.
 Кто я? Лишь миг и на миг.

И все-таки, все-таки, люди.
 Да, век наш зубаст и клыкаст.
 Но всё-таки добрыми будем.
 Время пришло, как раз.

НАШЕ ПОКОЛЕНИЕ

А тикают-то часики!
 Бессчётными пружинами
 Закручены галактики.
 Пожили? Да, пожили мы!

Не мудрили, космы как
 На голове чтоб адом.
 Покоряли космос мы.
 Познавали атом.

Сталь варили, олово.
 Вдаль тянули ЛЭП.
 На комбайнах в поле мы
 Убирали хлеб.

Неоглядность неба
 Пока не грозова.
 Будто само лето
 Лилось в кузова

Машин, что вереницей
 Хлеб везли на ток.

В сёлах и в столицах
 Знали в жизни толк.

Делать — так на совесть.
 Надолго, не на раз.
 Были и Ассولي,
 И Грэй среди нас.

Мечтали. Размышляли.
 Стихи на площадях
 В открытую читали.
 Видели в глазах

Приязнь и пониманье —
 Почётней нет медалей!
 Машиной поливальной
 Облиты, танцевали

Утром, со свиданья,
 Радостны, вприпрыжку
 Спеша домой. В читальнях
 Очередь за книжкой

Редкой. Всем охота
 В сложном разобраться.
 На мысль, на знание — мода.
 «Есть много, друг Горацио...»

Чтоб стал ещё понятнее
 Доставшийся нам мир.
 Не шли мы на попятную.
 И Чехов, и Шекспир

Нам в помощь. Чтоб осмыслить.
 И чтоб улучшить мир.

В слова вникали, в числа.
Ценили каждый миг.

Тикайте вы, часики!
Закручены пружинами
Бессчётные галактики.
Пожили? Да, прожили мы!

Скукоты не ведали.
Над всем, что миром сделано,
Склонялись с интересом мы.
Над воландами, ведьмами.

Детально рассмотреть их
Было любопытно.
Мыслию измерить их.
Невежество — обидно!

И без сожаления
Отвергнуть лишний груз.
Минус для движения
Нужен, как и плюс!

Но знали и Наташу
Ростову. Среди нас
Наташи были наши.
Где они сейчас?

А стройки комсомольские —
Вместе долг и дар!
Город, помню, рос как —
Новый Шагонар!

Усталость? — Уставали.
Головотяпство? — Было.

Но не хатой с краю —
Коллективом жили!

По гудку вставали,
Шли мы на завод.
Не абстрактным было
Понятие народ.

Наше поколение!
Знали мы невзгоды.
Вот тотальной лени мы
Не знали. Жизни годы

Лучшей отлетели —
Яблонь лепестки.
Новые поспели
Ягоды, плоды.

И кнуты, и пряники.
Звонкие девчонки,
Пареньки румяные,
Вы от нас в сторонку,

Пожалуйста, уйти
Не спешите тихо.
Лучшее от нас,
Пожалуйста, возьмите.

Наушники снимайте.
Иногда. Не сразу.
Бережно внимайте
Стариков рассказам.

Может быть, занудны
Рассказы те для вас.

Но, поверьте, нужно
Не забыть о нас

Вам. Иначе точно
Внуки ваши, дети
И о вас, и прочно
Забудут. Непременно.

На дни рожденья розы,
Васильки и ландыши
Дарите нам с любовью,
Дедушкам и бабушкам!

твоя душа

Мы — новобрачные у вечности!
По круговым орбитам звёзд
Нас водит Зодиак нежнейший наш,
И твой, и мой: один? — Вопрос!

Но, не вдаваясь в подробности,
Скажу, от цифр всех заскучав,
Дай Бог, чтоб право первородности
С тобой, как некогда Исав,
Не обменяли на похлёбку мы
Из чечевицы, из рыбаца...
Наверно, прозвучало громко, да?
Не громче, чем стучат сердца

Сейчас с тобою наши дерзко.
На вечер твой я шёл спеша.
И повернулось через детство
Твоё ко мне твоя душа.

сегодня

Какая ты красивая!
Какая ты родная!
Сегодня над Россией
Солнце — как награда!

Сегодня над Планетою
Небо — как успех!
Красивей тебя не было!
Красивей тебя нет!

Сегодня над Москвией
Оранжевые огари
Летят к своим гнездовиям.
Повсюду слышен говор их!

И рано-рано утром,
Пока ещё все спим мы,
На пруд большие утки
Ведут утят красивых.

Сегодня ты сказала мне,
Что встретиться мы — сможем!
Нет тебя желаннее!
Нет тебя дороже!

ЛЮБОВЬ БЕРЗИНА

Последний снег

Последний всхлип зимы,
Последний вздох случайный,
Расплакались снегов
Высокие стога,

Линяет белый цвет,
Уходит жизнь и тайна,
И чёрный ток воды
Съедает берега.

Последняя метель
Перед реки разливом,
Непрочен серый лёд,
Убог и ноздреват.

Но вспоминает он
Недавний миг счастливый,

Горящих звон коньков,
Мороза аромат.

Последний жжёт мороз
И обнимает крепко,
Как будто завтра он
Ко мне опять придёт.

Я чту его порыв
И в памяти нецепкой
Он тает в глубине,
Как застарелый лёд.

Последний снегопад
Весь мир преображает,
Он побелит тропу,
Исправит серый вид,

На миг, на миг один! —
А завтра снег растает,
Как память, как любовь,
Что все ещё болит...

Как плывет кораблик да по Дону,
Режет воду синюю с разгону,
А кораблик обгоняет птица,
А под нею девица томится.

Из-под ног земля у девицы уходит,
Она глаз с кораблика не сводит,
Вглядываясь в дали что есть силы —
На кораблике уехал милый.

Ждут его волнения и походы
Соль земли, морей глубоких воды.
Шелест стягов, взгляд бойца остывший,
Шаг один от славы до могилы.

Не кричи ты так тревожно, чайка,
Другу весть от милой передай-ка,
Чтобы он увёз в страну чужую,
Золотую нежность поцелуя.

В порту

Вот порты и портишки,
Дома, как кочерыжки,
Лежат сетей излишки,
И мачта, как игла,
Меня насквозь пронзает
И берег прошивает,
Тот, где собака лает
И роза расцвела.

Разбросаны по свету,
Окутали планету
Места, где нынче нету
Меня, но где была —
Все порты и портишки,
Где яхты, как из книжки,
Чумазные мальчишки,
Седые шкипера.

Слова, слова, словечки,
У моря иль у речки,
Горят, горят, как свечки,
Оставленные мной,
Во всех портах и странах,
В морях и океанах,

В местах пустых и странных,
Где плыл, наверно, Ной.

Года, года, годочки,
Раскрылись, словно почки,
Родились, словно строчки,
Сложились, словно дом.
Под грузом их законно
Почию, словно донна,
Как башню Вавилона,
Я строю их с трудом.

Дома, дома, домишки,
Где разные умишки
Закрылись, как воришки,
На крепкие замки.
Где сдвинутые стены
И свар семейных сцены,
Где, словно пыль Вселенной,
Текут людей пески.

Пески, пески, песочки,
Скелеты слов и точек,
Ракушки лет бессрочных,
Останки кораблей.
Средь них тону, качаюсь,
Кричу, пою, сражаюсь,
И в камень превращаюсь
Безгласный, хоть убей.

Горит вокруг сирени морок,
Дождь всхлипывает и звенит.
Здесь каждый куст, любим и дорог,
Со мной листвою говорит...

Сокрыт за полосой тумана
Зелёный лес, закат в крови.
Любви незажитая рана
Тревожит, сколько ни живи.

О чем в лесу щебечет птица
Иль воет безъязыкий зверь?
Здесь каждый сможет объясниться,
Здесь сердце Родины теперь.

Здесь, множась, прорастают звуки,
Как бирюзовая трава,
И душу обrekli на муки
Неизъяснимые слова.

Марлена МОШ

мое место в мире
вместо мира во мне
с каждым днем назойливее
занимает место в моем мире

твое слово
напротив моего
стоит насмерть
горы может сдвинуть
течение реки разворотить
и повернуть вспять

твое слово
напротив моего
не знает преград
и утешения не знает

куда мне деть мое слово
обратно оно
не может вернуться
оно застряло
в твоих ушах
и стало не моим словом
а снежной бабой
раскрутилась и набрала
столько пыли и
колючих веток-рук
и машет и машет ими
прогоняя свои страхи
прогоняя всех встречающих
близких и поперечных

как же мне приблизиться!
и сказать тебе
новое слово
осторожное
нераскручиваемое
и такое чтобы
снежная баба растаяла
и весна пришла

* * *

через меня проходил день
расстроенный сгорбленный
подбирая лоскутки
подгоревших ожиданий
самоотверженно растворяясь в былом

с ревнивой любовью
оглядываясь и славя
день завтрашний

можно надеть много глупостей
бесхозные глупости
за нами следят
и норовят к кому-нибудь
прицепиться
случайно
отвернуться от них
в порыве всяких страстей
редкая удача
к тому же они
настолько липкие
и хвастливые
показать себя
кому попадая
их счастье
на наше несчастье

десять умностей
одна глупость может зачеркнуть
и напоминают о них
нарочитее

можно надеть не так много глупостей
если поверхность твоего восприятия
гладкая и часто очищаемая
старательно
совсем не делать глупости
совсем глупо
какой ум выдержит?

нигде
нет тебя нигде
а там где ты
там ты не ты
там ты больше чем ты
или меньше чем ты
и я хожу совсем
сама не своя
оттого
что не нахожу тебя
такого
какой ты есть
но ты же есть!
так будь же им!
будь же таким
какой ты есть
в моем сердце
но и там
если серьезно подумать
ты умудряешься быть
непонятно кем
непонятно как
и только ты
там только ты
и я с тобой
езде с тобой
с тобою я
езде везде
где ты нигде

* * *

Посвящается художникам

мается в окне ветка дерева
в краски кисть макни с Юга-Севера!
все чего-то там ищут тычущие
васильки в копне огнедышущей

из палитры дым — в трепет рук — на лист
и волной кадык в желваки ланит
оттряхни утри свежий пот с лица
приголубь в окне ветку деревца

* * *

здравствуй весна!
златокудрые конницы света
доплыли на веслах бессонницы
стрелы вскипели
проклюнулось в коконах —
выдумка ветра
хохочет за окнами
хлопает крыльями
гром за портьерами
дождь заурчал
проливными напевами

* * *

мне бы войти в твой образ
на день
проснувшись утром
улыбнуться так же
«с добрым утром» сказать

изображениям на зеркалах
 потягиваясь
 на смятой простыне
 твой запах услышать
 так вдохнуть
 чтобы меня увидев
 здоровались с тобой
 и если кто-то вдруг
 спросит обо мне
 ответить
 «ах! да... давно не видел»

* * *

а ведь ты одинок
 и в пронзительной позе
 застыла душа
 нет дороги назад
 и вперед нету сил
 озлоблен и уныния зреет росток
 твоего одиночества стылый...
 сожалею... ей нету преград
 хоть меня не просил
 я не в силах прервать эти пути
 которым подвластен
 и мне больно смотреть
 как замерзший заброшенный пруд
 обрастает листвой
 укрывает себя клейким илом
 и навязчиво сеть что-то шепчет
 но врет она врет

с высоты птичьего полета
 легко прощать
 и летать легко
 взлетать трудно

тянут вниз камни
 фраз острых и тупых
 вышвырнутые противником
 с иронично наклоненной головой
 бессильной сопротивляться
 искушению навредить
 во что бы то ни стало

послевкусие обиды —
 суть змеиные укусы
 от них тяготеет язык и
 соблазняет на гнев
 (что есть тоже искушение)
 приводит к скороспелым
 нечистотам проклятий

обида какая бы она ни была
 все же тяжелее воздуха
 со временем оседает
 дай Бог не на дно души
 а уносится ветром и ложится
 на дно реки бытия
 откуда она и просочилась
 неслучайно
 и наполнила стаканы
 подносимые хронически
 загрязняющимися душами
 выбравшими путь
 регулярного спотыкания
 в ямах заблуждений

с высоты птичьего полета
легко прощать
все кажется внизу
мелким и ничтожным
все наверху кажется
нежным и большим

и летать легко
но взлетать трудно
поскольку
непросто стереть в порошок
камни острых и тупых
вышвырнутых фраз

непросто развеять гнев
или уж блеснуть и утихнуть
молнией праведной
в сторону
иронично наклоненной головы
чтобы искушение навредить
в ней перестало пребывать
хотя бы временно

и после упорхнуть как птичка
и летать легко

я в зеркале
а в зеркале вода
я ею умываюсь иногда
вода в ней никогда не плесневает
вода в ней разгораясь просветлеет
наполнит мне стаканы
пей и пой
и оттого я счастлива порой

* * *

кто-то мечется между
и не там и не здесь
под закрытыми веждами
взгромождается лес
на скрипучих качелях
спит растерянный мир
чем несметней потери
тем разнузданней пир

я зову тебя белое облако
в белом облаке берег безоблачный
в белом облаке теплятся сны
неотоснимые свет доносимые
солнцерадужные
лунноскользящие
ладные тайные
сердцу отрадны
я тянусь к тебе белое облако
в белом облаке берег безоблачный
в белом облаке ты?

Памяти ушедших

Сегодня мы публикуем стихи нашего друга Владимира Васмута (1951-2013). Он был поэт и художник. Родился Владимир Васмут в Ленинграде, но в детстве с родителями переехал в Москву. Был членом МСЛ с 2005 года. Автор трех поэтических книг, ряда публикаций в сборниках «Окна в Георгиевский», «Третье дыхание» и др. Владимир Васмут ушел из жизни неожиданно для нас, его друзей, недолго проболев тяжелой болезнью, о которой никто, в том числе и он сам, не догадывался. Он остался в нашей памяти- веселым, харизматичным, добродушным, щедрым человеком. Всегда дарил дамам-поэтессам цветы при встрече или маленькие сувениры — авторские открытки с нежными или забавными стихами. Никогда не скупился на похвалу произведений своих коллег. Его стихи проникнуты любовью к жизни и людям. Они, на первый взгляд, простые, но в них есть искренность, индивидуальность. И затаенная боль, и та простота совершенства, что свойственна настоящему поэту.

Марина Соловьева

Памяти ушедших

Владимир ВАСМУТ

Московские стихи

ОСЕНЬ Мелькание, свечение, кружение
Осенней позолоченной листвы.
И вижу я опять преображение
Такой знакомой и родной Москвы.
Сомнения, стремления, пророчества,
Воспоминаний сладостная сень —
И я опять в плену у одиночества,
В арбатской суете, в субботний день.

А в подмосковной рощице, стоящей
Под ветром и встречающей рассвет,
Я понял, что любовью настоящей
И лаской человеческой согрет.

На Арбате тот же беспорядок,
Помнишь, перед вылетом в жару
Я там не бываю, то что радом —
Тоже аккуратно обхожу.

В чём причина? Проще не бывает:
Эту опустевшую Москву
Я боюсь: здесь все напоминает
О тебе во сне и наяву.

Посвящается Марине

«Шел я по улице незнакомой...»

Н. Гумилев

...Куда ты спешишь, стой!
Я ждал тебя столько лет:
Уходишь, я сам не свой,
Могла бы раскрыть секрет.

Да разве секрет-листва,
Осеннего леса край,
Дорога к Москве Москва,
Сквер, дом в три окна, трамвай.

Под близкой звездой река,
Но долгий уже рассвет,
И серые облака,
И грусти на свете нет.

* * *

Не дают уснуть воспоминанья,
Где вы, мои лучшие друзья?

Наши встречи, планы, ожидания-
Ничего забыть уже нельзя.

Вот и вы покинули безвременно
Этот мир, рассвета наяву...
Так внезапно, так непреднамеренно
Вот и вы оставили Москву.

Нынче осень. Утро на Пречистенке,
Над Арбатом светлый небосклон
Нет, друзья любимые — не мистика,
И мечты вчерашние — не сон.

Подоконник, рамочки картонные,
Ворох фотографий и стихов.
А внизу целуются влюбленные
Под высоким сводом облаков.

Ирине Ракиной

«Я в синий троллейбус сажусь на ходу»

Булат Окуджава

Еще не допел Окуджава,
Троллейбус легендой не стал...
Ведь в доме с Арбатом направо
Когда-то и я проживал.

Читал на заре Гумилева
И Блока листал наугад,
И стало казаться мне снова
Пристанищем будет Арбат.

Но нет, закрываются двери,
Поэты, что те облака...

И снова мне трудно поверить,
Поверить. что жизнь коротка,

И снова почетное бремя-
Брести по арбатской земле.
За полночь московское время,
Арбат лучезарный во мгле.

Маме

Плывет кораблик по реке,
Как настоящий. С парусами,
Малыш! Поместится в руке,
А вот плывет под облаками,

Спешит. Спешит куда-то вдаль!
Игрушка ведь, а так упряма...
И вдруг дожди, и вдруг печаль,
Отъезд, пакует вещи мама.

Соседский мальчик забежал
Прощаться — времени немного.
И снова снится мне вокзал,
Тот дачный, и в Москву дорога.

Красивый дом на Павелецкой,
Июльский полдень, летний зной...
Воспоминания из детства,
Неомраченные войной.

Прогулка вдоль реки, обратно...
Но, как-то, выйдя из ворот,

Опять увидел я солдата,
Как будто зная, что придет

На костылях и в гимнастерке...
Эх, костыли...Да, не к лицу...
— Я командир тридцатьчетверки, —
Светло сказал он мне, мальцу...

Потом глядел, глядел куда-то...
Что это было? Нет, не сны...
Ему мерещились ребята,
Солдаты, что погребены....

Земля чужая, небо злое...
Неподалеку вражий дзот.
И снова не давал покоя
Проклятый сорок первый год.

Появляется солнце вечернее,
Освещает дорогу легко.
Пусть метельно сегодня, наверное,
Лучше этого нет ничего!

А поблизости храм Вознесения,
Что стоит у Никитских ворот,
И в Прощенное Воскресение
Я услышу, как служба идет.

Потом вспомнится что-то весеннее,
Чтобы после довериться снам.
И в Прощенное Воскресение
Прикоснуться лицом к облакам.

ПРОДОЛЖЕНИЕ БУДЕТ

Элла Черпахова умерла 22 апреля (24 апреля 1936 — 22 апреля 2026). Она еще студенткой начала печататься в журнале «Юность», тираж которого в то время достиг ошеломляющей цифры. У нас, младших студентов того же журфака, это имя вызывало трепет: кто она, та, кто еще и диплома не получила, а уже публикуется в журнале Номер один страны? Элле больше всего интересовали вопросы воспитания молодого поколения, как это тогда называлось. Она встречалась с лидерами педагогической мысли, ездила в командировки. Но сделать журналистскую карьеру, какая была ей уготована, не смогла «по семейным обстоятельствам»: ее муж Валентин Василец, корреспондент ТАСС, многие годы работал за рубежом — Англия, США, Канада. Они всегда были вместе. Муж ушел из жизни через несколько дней после ее смерти. В последние годы он возглавлял созданный им журнал «Эхо планеты», а Элла, наверстывая упущенное время, много писала, и журналистику, и прозу. Недавно вышли две ее книги — «Москва бьет с носка» и «Дарлинг». Вышла бы и еще не одна книга, но...

Лина Тархова

Элла ЧЕРЕПАХОВА

УДАЛЁНКА

Первой решила работать на «удаленке» Лариса Смирнова, вот как только предложили, так она сразу. Это понравилось не всем дамам в офисном планктоне. Некоторым выход из дома, в макияже, с бровками, выщипанными в стиле «московский излом», модной сумочкой через плечо и в нарядном костюмчике — именины сердца, желанный перерыв серой монотонности бытовухи. Возможность пощебетать с другими сотрудниками, услышать интересную сплетню или новый анекдот в обеденный перерыв, ну и пофлиртовать слегка с представителями мужской части офиса, просто чтобы чувствовать свою женскую состоятельность.

Да и всегда помощи можно попросить у коллеги, если чертова реклама какого-нибудь корма для собак или средства от клещей никак не получается лучистой и заманчивой для потенциальных покупателей.

И они зашипели: «Ни кожи, ни рожи, а гонору — вагон и еще тележка. В коллективе ей, видите ли, душно, тесно и неохотно!» Они расшифровали этот порыв гуманности начальства однозначно: помещение офиса снимать дорого, лучше сделать сотрудников надомниками. И в этом случае надо было «встанем, как один, скажем: не да-

дим!» А эта Смирнова сразу свалила, выпала из рядов и типа пример показала... Лучше бы вообще уволилась...

Павел Максимов, давно и безответно влюбленный в Ларису, заступился:

— Дамы, дамы, ну, зачем вы так. У нее просто тип такой, интроверт, если по-научному. И в домашних условиях бацать рекламки ей удобней: она ведь одна живет. Никто не отвлекает, не помешает.

Дамы поджимали губки, смотрели осуждающе: еще один предатель нашелся, и конечно, из-за Лариски!

Но на самом деле он очень переживал, что не будет теперь видеть Ларису в офисе, и придется ему отступить от ежедневной осады: то в кафе ее пригласить, то в кино, то в парке прогуляться. Правда, с ней ведь как, не знаешь чего и ждать. На все вежливая отмазка, а однажды глянула на него карими своими очами и спросила: «Ты в шахматы хоть играть умеешь»? Шахматы? Да на черта волку жилетка! В покер он умеет, это покруче будет, да! Он ей тогда так и сказал:

— Ты что, считаешь карты — низкое занятие, а шахматы — Эльбрус интеллектуальный? Так вот это от незнания фактов. Карты не позже шахмат появились, у них многовековая история. Первые экземпляры, к твоему сведению, из слоновой кости изготавливали. И для победы в преферансе, покере или бридже нужен мыслительный процесс не меньший, чем в шахматах. А сколько там эмоций, азарта, озарений!

Игроки иногда не замечают, как ночь пролетает. Покер «техасский Холдем» возьми, он же такие страсти разжигает, сравнимые с любовными по накалу!

Он так говорил, чтобы ей понравиться, показать, что много чего знает и умеет. И даже предложил: «Хочешь научу в покер резаться? Или хоть в дурака подкидного?»

А она только хмыкнула с насмешкой:

— Не благородь ты эти карточные забавы! Эти страсти из-за бабла только! На деньги же играют. А игроман — вообще конченный человек. Я для отдыха предпочитаю шахматы, а не покер-шмокер. Пусть там карты хоть из слоновой кости, хоть из золота!

Павел прочитал где-то, что карие глаза на самом деле голубые, только прикрыты коричневым пигментом. И что можно даже с помощью лазерной процедуры сделать их голубыми навсегда. Вот бы!

Голубые глаза не могут, казалось ему, смотреть так насмешливо и надменно, что сердце щиплет. Глупости, конечно, но когда человек влюблен, он всегда глупеет, кто больше, кто меньше.

Уже на следующий день удаленки, когда Лариса в офисе не появилась, он кое-как осилил безрадостные рабочие часы, а после сразу ей позвонил и спросил:

— Ну, что, хорошо тебе, отшельница?

Она созналась:

— Очень хорошо!

Он вздохнул и задал ей, уже не первый раз, вопрос:

— Лариса, ну почему ты меня не любишь?

А она ответила:

— Я вообще не люблю людей, так что успокойся, ты не единственный.

Но Павел тоже не лыком был шит, а имел кое-какое высшее образование и поэтому разразился:

— Не ожидал от тебя такого! Ты живешь в мире, который преобразовали к лучшему многие люди, чтобы у тебя в доме было светло от электричества, на работу ездила на троллейбусе, а когда разбогатеешь, так и на автомобиле. А лекарства, а прививки! Сотовые телефоны... Где хотя бы благодарность, Лар?!

Но у Ларисы кое-какое высшее было немножко выше, чем у Павла. И она этим воспользовалась:

— Да, да, знаю: Збарский подарил нам бактерицид и нам же на радость набальзамировал Ленина, Елизаров изобрел метод выращивания костей, Панк изобрел витамины, Бронштейн, тот, которого расстреляли, успел подарить человечеству квантовую теорию гравитации, Брин измыслил Гугл, ну, и так далее: Ландау, Мейергоф, Эдисон... Спасибо им большое, их немало, но это для нас фантомы, а любить фантомы невозможно. А кроме того, сколько их против массива юзеров, которые и друг друга-то любить не умеют или хотя бы благодарностью подменять это полинявшее и скособочившееся на новый манер чувство. И вообще, ты чего мне звонишь, время тратишь! И свое и мое, извини. У меня еще ручной пылесос, который спасает от постельных клещей, не стал потрясением для завтрашних покупателей. Так что до свидос, Паша!

И отключилась.

Павел, огорченный до степени острого желания принять на грудь крепкий шот, добрал до бара «Ласточка», заказал «Маргариту», то есть водку, совмещенную с томатным соком и перчиком, перелил в организм, потом заказал вторую, и сказал бармену для начала: «Сердцу не прикажешь». После этих слов бармен приготовился слушать продолжение, но тут подвалила блондинка с помятым лицом и мутными голубенькими глазками и вклинилась: «Сердцу можно приказать! Давай попробуем?» Сиплым голосом.

Павел подумал, что нет, пусть лучше у Ларисы глаза остаются карими, и высадил из своих мечтаний процесс цветового обмена. Отодвинулся от блондинки, нервно расплатился и ушел.

А по дороге вдруг вспомнил, что у него еще на тексте рекламы нового лекарства от сердечной боли конь не валялся. А сам он идет и от сердечной тоски подвывает. Где там ему сочинять? А надо к завтрашнему текст на стол. И вдруг всплыли в его отяжелевшей головушке слова помятой блондинки: «Сердцу можно приказать!» Вот же оно! Дальше только несколько пояснительных слов, и всё! Ударное ядро готово!

Все-таки даже безответная любовь как-то помогает, хоть и причудливым финтом. И он шел и думал, что, может, и дальше будут случаться всякие чудеса, и он выйдет в большие забияки, заведёт свое рекламное агентство, кроме того, научится играть в шахматы, и Лариса не устоит. В общем мозг его нёс с увлечением всякую чухню... А когда Паша переходил дорогу, он даже начал высказываться вслух и не заметил, что красный свет включился.

И, конечно, его сбила тачка. Попал в больницу с травмами и переломами.

А Лариса даже не пришла навестить. Она вообще на своей «удаленке» об этом знать не знала.

Николай ДАНИЛИН

ЗАКОН ВОЗДАНИЯ

Звонок по городскому телефону прозвучал в начале одиннадцатого. Бойкая барышня, представившись Викторией, сообщила, что она из электрических сетей.

— Ну, слава Богу, — с радостью подумал он, — наконец-то о народе вспомнили! Сколько раз писали: «Замените нам ветхие провода, от каждого сильного ветра они рвутся, деревня без света сидит».

Тем не менее, въедливый характер дал о себе знать, он решил уточнить, какие сети представляет его собеседница. На том конце провода возникла заминка. Видимо вопрос был неожиданным:

— То есть, как, какие?

— Ну, есть разные сетевые компании калужская, тамбовская, тверская. Вы из какой?

— Из московской.

— Понятно.

Из ответа вывод напрашивался сам собой, проводов менять не будут, звонок, видимо, насчет оплаты.

— Российская классика, — вздохнул он, — все по фильму «Волга-Волга». Там Бывалов говаривал:

— Как все хорошо начиналось: «Вызываем в Москву!», и как все закончилось: «На конкурс художественной самодеятельности!»

— В понедельник с девяти до двенадцати в вашем доме будет замена кабелей, — вещала невидимая Виктория, — вам надо находить-ся дома и отключить от сети всю бытовую технику.

— Очень интересно, — подумал он, — в доме недавно был капремонт, всю проводку меняли. Странно, хотя, такое может быть, опять бабки пилят.

Он стал расспрашивать, надо ли отключать холодильник, газовую плиту, стиральную машину.

Виктория ответила, что надо отключить все, потом сказала, что в двенадцать часов ему позвонит мастер и пригласит на собрание, где будет вручать гарантийный талон.

— Что за талон? — поинтересовался он.

— Ну, если у вас что-то испортится, мы все поправим.

— Вы что, купите мне новый холодильник?

— Нет, отремонтируем.

Чтобы государство за свой счет ремонтировало бытовую технику простонародья, так не бывает, это показалось ему неправдоподобным.

— А как со мной свяжется ваш мастер, ведь телефон у меня будет отключен?

— По мобильному, у вас есть мобильный телефон?

Он вспомнил слова своего преподавателя, читавшего лекции по решению дифференциальных уравнений в частных производных: «Верность решения проверяется на краевых условиях», поэтому решил соврать:

— Нет у меня мобильного телефона.

— То есть как нет?

— А так, зачем он мне? Да и телевизор тоже не особо нужен, глупости смотреть.

— По моей информации у вас есть мобильный телефон, — собеседница сделала паузу, — и даже не один, а целых четыре.

Это была явная ложь. Если бы его собеседница задумалась, по-няла, в стране всего четыре сети мобильной связи, и только единицы являются абонентами всех четырех. Он усмехнулся и сделал вывод, что разговаривает с мошенниками.

— Заступили на смену, первый звонок — мой, — подумал он с раздражением. — Блин, когда же это кончится? Посмотрим, что будет дальше:

— Стало быть, вы все перепутали и звоните кому-то другому.

— Не может быть! — Виктория назвала его имя, отчество и фамилию.

— Да, все так, — согласился он, — тем не менее мобильного телефона у меня нет.

На том конце провода опять наступила пауза, собеседница растерялась и соображала, что сказать дальше. Надо отдать ей должное, нашлась она достаточно быстро:

— Тогда вы в двенадцать спуститесь вниз, я предупрежу мастера, он подойдет и отдаст вам гарантийный талон, запишите его номер.

Она стала диктовать цифры гарантийного талона, а он, постоянно переспрашивая, записывал их и думал, когда же она проколется окончательно.

— Повторите цифры, которые вы записали, — попросила собеседница.

— Вот теперь все понятно, — подумал он и внезапно спросил:

— Виктория, а как ваше отчество? — Он знал, что, отвечая на неожиданные вопросы, напрямую не относящиеся к делу, собеседники обычно говорят правду.

На том конце провода наступила короткая пауза:

— Александровна.

— Ну, вот, это ближе к истине.

Он на мгновение прислушался к себе. Внутри было пусто и тихо, ни мыслей, ни слов, ни эмоций, была только уверенность, что через мгновение слова придут, причем именно те, которые нужны для этого разговора.

— Александровна, я старый человек, пенсионер, инвалид, родился при Сталине, жил при Хрущеве, Брежнев, других генсеках, при Ельцыне, не к ночи будет помянут, и, как мне говорят, переживу и нынешнего президента. Много видел, много знаю, и все ваши дальнейшие шаги — по-детски счетные.

— Да что вы тараторите о Сталине и Хрущеве, не перебивайте и послушайте меня! — в голосе собеседницы был напор и раздражение. — Я вас прошу, повторите номер гарантийного талона!

— Ничего не боится, дама опытная, битая, зря свой хлеб не ест, — мелькнуло в голове. — Такую бесполезно пугать милицией, прокуратурой, ФСБ. Ишь, как резвиться от своей безнаказанности. Ну, сука, погоди!

— Это вы меня послушайте, Александровна, и бросьте свои приемы нейролингвистического программирования.

Вы — человек верующий. На груди у вас крестик на золотой цепочке. Стало быть, заповеди Христа для вас не пустой звук.

Напомню об одной из них. Есть в Ветхом завете та, что дана для еврейского народа, это основное правило человеческого общежития: «Никогда не делай другому того, чего не желаешь себе». Христос эту заповедь выразил другими словами: «Как хотите, чтобы с вами поступали люди, так и вы поступайте с ними».

Эта заповедь — следствие закона воздаяния, ибо любая гадость, которую человек сделал другим людям, возвращается. Если человек не совсем пропащий и не упорствует в своем зле, может исправиться, отмолить свои грехи — зло возвращается ему, если же он махнул на свою жизнь рукой и думает, что своими преступлениями он обеспечит безбедную жизнь себе и людям, которых он любит, то закон ударит по самому больному — по его любимым, ради которых человек грешит и идет на преступления.

Вы когда-нибудь думали, что такое адские муки? Ну, да, те самые, которые душа испытывает в аду? Вряд ли. Люди обычно не задумываются над этим, а зря. Представьте, что ваша душа, пребывая в загробном мире, видит жизнь любимых людей, видит их мучения от болезней, безденежья, обмана и предательства близких людей. Видит, переживает за них, а сделать ничего не может. Душа мучается, потому что знает, страшная судьба любимых — плоды ее греховной жизни. Зло возвратилось! Их любимые расплачиваются за ее грехи, те преступления, которые она совершила, когда пребывала на земле в человеческом теле. Причем, чем тяжелее грех, тем страшнее, больше и длительнее расплата за него.

Самое печальное для вас то, что, чем успешнее сегодня ваша, с позволения сказать, работа, чем результативней она, тем больше и дольше за нее будут расплачиваться горестями любимые вами люди.

Вы можете мне не верить. Но подумайте, какая судьба была у детей всесильного Сталина. Старший сын замучен и казнен в немецком концлагере, младший — свергнут со всех должностей, которые организовал ему его отец, безвинно посажен в тюрьму, где просидел шесть лет, и по выходе скончался от запоя, не прожив на свободе и полугода. Любимая дочка не нашла себя ни в профессии, ни в семейной жизни, ее дети отвернулись от нее, не поддерживали отношений. Она скончалась на чужбине, в Америке, в доме престарелых, одинокая и никому не нужная, жестоко мучаясь от онкологии.

После нашего разговора оправданий у вас не будет, вы не сможете сказать: «Я не знала». Сегодняшняя нехватка денег и непростые заботы о сыне не будут являться аргументом в вашу защиту. После нашего разговора для вас наступит, по-научному, точка бифуркации. Это, как у Васнецова, в сюжете «Витязь на распутье». Направо пойдешь — коня потеряешь, налево — погибнешь сам.

— Откуда вы знаете о сыне? — голос собеседницы звучал настоятельно, от бывшего напора не осталось и следа.

— Информация обо мне вами получена от ваших комбатанов после взлома ими электронной базы. У меня источник другой, более надежный.

Процесс воздаяния начнется для вас достаточно быстро, через год-другой. Вас воздаяние коснется не сильно, за вас денно и ночью слезно молится ваша матушка, сокрушаясь и отчаиваясь, как раньше молилась ваша бабушка. Даже разговор наш состоялся после ее молитв. За вашего сына и его детей молится будет некому.

Все ваши надежды на то, что сын получит образование за рубежом и будет там жить в комфорте и благополучии, пустое. Им не суждено сбыться.

Он замолчал. Больше слов у него не было.

Собеседница тоже молчала.

Он вздохнул:

— Это все, что я хотел вам сказать. До свидания. — он нажал кнопку «Отбой».

— М-да, неожиданно получилось, и, пожалуй, удачно, — улыбнулся он своим мыслям. — Вот ведь фантазер! Заповедь, закон воздаяния, какая хрень! А с крестиком, сыном и матушкой — вообще шедевр. Теперь подожмет хвост, будет жить, оглядываясь.

Привычка аналитика, выстраивающего логические цепочки, срабатала, он мысленно стал оценивать ничтожную вероятность реализации деталей разговора:

— Ну, про крестик, понятно. Дама в годах, занимается преступной деятельностью, а преступники обычно в глубине души трусы. Человеку, и не одному, гадость сделать могут, а перед Богом хвост поджигают, молятся, чтобы простил. Всем хочется хорошей жизни.

Про заповедь и закон воздаяния тоже понятно, святыне книги читаешь, с теорией индусов знаком, выстроилось вовремя и логично.

Он хотел было забыть о состоявшемся разговоре, но остановил себя.

— Блин! Как же я об этом сразу не додумал, какие-то обоснования придумывать стал. За всей этой бутафорией и розыгрышем есть одна железная реальность, неоспоримая вещь.

Ты — человек воцерковленный, в храм ходишь, исповедуешься, причащаешься, знаешь, что у Бога случайностей нет. Если что-то произошло, то это — по промыслу Божьему, хотя, на первый взгляд, кажется случайностью.

Ты только что констатировал, что вероятность совпадения про крестик, сына и матушку — ничтожно мала, однако, все попало в масть, именно эти детали убедили твою собеседницу. Стало быть, информация, озвученная тобой, от Бога.

Внутри все замерло и похолодело, как будто перед ним раскрылась бездна.

— Значит, и закон воздаяния существует, и про адские муки все правда!

Некоторое время он старался привыкнуть к этой мысли, жить с ней было неуютно, поэтому он попытался успокоить себя:

— Что ж, если он есть и работает, тогда и мне воздастся за мои художества, только вот чем, мучениями или радостью?

На этот вопрос ответа не было. Он вздохнул:

— Ну, чего перепугался? Зато все справедливо, если и получишь, то за дело, а что получишь, скоро узнаешь.

Евгения БЕЛОВА

ПРОТИВОСТОЯНИЕ

Одноглазый скособоченный снеговик, подтаявший от мартовских лучей солнца, а ночью скованный в плотный наст, помеченный бродячей собакой, стоял во дворе сельской школы на самом вершине холма. Далеко внизу, на открытой равнине, была видна железная дорога, ведущая из города в неизвестность. Там, внизу, каждый день раздавалась стрельба, мельтешила людская толпа, и казалось, конца этой войне не предвиделось. Позади одноэтажной школы на три класса был реденький лес, из которого периодически наезжали вооруженные люди на лошадях, и убедившись, что вся деревня разорена дочиства, и только две-три старухи, оставшиеся в живых, доживают свой век по ее окраинам, исчезали, стремительно спускаясь в долину.

Снеговика совсем недавно из последнего снега слепил мальчишка-красноармеец из маленького отряда, остановившегося у дверей школы, в которой жила учительница, переселившаяся сюда из города в поисках мирной жизни. Однако учить было некого.

— Эй, есть тут кто? — крикнул командир отряда, гарцуя на коне.

Учительница, закутанная в шаль, вышла на крыльцо.

— Екатерина Васильевна? — не поверил своим глазам юный командр и соскочил на землю, — это вы?

— Колесов? Евгений? — точно так же удивилась учительница. — Что вы здесь делаете?

— Воюем, Екатерина Васильевна, а вы? Вы как здесь оказались?

— Сбежала, Колесов, после того, как разгромили гимназию. Я никак не ожидала увидеть вас в такой роли. И вы... вы убиваете людей?

— Убиваем, Екатерина Васильевна, убиваем. А как же иначе? Нас ведь тоже убивают. Это вам не Тургенев и не Пушкин с его Онегиным. Жизнь оказалась совсем другой. Вот что, Екатерина Васильевна, я очень рад, что здесь именно вы оказались. На вас, я думаю, можно положиться. Тут у нас... товарищ один помирает. Сыпняк, наверное. Так вот, не возьмете ли временно на сохранение? Таскать за собой нет никакой возможности, а под пули подставлять — сами понимаете. Ему и так мало осталось. Если помрет, так будет, кому похоронить хорошего бойца. Похороните — напишите на кресте: «Волков Николай. Боец Красной армии.» А сколько ему лет? — обратился он к одному из сопровождающих, — ну, неважно. Не больше восемнадцати. Так и напишите.

Да, вот ещё. Немного сахара и сала возьмите. Небось, небогато живете? А сейчас покажите, куда его положить, да и по коням. Кобылу его с собой забираем, ему все равно не нужно. А пистолет оставим на всякий случай. Так что прощайте, Екатерина Васильевна.

Растерянная Екатерина Васильевна сидела возле безусого мальчика. Николай метался в жару и бредил. Наверное, в замутненном сейчас мозгу он видел свою мать, которая не пускала его к проруби. Он сбрасывал с себя одеяло и стонал.

Она, наконец, встала, достала ножницы и начала стричь мальчика. Зараженные темные локоны ложились слой за слоем в подставленный таз, и голова стала похожа на грядку с луком. Обрить эту голову было нечем, да и никогда Екатерина Васильевна бритвы в руках не держала. На волосы в таз легли гимнастерка, рубаха и штаны. Она отнесла все это в неподалеку расположенную баньку и сожгла в печи. Потом вошла в соседнюю избу, набрала там кое-какого тряпья и вернулась в школу. Теперь Николай выглядел, как бродяга, и ничуть не был похож

на красноармейца. Пистолет его покоился в картошке, хранящейся в подвале. Учительница не отходила от Николая. Она постоянно меняла мокрые тряпки на его лбу, обтирала тощее тело, пыталась хоть как-то покормить мальчика и поила травяным чаем, не слишком уверенная в счастливом исходе болезни. Коля продолжал бредить и сгорал в невероятном жару.

Через несколько дней кончились дрова, и Екатерина Васильевна вышла во двор наколоть еще. Она неумело ставила полено на чурбан. Полено это падало, не желая принимать слабый удар топора, возвращалось руками учительницы на место, и все повторялось сначала.

— Эй, баба, — услышала она над собой.

— Пардон, мадам, — произнес наездник, заметив на носу закутанной в шаль женщины пенсне. — Пардон! Вы здесь одна живете?

— С сыном. Тифозным.

— Откуда это у него тиф? Красный, что ли?

— Какой там красный? Никакой он. Ни красный и ни белый. Сын и все. Инвалид он с детства. Падучая у него. А откуда тиф, не знаю. Много здесь всякого народа ездит да ходит, отсюда и тиф.

— Ну ладно, тиф — не тиф, потом разберёмся. Вот что, мадам, соблаговолите приютить нашего доблестного воина — поручика Дмитрия Усова, раненного в бою. Потерял много крови, и до госпиталя его не довезти. Не жилец уже. Но, может быть, в ваших женских руках, дай Бог, выживет. А коли не выживет, похороните его честью. Тогда на кресте напишите: «Поручик Усов Дмитрий, 18 лет. Пал смертью храбрых». Да, вот ещё что, возьмите-ка за труды. Тут немного сахара и консервы. Шашку оставляем. Неровен час... А коня уводим. Сейчас он ему ни к чему, а коли понадобится, сам найдет. Ну прощайте, мадам.

Дмитрия поместили в классе, удаленном от тифозного, отдали честь и скрылись. Теперь уже на руках Екатерины Васильевны оказались два мальчика, каждый со своей судьбой в прошлом, но одинаково беспомощных в настоящем. Широкая рубленая рана зияла сквозь окаменевшее от запекшейся крови галифе, цвет которого резко контрастировал с белыми перчатками, которые так никто и не снял с его рук.

Екатерина Васильевна была отнюдь не сестра милосердия и её действия были обусловлены лишь женской интуицией и любовью к

людям. Она опять натаскала из бани горячей воды, долго и терпеливо отделяла пропитанную кровью ткань от раны, которую, насколько могла, перевязала, и стала выхаживать ещё одного больного, долго не приходящего в сознание.

Через несколько дней ей показалось, что у Дмитрия жар. Вскоре она убедилась в этом и рискнула сменить повязку. То, что она обнаружила под бинтами из разорванных простыней, привело ее в ужас. Она увидела все еще зияющую глубокую рану, изменившую цвет на серо-зеленый, дурно пахнущую, и налеты гноя по краям. Екатерина Васильевна судорожно пыталась припомнить хоть что-нибудь похожее из литературы, знакомой ей досконально, но на память приходил только Пирогов, оснащенный знаниями и инструментами, совершенно бесполезный в этой заброшенной школе. Одно было ясно — делать просто новую повязку бессмысленно. Долгие раздумья около начинающего бредить мальчика внезапно привели её к неожиданному решению. Где-то в чуланчике, где хранилось нехитрое школьное пособие, между глобусом и пыльными тетрадями она видела заспиртованную лягушку. Тихо поднявшись, учительница прошла в чуланчик и вернулась с банкой, запаянной сургучом. Теперь очень важно было её открыть, не пролив драгоценную жидкость. В конце концов банка была открыта. Екатерина Васильевна намочила чистую тряпку спиртом и разложила её вдоль раны. Дмитрий сильно застонал.

— Потерпи, потерпи, голубчик. Авось образуется.

Так шли для Екатерины Васильевны томительные дни и бессонные ночи в заботах об обоих мальчиках, здоровье которых, наконец, повернуло в лучшую сторону. Истощенный Николай всё ещё не мог передвигаться от слабости, но рассудок его вернулся. Только однажды он сам усомнился в этом, услышав сквозь стену звуки музыки.

— Странно, — подумал он, — кто же это играет? Екатерина Васильевна, вроде здесь, вон — копошится с чаем. А больше, она говорила, тут нет никого. Екатерина Васильевна, что это там за звуки? Война, что ли кончилась?

— Не кончилась, Коленька. Это такой же больной, как ты. Выздоровливает.

Несмотря на чудовищный шрам ещё не полностью закрытой раны и глухую боль при передвижении, Дмитрий, обладающий колоссальной силой воли, стал понемногу передвигаться по комнате, опираясь

на палку-костыль. Вскоре он уже добирался до старенького пианино, на котором с удовольствием играл своего любимого Шопена. А Екатерина Васильевна судорожно думала о том дне, когда так или иначе, юноши должны встретиться, справедливо полагая, что мирной эта встреча не будет. Николай, в жизни своей не слышавший пианино, понимал, что эти звуки могут исходить только «от буржуя».

— Екатерина Васильевна, а где мой пистолет?

— Он целёхонек, Коля, не волнуйся.

— Дайте мне его.

— А вот дать-то не могу. Незачем в моем доме пальбу устраивать, — и тут же подумала, что шашка в комнате Дмитрия лежит на самом виду. — Надо бы её тоже убрать подальше, когда он заснет.

Вскоре неизбежная встреча состоялась. И хотя Николай не имел никаких знаков отличия в чужой одежде, Дмитрий сразу понял по грубым и резким манерам, сочетающимся с подозрительностью, что перед ним враг.

— Господа, — обратилась к обоим Екатерина Васильевна и тут же осеклась, — Николай, вот Дмитрий. Дмитрий, познакомьтесь с Николаем. Хотите чаю?

Оба враждебно посмотрели друг на друга, сделав в одно и то же время невольное движение в поисках оружия. Это не ускользнуло от учительницы.

— Вот что, уважаемые, — нашла нужное слово Екатерина Васильевна, — вас свело несчастье, и обоих вас скинули с рук свои же товарищи. В этом доме хозяйка я, и смею надеяться, что вы не станете распускать руки в моем присутствии. Дождитесь выздоровления, а когда покинете этот дом, можете, если вам угодно, продолжать свою бессмысленную войну, раз вам не жаль ваших матерей.

С этого дня оба предпочитали больше не встречаться, и за событиями, происходящими поблизости от железной дороги, наблюдали врозь — один с крыльца, другой из окна своей комнаты. Оба тайно, но безуспешно, разыскивали своё оружие, оба ждали удара в спину, оба чутко спали, но ставить щеколду на дверь своей комнаты оба считали ниже своего достоинства.

Однажды на рассвете Дмитрий, открыв по наитию глаза, увидел в просвете двери фигуру Николая. Он схватил свою палку, готовясь защищаться, но тут услышал:

— Там это... Там на крыльце Васильевна лежит без памяти.

Екатерина Васильевна, очевидно, упала, как только стала подниматься на крыльцо. Рядом с ней лежало ведро с разлившейся водой. Лицо было разбито. Она не отвечала на вопросы.

— Что с ней? — спросил Николай.

— Тиф, наверное. От тебя заразилась, — ответил Дмитрий.

Они, как могли, перенесли учительницу в её комнату и уложили в постель. Екатерина Васильевна металась в беспамятстве и была горяча, как печка. Николай, заявив, что он её должник, остался с больной женщиной. Почти сутки он не отходил от учительницы, меняя мокрые полотенца на её лбу, и тихо, вытирая рукавом глаза и нос, плакал. Совершенно неожиданно появился вдруг Дмитрий.

— Ну ладно. Иди, отдохни немного. Я посижу.

Через три дня Екатерины Васильевны не стало. Они, не сговариваясь, пошли, качаясь от слабости и усталости, копать для нее могилу. Работали молча, не перекидываясь ни словом, и только ожесточенно колотили мёрзлую землю. Потом осторожно положили учительницу, завернутую в её шаль, в неглубокую могилу. Николай мастерил крест, а Дмитрий писал чернилами на дощечке красивым дворянским почерком: «Екатерина Васильевна...»

— А как её фамилия?

— Не знаю. Напиши «учительница».

Дмитрий написал.

— Ну, до встречи, — сказал он, вставая и отряхиваясь.

— До встречи, — процедил Николай сквозь зубы. — Встретимся, не обессудь.

И оба стали спускаться в долину по двум сторонам холма, на котором стояла опустевшая школа.

Олег БОТОВ

ПОМИДОР

До Архангельска на поезде почти сутки ехать. Как полагается — чай из стакана с подстаканником и беседы «за жизнь» с соседями по купе — неременный атрибут дальней дороги.

— Мне от Архангельска до дома эстолько ещё добираться, часов восемь, автобусом. А потом на катере. К брату еду на Мезень, в Каменку. — растапливает молчание женщина неопределённо-преклонного возраста в спортивном костюме с нижней полки, доставая на стол завидного размера спелый помидор. — С 1973 года не живу там, как уехала учиться. Думала, чем порадовать своих, огурчики там, помидорчики... А они теперь сами рóстят, в теплицах: хошь тебе помидоры, хошь — кабачки, а хочешь — клубника! Да, теперь этим не удивишь. Хоть и Арктика. А бывалочи, до школы что было? Репка, да морковь — вот и всё лакомство для ребят, да ещё перья лука с огорода. Так-то вот, и никаких тебе огурцов. Привозные, правда, были — маринованные в банках. Да что говорить, тогда и телевизор-то только появился, когда я в город уехала... Один и был — в сельсовете. Ходили смотреть всема, всей деревней. Да.

А о помидоре-от тата, упокой его душу Господи, такую историю рассказывал, про те времена, когда ещё сам малым был. Отец его, дед мой, привёз как-то раз из города, с ярмарки, в подарок детям фрукт заморский, не то овощ какой. Красный, большущий, мягкий. Сейчас бы спелый сказала, а тогда и не знали, что это и с чем его едят. Детей семеро по лавкам — сели вокруг, смотрят, а притронуться боятся и не знают, как его ести, да и можно ли. Бывает несъедобный. Вся деревня приходила дивиться, да никто и не знал, как его употребить. Это тебе не сейчас — загуглил и читай рецепты. Решили оставить — для красоты или может от заезжих кого дознаться, как сей продукт использовать. Вот и лежал он день, другой, неделю, а потом и скис совсем. Мухи стали летать и пахнуть нехорошо. Решили, что хорошо, что не стали есть — мало ли чего. Так и пришлось это чудо выкинуть...

ТИМ

Ну что сказать. Всеобщий любимчик. По паспорту Пантелеймон Остин. Для домашних всегда просто Тим. С самого детства ужасный домосед, каких свет не видывал. Все на прогулку собираются, а он запрядется в дальний угол и сидит — домкратом не вытащишь.

Угощения любил. За угощение мог, что угодно сделать, даже согласиться и на прогулку. Но потом, после прогулки, приходилось успокаивать, гладить.

Злым не был, нет. Просто чужих не любил. Сначала. А когда познакомится, то какие это чужие — это теперь свои.

Но вот собак не любил. Совсем. Не то чтобы боялся. Но если где по дороге встретится — обойдёт за версту, или хотя бы перейдёт на другую сторону улицы.

Обманывать не обманывал, но хитрил. Отец-покойник говаривал: рыжие — они все хитрые. Тим был рыжим. Говоришь ему — нелзя. Слушает, отвернётся в сторону и сидит насупившись. А чуть отвлечёшься, всё равно сделает по-своему.

Да как на него сердиться, если он мелкий, а большим так и не вырос. Как говорится: маленькая собачка — до старости щенок. Так и тут. Чихуахуа.

КЛАВДИЯ

Клавдия любила детей. Сама выросла в деревне, где их у отца с матерью было шестеро. А как в возраст вошла — стала первой красавицей на деревне и захотелось обзавестись своими. Хотя и советское время уже было, а строгость родительская ещё старопрежняя была. Сватались одни, нравились другие, а родитель выбрал Петра из соседней деревни. Он и постарше и работающий, а уж люб — не люб, не твоего ума девка. Слюбится-стерпится. И вышла Клава за Петрушу, и увёз он её от родителей в город, в Онегу, куда сам подался на заработки.

Год живут, другой, третий — всё ладно-хорошо, а детишек всё нет и нет — не летит аист. А тут ещё война началась — горе-то какое! В первые же дни забрали Петрушу на фронт. И не весточки от него, ничего: месяц, другой, третий. Наконец приносит почтальон известие... Не стало Петруши.

Овдовела Клава в свои-то неполные двадцать один. Не мил стал белый свет, потемнело в глазах. Решила Клава на фронт пойти — мстить фашистам за мужа, за свою жизнь горемычную. Взяли её вольнонаёмной и отправили работать в госпиталь в Архангельск.

Работала справно, ухаживала за ранеными, коих было немало, делала перевязки, писала за них письма, слушала их истории, читала им книги. Привезли как-то раз израненного артиллериста без памяти: пальцы на правой руке оторваны, нога покалечена. Стала его выхаживать. И приглянулся он ей. Константином звали, из Белоруссии сам, из-под Слуцка. Женат был, двое детей, своими глазами видел, как вражеского авианалёта бомба в дом попала, когда его часть отступала и везли его на машине мимо родной деревни. Вдовец, стало быть. Запала ему Клавдия в самое сердце. Вот и встретились два одиночества. От их любви родилась у них дочка.

А война-то не кончилась. Оправился Константин, воевать не берут на фронт, так всё равно ушёл комиссаром. Письма стал слать Клавдии. После войны обещал к ней вернуться, раз дома-то теперь нет.

Освободили Белоруссию, закончилась война, демобилизовался Константин и приехал к Клавдии. А тут письмо — разыскивает семья, живы остались — во время авианалёта у соседей были, там и схоро-

нились в подвале. Потом оккупация, жизнь в неведении. А как война закончилась — стали разыскивать своего мужа и отца. Отпустила его Клавдия к семье не стала разлучницей, а дочь не отдала, хоть и хотел Константин записать её белорусочкой.

Вернулась Клавдия к родителям в родную деревню, устроилась работать в магазин, стала дочь растить. Год проходит, другой, и приезжает какой-то раз в деревню проверяющий из Онеги. И приглянулась ему Клавдия, и зачистил он в эту деревню под разными предлогами. Сам он оказался вдовец с ребёнком на руках — жена умерла во время родов. Михаилом звали. Не устояла Клавдия перед его ухаживаниями и уехала с ним в город. Пожили-пожили они и родилась у них дочка. Счастлива Клавдия, порадоваться не может.

А тут в стране всеобщее горе — не стало Сталина, отца всех народов. Но нет худа без добра — случилась амнистия всем томимым. И возвращается из лагеря, после плена Пётр. Вот она жизнь какая штука, ни в каком кино такое не придумаешь.

Клавдии что делать? Михаил всё понял и решение оставил за Клавдией. Не приняла она Петра. Не люб он был и детей с ним не нажили. А он звал, и дочерей хотел на себя записать, развода не давал. А развод в те поры через газету оформлялся.

Осталась Клавдия с любимым Михаилом. И нажили они себе сыночка — последыша. А Пётр потужил-потужил и женился на другой женщине, но детей так ведь и не нажил. А как его не стало, смогли Клавдия и Михаил расписаться уже по официальному. Жили дружно и умерли в один день во глубокой старости.

АРИЗОНСКАЯ МЕЧТА

На военной кафедре в университете было всё строго секретно. Чтобы попасть в заведение, студенческий билет обменивался при входе на пропуск. Лекции записывались в прошитую и пронумерованную тетрадь, чтобы было невозможно вырвать лист незамеченно. Тетради группы хранились там же в опечатываемом чемодане. Так что ни один секрет об изучаемой ракетной установке, либо новом танке не могли попасть в неблагонадёжные руки.

Перспектива стать военным, пусть и в запасе, не впечатляла, поэтому военную кафедру пришлось бросить. Вовремя вышедший закон, отделяющий военную кафедру от университета позволял доучиться, без отрыва на службу в армии.

Окончание Альма Матер совпало с выходом культового голливудского фильма югославского режиссёра Эмира Кустурицы «Аризонская мечта» с набравшим высоту Джонни Деппом в главной роли. В центре внимания картины — бунтующий молодой человек со своим видением будущего и своей фантазией о любви на фоне настоящей экзотики Аризоны и удивительных пейзажей, словно сошедших с марсианских картин.

Бунтарь-то во мне был — длинные волосы, серьга в ухе, рваные джинсы. Не хватало только Аризоны.

Трещавшая по швам экономика страны не давала распределения выпускникам вузов. И тогда я пошёл работать учителем в сельскую школу.

Как говорится, следуй за своей мечтой и тебе откроется совершенно иной мир. Знание английского и педагогический опыт сделали своё дело.

И вот, спустя три года, по окончании работы вожатым в летнем лагере, еду через всю Америку на автобусе. Следующая станция — город Финикс в самом центре пустыни Сонора, в центральной части Аризоны.

Взгляд ласкают одни из самых впечатляющих пустынных ландшафтов на планете, которые поражают своим разнообразием и красотой. Аризона — это не только раскалённые пески, но и знаменитые красные скалы Седоны. Здесь можно встретить редкие виды растений, например, дерево Джошуа и знаменитые кактусы сагуаро, которые могут достигать до 20 метров в высоту. А что до военных секретов, то перед входом в одну из военных баз, расположенных в Аризоне, установлены та самая ракетная установка, изучаемая на военной кафедре, и новейший российский танк с указанием всех тактико-технических характеристик, которые безуспешно пытались разучить мои сокурсники в университете....

Рапиля **МАЗНАЯ**

ЕЩЁ РАЗ ПРО ЛЮБОВЬ...

Большое предисловие к моей маленькой истории, фрагмент рассказа Александра Ивановича Куприна

"...Говорят ещё: глуп, как гусь... А умнее этой птицы нет на свете. Гусь знает хозяев по походке. Например, возвращаешься домой среди ночи. Идешь по улице, открываешь калитку, проходишь по двору — гуси молчат, точно их нет. А незнакомый вошёл во двор — сейчас же гусиный переполох: «Га-га-га! Га-га-га! Кто это шляется по чужим домам?»

А какие они славные отцы и матери, если бы ты знала! Птенцов высиживают поочередно — то самка, то самец. Гусь даже добросовестнее гусыни. Если она в свой досужный час заговорится через меру с соседками у водопойного корыта, — по женскому обыкновению, — господин гусь выйдет, возьмет её клювом за затылок и вежливо потащит домой, ко гнезду, к материнским обязанностям. Вот как-с!

И очень смешно, когда гусиное семейство изволит прогуливаться. Впереди он — хозяин и защитник. От важности и гордости клюв задрал к небу. На весь птичник глядит свысока. Но беда неопытной собаке или легкомысленной девочке, если вы ему не уступите дороги: сейчас же зазмеит над землёю, зашипит, как бутылка содовой воды, разинет жёсткий клюв, а назавтра ходишь с огромным синяком на левой ноге, ниже колена, а собачка все трясёт ущемлённым ухом.

А за гусём — гусенята, жёлто-зелёные, как пушок на цветущем вербном барашке. Жмутся друг к дружке и пищат. Шеи у них голенькие, на ногах они не тверды — не веришь тому, что вырастут и станут, как папаша. Маменька — сзади. Ну, её просто описать невозможно — такое вся она блаженство, такое торжество! «Пусть весь мир смотрит и удивляется, какой у меня замечательный муж и какие великолепные дети. Я хоть и мать и жена, но должна сказать правду: лучшие на свете не сыщешь». И уж переваливается с боку на бок, уж переваливается... И вся семья гусиная — точь-в-точь как добрая немецкая фамилия на праздничной прогулке.

И реже всего попадают под автомобили гуси и собачки-таксы, похожие на крокодилов, а кто из них на вид неуклюжее — трудно даже решить."

Этот рассказ я прочитала недавно, и кусочек моего детства словно ждал напоминания или похожего случая, и уж возник перед глазами, возможно, гораздо красочнее, дополненный такими подробностями, что впору удивиться.

Бабушек и дедушек у меня не было, поэтому каждое лето нас со старшим братом Нажипом отправляли к тётке, в деревню Ахуново, в Учалинском районе, (родную деревню моей мамы) примерно на месяц. Нагостившись и соскучившись по родителям, уезжали домой с гостинцами, отсыпанными щедрой рукой простой, весёлой и красивой тётки Закиры. В один из приездов, тётка подарила мне белую гусыню, живую, настоящую, очень симпатичную. Гусыня была голубоглазая, с белым пушистым оперением, маленькая и ладненькая.

Родители на базаре прикупили гусака и ещё одну гусыню. Другая гусыня мне понравилась меньше. В тёмно-коричневом оперении с небольшой пестротой, с длинной шеей, более рослая и худощавая, с тёмными беспокойными глазами.

Гусак был красавец мужчина. В светло-сером, чуть в крапинку, оперении, статный, высокий, стройный. Гордый и важный.

И я, маленькая девочка, вдруг с удивлением заметила, что гусак по-разному относится к гусыням: он оказывал знаки внимания маленькой белой гусыне, игнорируя другую. Немного приобнимал красавицу крылом, клювом отодвигая нелюбимую, старался угостить изюbranницу лакомыми зёрнышками, в общем, суеился, как заправский кавалер. Тёмненькая гусыня сиротливо стояла в сторонке, спрятав голову под крыло.

Однако, к весне обе гусыни исправно несли яйца...

Мама собирала яйца и устраивала гусыням персональные гнёзда из деревянных ящиков, устланных сеном, под кроватями.

У каждой гусыни была своя "подкровать". Видимо, сегодня, устав от бесконечного количества лишних вещей: тряпок, гаджетов, техники, отнимающих и без того не слишком большой жизненный ресурс, я вспоминаю с умилением, как разумно был устроен родительский дом. Дом был небольшой, но из-за большого количества подсобных помещений: сараев, сенцев, веранды, подполья, бани и предбанника, в нём было мало вещей, в стенах отец сделал ниши, в которых внизу висели наши вещи, а наверху были книжные полки, все вещи помещались в одном комоде и в одном шифоньере, очень крепкой, никогда не менявшейся мебели. Мама моя говорила: "Вещей должно быть мало, но они должны быть чистыми и отутюженными!" Под кроватями было пусто, мыть полы было легко, с семи лет я мыла полы со старшим братом, потом это стало моей обязанностью. В таком живом доме, с печным отоплением и без канализации ежедневное мытьё полов-необходимость.

Отклонилась от повествования, для более ясного понимания обстановки, где высиживали яйца мои героини. Гусенята вылупляются на двадцать восьмой день, гусыни прилежно сидели в своих гнёздах круглосуточно, ни разу ни пикнув. Только в середине дня они один раз с громким гоготом и хлопаньем крыльев выходили из своих укрытий, исполненные важностью своей миссии. Мы выпускали их во двор, насыпали зерна, рубили молодую травку, наливали свежую водичку. Гусак угощал своих подруг так, словно он сам раздобыл и принёс эти угощения. Пододвигал корм, оживлённо гоготал, будто разговаривал,

озабоченно интересовался их жизнью...Но гусыни не могли долго говорить, утолив жажду и голод минут за десять, они возвращались обратно. На двадцать восьмой день, совместными усилиями гусёнка с одной стороны, а гусыни с другой стороны яйца, начинали вылупляться маленькие жёлто-зеленоватые комочки. И вот, когда появлялся на свет последний гусёнок, мама в корзине выносила их во двор, к счастливому многодетному папаше. Гусенят у нас, наверное, благодаря хорошему маминому уходу, было много, на зависть соседям, у которых было от силы пять-шесть гусят. Наши гусыни приносили каждая по двенадцать-тринадцать. Вместе большое стадо из двадцати пяти гусенят.

Мама осторожно выгружала гусят на дощатый пол двора, и тут начиналось главное, из-за чего я и пишу рассказ: гусак, переполненный счастьем и восторгом, пускался в пляс! Он самозабвенно кружился, слегка расправив крылья, подняв горделиво голову и смешно пританцовывая, пришлёпывая своими перепончатыми лапами. Гусыни тоже были довольны и счастливы, но они не спускали глаз со своих самых прекрасных на свете, жмущихся к ним, пушистых крошек. Им было не до плясок! Мы с младшим братишкой Рашитом тоже плясали и прыгали, старший брат Нажип смеялся, родители радостно наблюдали. Это был прекрасный танец рождения новой жизни, счастья, солнца, лета, воздуха, свободы, неба и любви!!!

И все мы были вместе и живы!

Зоя КРИМИНСКАЯ

ПРЕФЕРАНС

Скучно смотреть на играющих в преферанс: целыми часами сидят они неподвижно за столом, раскидывают карты, сыплют терминами...

Со стороны непонимающими глазами выглядит уныло, а на самом деле за столом кипит жизнь, бушуют страсти, идет нешуточное сражение, даже когда играют не на деньги.

Да и что такое деньги в преферансе? Кто-нибудь слышал, чтобы человек спускал состояние, играя в преферанс, как спускали ее игрою в рулетку, очко и другие азартные игры? Здесь играют ради процесса игры, и деньги тут для дисциплины: не озорничай в игре, не порти удовольствие другим. Если же ты делаешь это, тогда и нужны деньги: плохо играющий платит за испорченный вечер.

Вот и ты пришла в одиннадцатом часу в комнату к подругам по преферансу. За окном шумит метель, бьется в оконное стекло жесткий снег, торчит из щелей оконных рам воткнутая от проникающих дуновений вата. Ты целый день учила уравнения математической физики, в студенческом жаргоне урматы...

Нет, если за окном метель, то учила ты не урматы, а преодолевала теорию функций комплексного переменного, а урматы — это весенняя сессия, в июне.

Итак, тогда июнь. Время к двенадцати, за окном темень ночи, утомительно поют соловьи, слышится далекая музыка, шелест шагов, звуки поцелуев, а тыходишь в 102-ю комнату четвертого этажа родной общаги к подругам, окно открыто, но не спасает, и дым от курящих висит над столом серым облаком. Ты честно старалась, целый день читала учебник по урматам, просматривала лекции и даже одолела метод Фурье, но вот на интегральных уравнениях с вырожденными ядрами застряла безнадежно.

Читатель, ты знаешь, что такое интегральные уравнения с вырожденными ядрами? Ну и наплевать! Тебе ведь не сдавать их через два дня.

А мне вот сдавать, но я тоже наплюю.

В комнате, кроме девочек, сидит Петя, или Вова, или Сашка, и говорит:

— А вот и Зина. Не пора ли нам расписать хоть двадцатку для разминки?

Тут же убирается клеенка: скатерть — враг преферанса, это классика, но и клеенка тоже враг, ее скручивают валиком и убирают, достают ручку и лист бумаги. Инга хлопает всем этим перед Сашкой, или Петькой, или Вовкой. Он берет лист, и аккуратно, мужской рукой проводит ровные, как по линейке диагональные линии, вырисовывает пулю, гору, разделяет каждую четверть еще на три маленьких кусочка: для вистов. За это время уже брошены карты, кто первый раздаст, и вот ты берешь первую сдачу, свои десять карт.

Читатель, ты знаешь, что такое пёр или лом? Звучит неприлично? Но пёр — замечательное слово, и означает оно везение.

Ты открываешь одну черву, потом туза, короля, даму, еще туза от другой масти.

У тебя на руках с первой сдачи семь взяток без прикупа, и ты, стараясь ничем не выдать свою радость, лениво так, небрежно называешь самую маленькую игру и говоришь: «первые».

И слышишь в ответ «вторые», кто-то стремиться тебя перебить, урвать у тебя прикуп, а играет в преферансе тот, кто ухватит прикуп, и ты знаешь, что у того другого, жалкая карта, слабая масть, и уже не

скрывая и не раздумывая, уже улыбаясь, ты произносишь семь первых, и отмечаешь претендующих на игру, берешь прикуп, — играешь восьмерную, потом еще восьмерную, и когда в третий раз приходит слабая карту, но ты чувствуешь, что тебе везет, и упускать везение нельзя, и рискуешь и берешь к четырем взяткам на руке еще три из прикупа, и играешь в третий раз подряд, теперь, правда, семерную, и Любка, одна из трех твоих партнеров, встряхивает пушистой золотой головой и говорит восхищенно:

— Вот это везение! С чего это тебе?

А ты знаешь с чего. Тебе нужно учить интегральные уравнения — единственной из этой комнаты. У тебя одной такой страшный, неподъемный экзамен: Любка старше на курс, она уже сдала, Инга младше, ей сдавать на будущий год, а Петя, Вова или Сашка, он из другого потока — отмучился позавчера и теперь может себе позволить расслабиться.

Он может, а ты нет. И вот поэтому, поэтому тебе выпадает такая фишка.

— Против лома нет приема, — говорит Инга, — может, просто бросим играть?

— Ну ладно, дадим человеку выиграть, — басит Сашка.

Ну конечно, сегодня в гостях Сашка, с бородой и в очках, а не Вовка или Петя.

И идет битва до второго часа ночи.

Ты выигрываешь и нахально уходишь, не даешь отыграться. Надо и поспать.

Друзья остаются за столом, думают, не расписать ли еще хоть десятку, чтобы восстановить психику после твоего триумфа.

...Через двое суток день экзамена по урматам. Ты выползла из аудитории сполна расплатившись во время трехчасовой беседы с преподавателем за свое везение в картах: тебе, конечно же, выпал билет с этими проклятыми интегральными уравнениями. И ты долго плавала, уходила под воду, пускала пузыри, пока не пробилась к берегу, не раздавила из преподавателя эту злосчастную тройку

Потом опустошенная, усталая, ты целый день провалилась на кровати, засунув голову под подушку, наконец, поднялась и поужинала кефиром с хлебом. Эту немудреную снедь тебе принесли девчонки из комнаты, когда ходили в буфет.

Ты выходишь на улицу, но никак не можешь отвлечься, в голове мелькают формулы, задачки, ты заново пережевываешь экзамен и потом, когда начинает темнеть, идешь все в ту же 102-ую комнату.

Там уж сидят Инга с Любой, и с ними Вовка, и они уже расчертили пулю на троих, и даже виднеется одна запись.

— Без меня начали, — печалишься ты.

Инга, которая подседа на шестерной без одной, охотно переворачивает лист, и снова чертится пуля, теперь уже на четверых, и решает — по случаю моей сдачи экзамена писать не двадцатку, а тридцатку. И вот ты сидишь, в виде мебели, и карта кон за коном не идет к тебе, потому что сегодня твое везение уже закончилось, ты сдала гробовой экзамен с первого захода, сдала, несмотря на плохой билет, а слишком много счастья в этой жизни не бывает, к тебе идут одни короли и валеты.

Проходит, час, другой. За окном ночь, в комнате повис туман от сигарет, ты затягиваешься, скидываешь пепел в жестянку из-под кильки в томатном соусе.

— Сейчас, — говоришь ты, — сейчас, дайте подумать. — Я хочу упасть*.

И ты думаешь, утомительно высчитываешь возможные варианты и их вероятности.

Сидящий на прикупе заглядывает к тебе в карты, предлагает упасть на двоих. Это риск пополам, но и выигрыш тоже пополам, а у тебя такая жалкая пуля.

И ты решаешься, несмотря на отсутствие одной масти и взятку на руке.

Решительно собираешь веер карт, кладешь стопку на стол лицом вниз, говоришь громко и решительно, отменяя все сомнения:

— Мизер!

На следующей руке волнение: ты портишь своим мизером чью-то игру. Любка долго вздыхает, смотрит на прикуп, стараясь взглядом проникнуть сквозь рубашку карт, понять, что там, смотрит на пулю: она выигрывает, ей не хочется портить свою игру, подсесть на девятерной дорого, и она берет прикуп, и со словами: на, подавись! переворачивает его для меня.

* Сыграть мизер, т.е. не взять ни одной взятки.

Там лежат туз и шпонка от той масти, которой у тебя нет.

— Черт! — кричит Любка, — черт! — и дважды ударяется головой об стол. — У меня с этим прикупом десятерная!

У нее была бы десятерная, а у тебя осталась дырка: семь — десять на бубнах. Это может быть взятка, а может и нет, все зависит от расклада. Ты сносишь, и играешь в открытую, ждешь, когда они разложат карты. Но они не спешат, тянут, мучают тебя. Любаша все переживает из-за своей уплывшей десятерной.

Наконец, карты разложены, смотрим:

Уф!

Девятка и восьмерка бубновые легли на одну руку, а пронести мощные бубны на другой руке не на чем.

Ты сыграла мизер, игра закончилась. Благодаря мизеру проигрыш у тебя небольшой. Вовка рассчитал пулю, выиграла Люба.

Но она не удовлетворена, все переживает:

— А вот если бы я рискнула...

Ты покидаешь игроков, подходишь к окну в коридоре. Ночь уходит, ее чернила разбавились. Стали видны очертания деревьев, появилась асфальтовая дорожка, сгорбился у темной стены дома столб с потухшим фонарем. Кругом стоит первозданная тишина: утомонились соловьи и прочие птицы, нигде не слышно шагов, не оскверняет тишину свисток электрички.

Все затихло и спит в густых сумерках чуть брезжащего июньского утра.

Вот и ты, постояв у открытого окна, поживаясь от утренней свежести, медленно побрела по длинному коридору общаги, тихо пробралась в свою комнату и, стараясь не скрипнуть кроватью, чтобы не разбудить спящих, улеглась под жидкое казенное одеяло, сжавшись в комок, стараясь ладонями согреть холодные ступни ног.

Как все же надоела эта неустроенная жизнь, думаешь ты, засыпая.

И не чувствуешь того, что эта безалаберная, прокуренная, скудная общежитская жизнь и есть твоя неповторимая стремительно убегающая молодость, и что никогда в своей будущей устроенности, ты не будешь так фантастично, так бесконечно, так счастливо свободна, как это было сейчас, сегодня, после сдачи последнего в это лето экзамена.

Марина СОЛОВЬЕВА

ВОТ ТАКОЕ КИНО! **(Рассказ юной актрисы)**

Расскажу, как меня первый раз взяли сниматься в кино, мне было тогда 8 лет. Мама спросила: «Хочешь сниматься в кино? Тогда поедем на пробы. Тебя будут выбирать». Мы поехали. Мама решила — раз я такая красивая и боевая, то мне непременно в кино надо сниматься. Потому что для других профессий нужно вырасти, получить диплом... А тут просто: стой перед камерой и с честными глазами говори, будто все по правде, хотя все понарошку. Мне это не в первый раз. Я так постоянно на уроке или дома делаю, только без камеры.

Приходим мы на пробы. А там народу! Одни девочки и все такие нарядные с кучей родственников из группы поддержки. И все такие дети нервные, все переживают. Которая из дверей выходит — плачет. Не прошла, значит. Будто ее сейчас за это все эти родственники тут же сдадут в дом ребенка. Как не оправдавшую доверия. Наконец вызывают меня.

Режиссер говорит:

— Какая у девочки внешность ...культурная. А нам нужна... немного побойчее. Девочка, вот ты можешь кого-нибудь обидеть? Попробуй меня обидеть, например. Ну, скажи мне что-нибудь обидное. Или нахами кому-нибудь из нас.

Я оглядела его и говорю:

— Да, прикид у вас хуже некуда. Такой отстой даже мой дедушка уже не носит. А кабинет вы себе сделали... Просто мечта госторбайтера... У нас на рынке туалет платный приличнее обставлен

Все засмеялись, а режиссер вдруг обиделся... И смотрит на меня такими злыми глазами. Чувствую: он хочет меня выгнать вон. А другой важный дядя говорит: «Ну ты же сам напросился» ...

Тут я вспомнила, что надо еще кому-то нахамить. И говорю этому дяде:

— А тебя вообще не спрашивают... Ты работать пришел? Вот и иди работай, деньги зарабатывай... подкинешь дяде режиссеру на костюм...

Тут режиссер как засмеется. А дяденька насупился и мне сказал: «Девочка, подожди в коридоре, пожалуйста».

Я вышла. И у девушки, что нас записывает, спрашиваю: «А кто это важный мэн?» Она смеется: «Это наш продюсер. Ну, который деньги на фильм дает...»

Самое смешное, что эти пробы я прошла. Но надо было еще проверить, как я перед камерой буду играть. Поэтому нас с девочкой Томой, которая тоже прошла пробы, решили снять в сцене «Похороны Сталина». Это было в очень жаркий летний день.

Нам же надо было надеть все зимнее. Я спросила:

— Почему зимнее — Сталин в марте умер, мне мама сказала.

А помощник режиссера посмотрел в какие-то листочки, подумал и ответил: «Если ты такая умная, то иди не в кино сниматься, а на конкурс «Умники и умницы». Вопросы есть?»

Я ответила: «Нem!».

И пошла надевать шубу, зимние сапоги, рейтузы, шапку ушанку и варежки. Гримерша и костюмерша были в шортах. А помощник режиссера все время пил из бутылки воду и время от времени поливал ее себе на голову.

Потом появился мой знакомый главный режиссер. А вместе с ним всю улицу запрудил народ в шубах, шинелях и пальто. По фильму нас с подругой должны были давить. С неба ярко светило солнце. Нам в лицо светили огромные лампы. «Нас сейчас поджарят», — сказала мне на ухо Тома. Режиссер закричал: «Так, не вижу девочек. Вы должны бояться, вас же затопчут, но не паникуйте. Вот ты, мелкая — давай продирайся и лезь под грузовик». Я сбросила варежки — все-таки легче и поползла по земле под грузовик. За мной, плача от жары, ползла Тома. «Молодец! — закричал помощник режиссера — плакать надо по роли. А ты, мелкая, тоже плач!» Я подняла голову и злобно сказала: «Тут не плакать надо, а живой остаться»

«Отлично, — закричал режиссер, — оставим эту реплику, ползем дальше!»

Мы влезли под грузовик. Тома сказала мне тихо: «Сталин давно умер, а нам отдуваться!» В это время грузовик вдруг тронулся. Я посмотрела на Тому. «Так надо по сценарию?» — спросила я. Тома вдруг закатила глаза и стала серой. И я поняла, что грузовик по сценарию ехать не должен. Тогда я схватила Тому и поволокла ее из-под грузовика. Мне уже было не до фильма и не до Сталина. Я тащила Тому и думала: «Если нас задавит — мама тоже умрет от ужаса. А если не умрет, то ее убьет папа и две бабушки, потому что они не хотели нас сюда пускать».

Когда мы выползли, к нам подбежали режиссер, его помощник и еще много других людей. «Живы! — закричал режиссер. — А ты...» И тут он стал говорить помощнику какие-то очень непонятные слова. Помощник, наверное, тоже их не понимал. Потому что он в ответ только икал и мотал головой. А дядька с камерой сказал: «А здорово получилось, как они из-под машины лезли... Очень натурально, реально испугались...» Тома открыла глаза и спросила: «Вы нас берете в кино сниматься?». «Берем, берем, — ответил режиссер, — а ты молодец, мелкая, не растерялась. Если никому не скажешь про машину — получишь главную роль».

Я никому не стала рассказывать. Главную роль я получила, но наша сцена в фильм почему-то не вошла. И я теперь об этом могу вам рассказать.

Екатерина ЛАЗАРЕНКО

ГЕРКА

Герка вернулся из похода, в который отправился вместе с друзьями и учителем географии.

Пропутешествовали они целый месяц. Так что Герка с нетерпением ждал встречи Зиной. Сколько всего интересного произошло! Какие фотографии! Герка знал, что Зина будет в восторге. Ей пойти в поход не разрешили. Всё-таки они шли на байдарках, здесь надо быть всё время начеку. А Зинуля была известной мечтательницей. Так что Герка и Зинины родители дружно уговорили её не ходить. Герка клятвенно обещал, что сам покатает её на байде по Москве-реке. Есть отличный маршрут от Томилино. А можно махнуть и на П.Слободу на выходные. Зина согласилась.

Герке в походе скучать было некогда, да и звонил он Зине постоянно, пока мог. Потом разрядился мобильник. Когда удалось его зарядить в какой-то деревушке, оказалось, что там связи нет. В результате целую неделю Зина и Герка не общались.

Герку переполняли впечатления! Он решил ещё в походе, что как только вернётся, вначале, конечно, под душ, а потом бегом к Зинуле.

Когда путешественники наконец-то попали в район, где была бесперебойная связь, Герка тут же принялся звонить Зине.

Они договорились встретиться днем, сразу после его возвращения, погулять, а вечером пойти к Герке и вместе с его родителями посмотреть фотки.

Такие у них были далеко идущие планы. Только, когда Герка позвонил родителям, чтобы сообщить о времени приезда и о том, что Зинуля будет у них в гостях, отец вообще не взял мобильный, а мама отвечала как-то невпопад.

Но Герка не придал этому значению. Отец мог быть на репетиции. Всё-таки режиссеры народ занятой. А мама, небось, захлопоталась с готовкой, вот и бормотала что-то невнятное, только чтобы он уже отстал, а то пироги пригорят. Хотя зачем так рано их печь? Но Герке было некогда об этом подумать. В конце концов, у всех свои странности.

Счастливый, загоровший Герка ворвался в свою квартиру в условленное время. Первое, что его поразило, удивительная тишина. В доме обычно звучала музыка. Джаз, классика или блюз, в зависимости от настроения родителей. Музыка звучала всегда, сколько Герка себя помнил. Выключалась только на ночь. Герка и представить не мог такую тишину в доме среди бела дня.

Второе, что как-то его смутило, в доме вовсе не пахло борщом и пирогами, как он того ожидал. Но и это было бы ничего.

Герка заподозрил неладное тогда, когда увидел, что в коридоре нет обуви. Вроде это было бы нормально. Значит, мама делала уборку. Да и вообще принято убирать обувь. Но отец не любил этого. Он оставлял ботинки и тапки прямо в коридоре. На замечания мамы всегда отшучивался, что, мол, ему как личности творческой лень любые физические действия совершать. А уж открыть шкафчик и достать обувь — это для него настоящий подвиг.

Герка, сам не понимая почему, резко дернул дверку обувного шкафа. Сердце вдруг как-то нехорошо ёкнуло и упало. В шкафу не было ни отцовской обуви, ни отцовских вещей.

Герка замер на мгновение, не веря своим глазам, а потом двинулся в гостиную.

Там у окна стояла мама. Она даже не повернулась, когда он вошёл. Просто сказала каким-то серым, не её голосом:

— Папа с нами больше не живет. Вот так.

— Не понял! — оторопел Герка.

Мама медленно повернулась. В руках она сжимала носовой платок. Посмотрела пристально на Герку, потом произнесла:

— Чего же тут не понятного. Мы развелись.

И ушла в свою комнату.

Герка почувствовал странную боль во всём теле. Как будто его ударили неожиданно, резко. Боль была стальной на вкус. Во рту тут же пересохло. Герка вдруг понял, что не может оставаться в квартире ни минуты. Он этой оглушающей тишины больше не выдержит! Герка вылетел из квартиры. Входная дверь с грохотом захлопнулась за ним.

Герка помчался вниз по ступеням. Так было легче. В лифте, в этой закрытой коробке, он просто бы задохнулся сразу, как вошёл.

Внутри сжалась какая-то пружина или что-то, что мешало Герке дышать и думать. В голове только стучало «Как они могли?! Что же они наделали?! Как же я? Как же мы теперь?!» Мысли крутились по одному и тому же кругу, вновь и вновь повторяясь. Казалось, голова сейчас просто лопнет.

Герка резко распахнул дверь подъезда, чуть не сшибив соседку по этажу. Извиняться сил не было. Мысли разрывали его на куски. И Герка побежал от мыслей, от дома, от себя, не разбирая дороги, через дворы, бульвар, а потом по парку, пока не выдохся. Тогда он устало опустился на первую попавшуюся скамейку, огляделся, посидел немного и поплелся на свое любимое место — к старым липам у самого пруда. Там плюхнулся на ствол дерева и замер. Мысли остановились. А вместе с ними и время. Не было ни прошлого, ни настоящего, ни будущего. Пустота.

Сколько она длилась? Герка не знал. Наверное, это и есть вечность. Промелькнуло у него в голове. Звонил мобильник, мимо проходили влюбленные парочки, мамы с детьми, мальчишки неслись наперегонки на велосипедах и роликах. Мир вроде был, но Герки в нём не было.

Вдруг Герка почувствовал чьё-то прикосновение. Он вздрогнул и оглянулся. Рядом с ним на дерево присела Зина.

— Зинка, сейчас лучше уйди! — зло прошипел Герка и грубо выругался. Его просто тошнило от вида друзей и знакомых. И от Зины тоже. Его жизнь изменилась, а они остались там — в другом мире.

Герка думал, Зина обидится и уйдет. Это было бы хорошо! Ведь если он не нужен собственным родителям, то кому он вообще нужен. А уж Зинка на него меньше всех внимания обращала. Это Маха её уговодила с ним общаться. Вот пусть теперь и валит отсюда. Свободна!

Но Зина, нежная, воздушная Зина, не испугалась, не расплакалась от обиды, а тихо опустила голову Герке на плечо и молча протянула ему мандарин.

Герка вначале захотелось оттолкнуть Зину, но он не смог. Так спокойно доверчива она сейчас была. Но в то же время чувствовалась в ней какая-то уверенность. Опора. А потом — мандарин. Их талисман. С него все началось.

Герка взял его и начал чистить, бросая очистки на землю. Зина подставила под его руки целлофановый маленький пакетик.

— Откуда она только их берёт, чистюля! — всё ещё раздраженно подумал Герка.

Но почему-то именно в этот момент тяжелая пружина внутри вдруг ослабла. Зазвонили мобильные у Герки и Зины одновременно.

— Это мамы, — объяснила Зина.

— Ты как меня нашла? — спросил Герка.

— Ты же обещал прийти, не пришёл, я позвонила вначале тебе, ты не отвечаешь, потом — твоей маме, она мне всё рассказала, ну а дальше, где же тебя еще искать!..

Герка хмыкнул.

— Да, довыпендривались со своей свободой! То мать — я одна могу поехать отдыхать, то отец — я в экспедицию один, чтобы соскучится! Вот доскучались! — произнес Герка с горечью.

— А главное, обидно, Зинка! Обидно до слез! Ведь ничего мне не сказали! Ничего не объяснили! Будто меня и нет! Отец, вон, даже трубку не берёт... А ведь раньше мы всегда были вместе! Всегда, понимаешь?! Пока что-то не изменилось. Я даже не заметил, как и когда.

Зинка ничего не сказала, только обхватила крепко его правую руку и прижалась ближе.

Мобильные продолжали звонить.

— Зинка, а ты почему не обиделась? Ну, сразу?

Зина подняла голову и удивлённо посмотрела на Герку, потом улыбнулась. Откуда же, ему, чудяку, знать, в чем дело!

— Просто у нас дед порядок такой завёл, — принялась она объяснять как ни в чём не бывало, — если кому-то плохо, то тот может и шуметь, и кричать и плакать, а все собираются и внимательно слушают, потом, конечно, подтрунивать начинают, бабушка на стол накрывает. Так незаметно, от бурного гнева, глядишь, а уже перешёл к мирному чаепитию. Но дед всегда говорит, что человеку нужно пар выпустить, а то взорвётся. Вот так.

Зинка и Герка помолчали немного. Не сговариваясь, нажали на кнопки телефонов. Мобильные замолчали.

— Знаешь, что странно? — вдруг сказала Зина.

— Ну? — отозвался Герка.

— Дед-то никогда сам не кричит и не шумит. Я своё отвоевал, говорит. Но ничего не рассказывает, сколько не проси.

— Да, дела! — вздохнул Герка. — Что делать-то теперь, Зин? — спросил он и тут же пояснил. — Как в школу идти? Дразнить будут, с расспросами приставать, сочувствовать. Что ещё хуже!

— Дураки будут! — подтвердила Зина. — Ну, у тебя же есть я и Серега с Колькой, и Машка у нас есть с её Черепцовым. Прорвёмся!

Зина почистила свой мандарин и протянула половинку Герке.

Он ничего не сказал, но мандарин не взял, только прижал Зинку к себе и неожиданно для себя улыбнулся.

Мобильники зазвонили снова.

Герка с Зиной посидели так ещё немного, а потом пошли к Зине ужинать.

Там уже была Геркина мама. Оказалось, что просидела у них часа четыре. Всё ждала, когда он придёт. Хотела было броситься к Герке, просить прощения, но дед ловко увел её в сторону. Как он только догадался, что такого унижения Герка бы точно уже не выдержал, — Герка не знал. Да это было и не важно. Важно было другое.

Они сели за стол, вначале пили чай с тортом, потом ели рыбу с картошкой, а уж потом всем налили по борщу. Герку расспрашивали о походе, о приключениях, и он постепенно в разговоре забыл и о боле, и об обиде.

Домой его с мамой провожала вся Зинкина семья.

— А то опять разбегутся — ищи их всю ночь! — съязвил дед.

Но Герка не обиделся. Дед ведь был прав.

— Странные они, — сказала мама, когда они остались вдвоем. Но как-то тепло сказала, по-доброму. — Не такие, как все.

Герка промолчал. Он хотел было сказать, что именно эта непохожесть ему в Зинкиной родне и нравится. Но побоялся обидеть маму.

— Ну что, ставить завтра пироги?! — вдруг спросила та.

— Ага! — отозвался Герка.

Владимир ЛАВРОВ

В 2012 году я был в Лондоне и там, в Музее королевы Виктории, увидел древний артефакт: каменную плиту с шумерскими клинописными текстами из Месопотамии. Заинтересовался: кто эти шумеры? Почитал. Удивительный народ с великими достижениями!

Когда началась война в Ираке, стране с древнейшей историей, вспомнил про шумер. Слияние этих двух событий и легли в основу авантюрного рассказа.

ДРЕВНИЕ ТАБЛИЧКИ ШУМЕР

В детские и юношеские годы я зачитывался книгами по истории, археологии, фантастике и новым открытиям в науке и космосе. Кино и телевизор красочно рисовали эти догадки в фильмах и репортажах ученых. Будущее человечества, древний мир Земли, появление самого человека на планете таили многие загадки, которые будоражили мое сознание. Хотелось что-нибудь новое изобрести самому или раскопать какой-нибудь холм и найти там старинные, лучше конечно золотые, украшения.

Неясные мысли будоражили мою юную голову. И я был не одинок — два моих товарища тоже разделяли эту страсть. А что творчество это страсть и люди горят этим, я понял уже потом. В начале своего пути мы летом гоняли мяч на поляне, а зимой шайбу на расчищенном самодельном катке. Подрастая начинали интересоваться де-

вочками и ходить в парк на танцы. Слушали «Битлов», Ободзинского, Высоцкого. Были почти как все.

Но мы брали транзисторы, конденсаторы, сопротивления и мастерили радиоприемники, шумоподавители, усилители, цветомузыку, приставки к гитарах. Сочиняли стихи и играли в ВИА (вокально-инструментальном ансамбле), читали журналы «Техника — молодежи», «Радио» и даже «Изобретатель-рационализатор». И наша классная учительница, проницательная женщина, на выпускном вечере, отозвав нас в сторонку, сказала:

— У вас, неразрывная троица, есть все задатки стать творческими людьми: учеными, изобретателями, писателями. Берегите и развивайте свой дар. Прославьте себя и наш город, а может быть и всю страну. Не трусьте, смелее в бой! У вас получится!!!

И мы кинулись в пучину жизни, помня ее наказ. Судьба — занятая штука: разбросала нас по разным углам. Поэтому расскажу про себя.

Несмотря на разносторонние увлечения, у меня всё же возобладали интересы к ранним векам развития человечества. И эти интересы привели в стены московского института. Я поступил в Историко-архивный институт, что в двух шагах от Красной площади. Учеба была интересной, мудрые преподаватели передали нам, студентам, много познавательного. Особенно увлекала археология, и, изучая ее, каждый мог остановиться на своем полюбившемся отрезке истории мира.

Затаив дыхание, мы слушали лекции про чуть приоткрытые учеными завесы тайн древних цивилизаций. Это и стало моим научным направлением после окончания института. Просиживая часы в библиотеке, слушая профессоров, я открывал для себя величественную картину развития человечества. И на первом месте по значимости для меня стояли шумеры и их царства.

Глиняные пластины с клинописным текстом и рисунками хорошо сохранились в жарком сухом климате Аравии. Извлеченные на свет археологами, они поведали про захватывающие события из глубин тысячелетий.

Все это замечательно читалось в монографиях ученых, но хотелось и самому прикоснуться к тайне. Тем более что уже был решен

важнейший вопрос с расшифровкой древнейшей письменности людей — клинописи. И я загорелся! Стал работать по этой теме, изучил древний язык и очень хотел внести посильную лепту в это дело. Хотелось воочию применить свои познания на «живых» только что найденных шумерских табличках. Но как их найти?

Об этой моей мечте знал хороший знакомый по институту Витька Скворцов, ныне живущий в США. Последние годы его не то что не было видно, но даже было и не слышно. Похоже, хорошо живет человек — в нужде люди часто звонят и сетуют на судьбу, денег просят.

Кстати насчет денег. Витька жадноват до них и часто пускается в авантюры. Знаю о его делах в России: как-то сам помогал ему искать и находить «золото скифов» для музея археологии и истории в Нью-Йорке.

На этот раз после долгого молчания (уж не угодил ли он в тюрьму за свои проделки?), наконец, раздался телефонный звонок от заокеанского друга. Суть разговора сразу стала ясна — он нашел «золотую жилу» и зовет меня в помощники на поиски приключений. А я человек слабый — быстро откликаюсь на просьбы друзей, если эти предложения пахнут деньгами. Не обремененный по разным причинам еще семьей, я легок на подъем. Да и романтик в душе — тянет в новые неизвестные дали. Но предоставим слово моему товарищу: что же он мне поведал?

Вот рассказ Виктора от первого лица.

— Как это случилось, расскажу по порядку. Дело было в пятницу, в баре, при случайной встрече лейтенанта морской пехоты Рика Саймона со мной, Виктори Скворцофф. Это на американский лад моя фамилия. Я в тот день расслабился, поднабрался прилично — принял на грудь немало виски в компании со своим приятелем. Но он оказался более благочестивый, чем я, и вовремя слинял домой к женушке. А мне спешить было не к кому. Хотелось «продолжения банкета». Поэтому я в сердцах обозвал его слабаком, и победно оглядел зал. С кем бы ещё поговорить?

Алкоголь требует компании — излить, так сказать, душу и ослабить ярмо повседневности, что нагружает нас проблемами. Мой захмелевший взгляд далеко не ушел и остановился на парне в военной форме. Вот кому нелегко, и сейчас я ему помогу. Я подсел ближе

к нему. И мы разговорились — долго ли надо пьяным людям, чтобы скорешиться? К тому же Рик был словоохотлив и даже немножечко хвастлив. А алкоголь очень развязывает язык — проверено многими на своей практике!

Узнав, что русский немножечко археолог, военный встрепенулся и перестал вести разговоры о своих бесчисленных победах над женским полом. Там, в полутемном баре, он поведал «другу» о занятой истории, случившейся с ним во время службы в одной далекой южной стране.

В Ираке, после его оккупации Америкой, жизнь была сложна и непредсказуема. Кто с кем воюет и за что понять невозможно. Но именно там, по уверению американского лейтенанта, с ним произошло событие, всколыхнувшее мне душу. Из его сбивчивого рассказа я доподлинно узнал, что рядом с городком Ан-Насирия, что недалеко от Басры, при проведении операции по усмирению банды полевого командира эмира Аль-Маруни, возле дома на окраине, взрывом разворотило холм.

Прибывшие на бронетранспортере солдаты обнаружили вскрытые подземные ходы. Чтобы обезопаситься от врагов, часто прячущихся в таких укрытиях, американцы закачали туда газ, но напрасно: никто не вышел, похоже там никого и не было.

Тем не менее, они с опаской вошли внутрь проверить. Зажгли фонари, одели противогазы. Осмотрелись. Очень древнее на вид оказалось сооружение. Прошли коридор, другой и вскоре попали в зал, вырубленный в песчанике. Дальше ходы разветвлялись и шли наклонно вглубь земли. Таинственное место!

По неизвестной причине морпехам стало реально страшно, и они повернули назад. Главное, что лейтенант там, в зале, собственными глазами видел «залежи глиняных табличек с непонятным орнаментом», сложенные штабелями как на складе. Ничего ценного там не нашли и быстренько повернули назад. Одну из табличек Рик захватил с собой в качестве сувенира.

Назад они шли молча и быстро. Было ощущение, что кто-то безгранично большой и сильный с неодобрением смотрит им в спины, выгоняя из своих владений случайных неразумных путников. Место заровняли песком, используя бульдозер, чтобы не повадно было дру-

гим там лазить и укрываться в «чужих» лабиринтах. Рик потом еще с полгода воевал, но почему-то не выкинул табличку из загадочного места и вскоре привез ее в Штаты.

Вот собственно и весь рассказ, который Витка, хоть и был тогда изрядно пьяным, крепко запомнил. А на утро в субботу, он под каким-то предлогом напросился в дом к Рику и своими глазами увидел висящую на стене среди других туристических вещиц, как сувенир, старинную табличку с клинописью! Боже мой, шумеры!!!

Сдержав эмоции, он предложил сфотографироваться с Риком на фоне этого «великолепия», заодно крупно щёлкнув фотиком и саму табличку. Они вскоре расстались лучшими друзьями: Рика отправляли служить на Аляску. Арктическое противостояние с Россией набирало ход.

Славка, выслушав друга, попросил скинуть ему по интернету фото этой древней глиняной таблички.

— Да, ты мастер по этим древностям, — писал Виктор. Пробуй, прочитай, может, что дельное в голову придет. Я, ты знаешь, за деньги рвану с тобой хоть на край света.

И вот на экране монитора четкий снимок. Я рассмотрел фотографию — безусловно, это настоящая вещь и писец был мастер своего дела. Отчетливые знаки просились рассказать о жизни древнего народа. Открыв книгу-словарь, начал переводить. Дело не быстрое, но сегодня я был в ударе.

Когда собрал и обработал написанное, то получился фрагмент жизнеописания какого-то юноши из города Урука с массой интересных фактов и деталей быта. И жил он семь тысяч лет назад!!! Хотелось продолжения и начала текста. Это ведь редкость — в таблицах чаще всего шло описание долгов и разные канцелярские записи. А тут живой автобиографический рассказ!

На другой фотографии местности по старинке крестиком было отмечено место захоронения.

Зачарованный я долго молчал. Потом выслал перевод за океан. Интернет все же великая вещь: отправил смс и почти сразу жди ответ или звонок. И точно: вскоре тишину нарушил телефон и голосом Виктора круто замесил мою последующую жизнь:

— Славка, давай рванем туда на поиски. А?

Знает, зараза, чем меня можно пронять — шумеры моя слабость. Этот древний, образованный, загадочный народ волновал многие светлые умы человечества. В том числе и меня. Решено — еду!!!

Недолгие сборы и самолет берет курс на Кувейт. Эта маленькая страна притулилась на берегу Персидского залива бок о бок с беспокойным Ираком. Жаль, что эти древние места сотрясают войны и конфликты. Пески, горы, каменистые пустоши, редкие зеленые долины рек Тигра и Ефрата. За что рубитесь-то, ребята?

Просто так путешествовать там смертельно опасно. Надо обезопасить по максимуму свое пребывание в этих местах. Но как? Думаю под гул самолета, что с каждым часом всё ближе переносит меня в арабскую страну.

И вот встреча в аэропорту, быстро по жаре перемещаемся в отель, который уже заселил Виктор. Сидим в номере с кондиционером, попиваем кисловатый гранатовый охлажденный сок. Мы не ханжи, могли бы и по виски ударить. Но в жару пить алкоголь? Да еще в мусульманской стране? Это как-то стрёмно будет, а наша миссия не позволяет всё делать кое-как. Мы же придумали хитрый ход: я с другом — часть международного гуманитарного конвоя! Это как?

А сработало наше письмо в армию. Мы представили пару писем от погибших невест где солдат — молодец Скворцов. Он взял эти письма у Рика, их командира, и обещал найти родных и само захоронение. В пояснение письма подсказали зону поиска, там действительно была заварушка и несколько человек пропали. Сработало! Высокие чины дали нам рекомендательное письмо в руководство Вооруженных сил в Ираке оказать содействие волонтерам в поисках погибших солдат в районе городка Ан-Насирии.

И вот завтра из Кувейта выезжает автоколонна представителей организаций «Врачи без границ» и «Белые каски» под охраной военных! На одной из платформ стоит новенький японский трактор с ковшем. Это для нас. Будем копать, ребята!

Немного цинично? Да, даже прилично цинично. Но по-другому ни как. Люди, как и в другие века, всё воюют и воюют, и нет им дела до истории человечества. Разрушенный город Пальмиру в Сирии вспомните. То-то!

Я вышел ночью на балкон отеля построенного в мавританском восточном стиле: маленькие окна, толстые стены, песчаная окраска,

широкие балконы. Большие мохнатые звезды все также безучастно из века в век смотрели на нас, живых людей, которые по неведомой прихоти природы или божественному замыслу все еще продолжали копошиться на Земле. Зачем? Для кого? С какой целью? Вечные неразрешимые загадки!

Вгляделся в беспросветную тьму на востоке. Там — Ирак. Что день грядущий нам готовит?

... Машины у военных песочного цвета и смотрятся несерьезно. Но пулеметы отблескивают сталью и отбивают охоту повоевать у местных несознательных жителей. Вокруг пески, гористые возвышенности, вышки качающие нефть и опять пески. Скучно и жарко. Едем уже четыре часа.

«Какого черта сударь сюда вас занесло.
Не уж то, вам покой не по карману».

На ум приходят эти слова известной песенки. В точку, про нас! Действительно чего здесь искать? А искать пришлось уже на следующий день.

Ковш за ковшом выворачивал трактор и все пока напрасно. Только к вечеру повезло — вскрыли засыпанные ходы в земле. Что там? Быстро сгущающаяся темнота отложила ответ до утра. Ночью постреливали где-то вдалеке. Часовые не спали — себе дорожке выйдет. «В Багдаде все спокойно!». М-да, цинично звучит.

Рассвет здесь наступает стремительно: только что была «тьма египетская», точнее иракская, и вот уже заалел восток и вскоре лучи пока не жаркого солнца уже жадно облизывают землю. Скоро, очень скоро, они наберут свою страшную обжигающую силу, и еще один раскаленный день будет царствовать долгие десять часов. Что удерживает людей здесь тысячи лет? Почему они так отчаянно борются за эти земли?

Сигарета, зажата в кулаке, погасла. Нечего приманивать снайперов: прилетит пуля из черноты ночи и всё — отбегался, отпрыгался, отлюбил, парниша. Утром быстрый подъем, легкий завтрак и вперед. Лопатами подчистили полусасыпанные ходы, и вот мощный армейский фонарь высвечивает лучом старые стены. Что они видели, когда в незапамятные времена здесь гнули спины рабы? Какие загадки таят?

Нетерпение усилилось, когда под ноги попала глиняная табличка. Кто-то видно обронил ее в спешке. Подняв ее, я почувствовал себя Шлиманном, открывающим человечеству Трою!!! Вперед!

Но нас сдерживал солдат с миноискателем. Он шел впереди всей группы: а вдруг? Пока было чисто. Да и жуков, скорпионов и змей, к счастью, тоже не было. И вот очередной поворот и мы видим в лучах фонарей действительно залежи табличек. Они лежат четкими рядами как запыленные шпалы. Это как бы книги, разложенные по годам или по событиям. Но трогать их надо с умом.

Врачи ушли дальше — кого интересуют пыльные черепки из глины. Это же не сокровища Али-Бабы: золото, переливающееся жирным желто-медянным блеском, красные искры от рубинов и стрельчатые вспыхивающие лучики от алмазов. Ну и хорошо. Целый час мы вдвоем вытаскивали таблички. Глина, знаете ли, тяжела и мы изрядно устали. Зато радости через край: добыча царская, редкостная!

Зато врачам повезло меньше. Кроме трех мумифицированных скелетов они ровным счетом ничего не нашли. Они долго кружили по подземельям, и были несказанно рады, выбравшись на чистый воздух. Мы с Виктором переложили пронумерованные нами таблицы в кузов грузовика на песок. Им же всё пересыпали для сохранности. Теперь бы все это довести в целости в Кувейт и не подорваться в дороге на mine.

Но не все так просто. Еще целую неделю мы колесили по истерзанной стране и не имели возможности насладиться познанием древнейших текстов. Когда же вернулись в столицу Кувейта, то перед нами довольно быстро встала задача контрабандистов: как незаметно вывезти найденные научные сокровища из страны?

Изучать их — не один месяц трудов будет стоить. Решение лежало на поверхности: заберем найденные мумии на исследование. Для этого изготовим под них ящики из ... табличек. А что! Ящики же бывают разные, правда?

Заказали металлические профили и рядами, ставя таблички на попа, создали нечто напоминающее саркофаг. В количестве четырех штук. Арабы с почтением к ним относятся. Скажем, что это были древние знатные люди и вот мы везем останки на ДНК — исследо-

вания в Америку или Европу. Врачи подтвердят — так надо. Всё бы ничего, но мумий-то три, а ящиков получилось четыре. Непорядок, нужна еще одна мумия.

Вот никогда бы не поверил, что буду сидеть на Ближнем востоке, слушать песнопение муллы и ломать голову: где бы взять еще одну мумию. В трезвой голове это не укладывалось. Нарушая запреты, хлебнули мы прямо из бутылки виски и стали ждать озарения.

Первым выдал сентенцию я:

— Надо подключать местных, самые проныры — это официанты. Звони, Витя, — и протянул трубку телефона другу.

Витька, как самый американистый из нас двоих, бойко затараторил, заказывая пиццу и фрукты.

Через десять минут официант вкатил столик с яствами и застыл, ожидая чаевых. Виктор напустил на себя гангстерский вид и таинственно заговорил:

— Мы ищем трупы, но не свежие, а лет так десять вяленные на солнце. Смекаешь?

Паренек приоткрыл рот и попятился к двери.

— Хенде хох, — завопил я, отсекая его от двери.

Что иностранного знал, то и выдал. Официант краем уха слышал, что русские туристы и богатые и шальные и непредсказуемые, но не на столько же.

— Я не понимаю, — заблеял он.

— Мумию давай, гад, — перешел я на простой и доходчивый русский язык.

Виски в жару (кондиционер тут паршивенький и мы ходили по номеру в трусах) продолжал коварно атаковать размякший мозг. Виктор руками наглядно показал, как товарищ раб умер, его вспороли и набили травами и замотали в тряпки и запрятали под землю. Официант смекнул, что если он не выполнит какой-то просьбы этих бесноватых людей, то его прирежут и закопают.

В его голове пронеслось: гангстеры, сумасшедшие. Но одно другого не слаще, лишь бы убежать исчезнуть из этого номера. Видя растерянный и испуганный вид служивого, и зная, что лучший способ вернуть его в реальность это деньги, я вытащил пятьсот долларов сотнями и, распушив их веером, сказал:

— Пойми ты, дурья башка, мы поставляем мумии в музеи и нам нужно купить здесь мумию. Ферштейн (понимаешь)?

Вид денег действительно произвел нужный эффект: глаза халдея прояснились, осанка опять стала боевой — подобострастной (чего изволите).

— Муляж подойдет, — уже деловито осведомился он.

— Но халтура, — твердо заявил я. Давай натуру.

Глаза Салима, как он представился, забегали в поисках решения. Для ускорения процесса я достал еще пару сотен. Наконец у него что-то щелкнуло, и он выдал важную фразу:

— Когда нужно?

Что ни говори, а деньги быстро сближают народы.

— Послезавтра, справишься?

Он сглотнул слюну и хрипло сказал:

— Половину денег вперед!

— Запросто, бери, но помни — твой труп при обмане тоже станет мумией. Свежей, к сожалению. И ещё, — я добавил три сотни долларов, — нужен зеленый свет на таможне. Лишние вопросы укорачивают жизнь! Ферштейн (понял, нем.)?

— Йес, йес, — закивал азиат, успешно осваивая мой немецко-русский язык.

Процесс закрутился. Океанский лайнер «Монровия» скоро готовился покинуть порт.

Вот что скажу: мы не изверги какие-то. За время поисков были найдены останки 42 погибших морпехов. Эх, парни, парни, зачем вас занесло в эти жаркие страны, вдали от вашей Родины? Врачи делали тесты на ДНК и обрабатывали данные. Им мы уже были не нужны. Поэтому ничего удивительного, что мы с Витькой так резко засобирались покинуть уже поднадоевший унылый Кувейт. Вариантов было три: самолетом, морем, на верблюдах.

Что-то стар я стал для раскачивания на спине жвачного животного. Груз большой — переплачивать авиакомпания за перевес ого-го сколько стоит. Мы же не миллионеры — только готовимся ими стать. Остается — море! Дух контрабандистов вселился в нас. Ящики просто неподъемные. Пришлось зафрахтовать морской контейнер. Да, поедем неспешно, зато морским целебным воздухом надышимся вволю.

Салим не подвел: приволок своего усопшего и ссохшегося соплеменника, искусно замотанного в старые полотнища. Нам было не до сантиментов, время поджимало.

И вот все хлопоты позади. Мы с другом стоим на палубе, контейнер заботливо закрепленный стоит неподалеку. Полоска воды меж кораблем и пристанью становится все шире. Отплываем!

Арабский берег со всеми своими сложностями потихоньку отдаляется. Мы поймали свою птицу удачи. Теперь дело за малым — грамотно распорядиться своим богатством.

... Долгие пять месяцев кропотливого труда дали блестящий результат. Пелена тысячелетий спала. Перед нами открылась яркая картина жизни древнейшей цивилизации.

Мой обширный доклад на симпозиуме археологов произвел сильное впечатление: меня заметили корифеи науки! С табличками же поступили так: часть передали в Русский музей, часть реализовали за деньги для коллекционеров, а большую часть передали посольству Ирака для размещения в музеях оживающей страны. К всеобщему удовлетворению всех заинтересованных сторон.

Теперь я с Виктором приглядываюсь к Персии. Там множество тайн еще сокрыто. Можем помочь, если что.

P.S. Незэкс (независимый эксперт) свидетельствует.

Было: древние артефакты с описанием жизни шумер веками лежали сокрытые в подземных туннелях.

Стало: молодые авантюристы смело и находчиво проникли на опаленные войной земли и добыли для человечества археологические редкости. В выигрыше музеи, ученые, коллекционеры и сами добытчики.

Вывод: «безумству храбрых, поем мы песню!»

Александр КОЛГАНОВ

ДОЖДЬ НА ВЗМОРЬЕ ИЛИ КАК ВОРОНА РЫБУ ЛОВИЛА

На взморье погода меняется внезапно. Ещё минуту назад небо было ясным, солнце щедро разливало тёплый свет по волнам, играя бликами на поверхности воды, — и море выглядело тихим и спокойным. Солнечные зайчики прыгали по гребням волн, обгоняя друг друга, а воздух был наполнен лёгким, неповторимым ароматом йода и водорослей. Неожиданно всё переменялось: резко подул холодный ветер, сразу же напозли тучи, и пошёл дождь — мелкий, но плотный, холодный, будто кто-то переместил меня с женой и сыном в огромную душевую кабину и открыл только холодную воду. Воздух ещё сильнее наполнился запахом соли и влаги, а усиливающийся ветер принёс с собой сильное желание где-то всё это переждать, а не мокнуть под зонтом.

Недалеко от нас на берегу залива находилось красивое здание в стиле подмосковных дач поздних 1960-х, только значительно больше обычного дачного домика. Стильные деревянные наличники на окнах, пропорции здания, его силуэт. Это всё напоминало моё далекое

детство. Мы поспешили укрыться в нём — и оказались правы: вскоре дождь усилился, барабана по крыше и набережной, а с моря потянуло пронизывающей сыростью. Из открытых, в основной зал, дверей доносились приглушённые звуки рояля — кто-то играл нежную мелодию, создавая контраст с разгулявшейся за окном непогодой.

Мы с любопытством стали рассматривать старые фотографии на стенах и узнали, что попали в классический курортный курзал с очаровательным рестораном и видом на залив.

Нам предложили столик на террасе, у большого окна, выходящего на залив, тёплые пледы и замечательные эклеры с кофе и шампанским.

Бокал на столе чуть запотел от разницы температур, и я провёл пальцем по прохладной поверхности, наблюдая за движением капли конденсата. В руке — бокал Champagne Voirin Jumel Brut Grand Cru, на столе — чашечка эспresso и уже половинка эклера с чудным кремом из чёрной смородины. Наблюдать за дождём в такой обстановке — особое удовольствие: капли стекают по стеклу, оставляя извилистые дорожки, море хмурится и темнеет, а ты находишься в тепле, с напитком и видом на обильно моросящий дождь. Стекло чуть подрагивало от порывов ветра, и на мгновение мне показалось, что мы — в подводной лодке Жюль Верна, а вокруг — разгулявшаяся стихия.

Аромат свежесваренного кофе смешивался с едва уловимым запахом морского воздуха, проникающего сквозь приоткрытое окно, и не позволял заснуть. Я слушал, как капли выбивают дробь на крыше, будто репетируя симфонию непогоды.

Прямо перед окнами курзала — пирс, и мой взгляд невольно остановился на нём. А там — чайки. Сидят и чистятся под дождём. Все белые, с оранжевыми клювами, у некоторых — небольшие вкрапления чёрного, и у всех элегантно оранжевые лапки. Они переступают с ноги на ногу, отряхиваются, перекликаются — будто обсуждают, стоит ли вообще вылетать в такую погоду. Их перья блестят от влаги, а крики звучат то беспокойно, то деловито. Время от времени какая-то особенно смелая птица делает шаг к краю пирса, замирает, всматриваясь в бурные волны, и снова отступает, недовольно покрикивая.

Неожиданно моё внимание привлекает новая птица — тёмно-серая, с чёрной головой и огромным, тоже чёрным, клювом. Ласт на

ногах нет, перья мокрые, а в клюве — небольшая рыбина. Птица приземлилась в стороне от толпы чаек и начала свой перекус. Чайки с любопытством наблюдали, как она жадно расправилась со своей добычей, а потом начала чистить клюв. Она нахохлилась и, встряхивая крыльями, пыталась сушиться прямо под дождём. Похоже, что ей очень мокро, но она не спешила искать укрытие. В её движениях присутствовала какая-то упрямая сосредоточенность — у меня сложилось впечатление, будто она знает, не только, что дождь не вечен, но и когда точно появится солнце. Капли стекали с её перьев, сверкая, как маленькие жемчужины, а глаза внимательно следили за происходящим вокруг.

«Где она умудрилась так промокнуть?» — задумался я и начал наблюдать за ней с нарастающим интересом. «Но главное, — где она взяла рыбу?» Момента, когда она стащила её у чаек, ни я, ни жена, ни сын не видели.

А тем временем одна ворона застыла на краю пирса, склонив голову набок, будто прикидывала свои возможности. Вторая, тем временем, кружила над водой чуть дальше — возможно, ждала своей очереди или отвлекала потенциальную добычу. Затем, первая сбивает воду с крыльев, отталкивается и взмывает в воздух. Поднимается достаточно высоко, переходит на бреющий полёт, внимательно высматривая что-то в воде. Её силуэт чётко вырисовывается на фоне тёмно-серого неба, а крылья рассекают влажный воздух с размеренной точностью. Ветер треплет её перья, но она держится уверенно, словно опытный мореплаватель.

Я замер, не донеся бокал до губ. Это не случайность. Они делают это осознанно, повторяют одни и те же действия с точностью механизма.

Через некоторое время ворона резко спикирует вниз, почти касаясь поверхности. В самом низу изменит траекторию — перейдёт в горизонтальный полёт, наклонится, что-то схватит клювом и... пронырнёт под водой несколько метров! Вынырнет, взлетит вверх, сделает круг, тяжело взмахивая крыльями, и приземлится на пирс — с новой рыбиной в клюве.

За несколько секунд съедает добычу — методично разрывая её на части, время от времени оглядываясь по сторонам, будто оценивая обстановку, — и всё повторяется.

Пока первая ворона сушится после удачной охоты, другая повторяет почти точь-в-точь тот же сценарий: заход над водой, пике, проныривание, возвращение на пирс и поедание пойманной рыбины. Их движения напоминают какой-то четкий, отточенный ритуал — строгий, ритмичный, завораживающий.

Я замираю, поражённый увиденным. Как ворона научилась ловить рыбу? Я ожидал, что они могут отбирать добычу у чаек — это ещё можно представить. Но ловить самостоятельно? И даже если клювом поймать рыбку — в это я ещё мог бы поверить. Но пронырнуть под воду? Если бы сам не увидел — дважды! — ни за что бы не поверил.

Наблюдая за этими воронами, я ловлю себя на мысли: как удивительно устроена жизнь. Эти птицы не просто отжимают рыбу у чаек — они учатся, пробуют её ловить, и находят неожиданные решения.

Раньше я видел в воронах лишь привычных назойливых городских обитателей, а теперь они стали для меня неожиданными созданиями, способными удивлять. Их охота завораживает: в действиях нет суеты, только чёткость движений и понимание цели. И чем дольше я наблюдал, тем активнее в моей голове копошилась мысль: возможности для решения, пусть даже сложной задачи, всегда существуют, нужно лишь их заметить. Мысль совершенно не новая, но вот контекст...

Дождь всё идёт, чайки продолжают толпиться на пирсе, а вороны — охотиться на рыбу. Допиваю шампанское, делаю глоток уже остывшего эспрессо и улыбаюсь. Где-то вдалеке уже пробился луч солнца, озаряя мокрые доски пирса золотистым светом. Он скользит по перьям ворон, по ряби на воде, по стеклу террасы.

В этот момент всё становится простым и ясным: нет необходимости в том, чтобы постоянно заниматься поиском сложных объяснений происходящего, достаточно просто быть здесь и сейчас, наблюдая, удивляясь, впитывая красоту того, что происходит прямо перед глазами.

Виталий ЕРЁМИН

ЭРИКА-АГЛАЯ

Она появлялась на пляже по утрам. Издали ее можно было принять за инопланетянку: невероятно длинные ноги, светло-шоколадная кожа, короткие пепельные волосы, серо-зеленые глаза. Фигурой она напоминала туземок суданского племени нуба. Кто видел фотографии этих негритосок, тот поймет, какое впечатление производила эта девочка на пляже провинциального сибирского городка.

По слухам, родиной ее предков был поволжский фатерланд, и звали ее Эрика. Это было все, что о ней могли узнать любопытные. Трудно было понять, как появилось на свет это создание. Любой своей позой она заставляла смотреть на себя. При взгляде сзади бросались в глаза ее узкие и в то же время округлые бедра. А если она вдруг садилась и подтягивала под себя ноги, то колени оказывались почти вровень с головой.

Эрике, похоже, нравилось дивить людей такой позой, а потом встать и показать ноги в естественном виде. И уж тем более трудно было понять, как так случилось, почему у нее такое лицо? Откуда этот

шрам от ожога на всю левую щеку, будто приложили когда-то раскаленный утюг?

Всем, кто видел Эрику издали, хотелось подойти поближе. Это должно было раздражать ее, но она относилась к этому любопытству терпеливо, словно понимала, что в ее лице главное — не шрам, а шарм. Она улыбалась ресницами и уголками губ, словно Монна Лиза. Всякий, кто рассматривал ее, удалялся довольный и еще больше очарованный ее загадкой.

Она сбрасывала тунику у одного и того же грибка и сразу шла к реке, хотя слово «шла» здесь не годится. Ее походка была танцем, хотя видно было, что она нисколько не рисуется своей грацией. В воду она входила стремительно, ныряла с головой, тут же выныривала, и начиналось главное ее представление. Она плыла мальчишескими саженками, но как-то не совсем по-человечески. Было в ее манере двигать руками что-то зверино-грациозное. Для нее словно не существовало плотности воды. Спустя несколько секунд ее голова была уже на середине реки, здесь ее подхватывало сильным течением и уносило в даль. Возвращалась она не скоро, но ничуть не уставшей, блаженно опрокидывалась на старенькое полотенце и закрывала глаза панамкой.

К ней подходили знакомиться. Она вежливо приподнимала панамку и с улыбкой что-то отвечала. Если кто-то наглед, она могла сказать с той же кроткой улыбкой: «А ведь я могу и в рыло дать». Если искатель приключений не унимался, ему делали внушение двое-трое из местной шпаны. Эрика была знакома с этой непрошеной охраной, но дружбы с ней не водила. Не было у нее и подруг. Пышненькая красotka Валька, королева пляжа, пыталась сделать ее своей фрейлиной. Но Эрика не брала ни мороженого, ни конфет, ни глотка шампанского. Самолюбивая Валька могла принять меры, шпана готова была исполнить любой ее каприз. Но только не такой — Эрика была неприкосновенна.

И все же напряжение росло. Неужели эту немочку никто не охмурит? Особенно терзалась этим вопросом Валька. Про себя (а иногда и вслух) она называла Эрику уродиной. Этим объясняла она и неприступность девочки: мол, стесняется себя.

Это должно было произойти именно в то лето и ни годом позже. На Эрику запали сразу двое. Один ненамного старше, другой — лет

на десять. Первый — известный всему городу прыгун в высоту, другой — приезжий. Прыгун появился на пляже из-за Вальки, накануне познакомился с ней на танцплощадке. Пришел, увидел Эрику и пропал. И даже не сумел этого скрыть. Могла ли Валька уступить его, длинноногого кузнечика, «этой уродине»?

Прыгун оказался не просто спортсменом. Он подсознательно растил в себе чувство прекрасного. В нем, совсем еще молодым, зрел художественный вкус и художественный взгляд на людей. Много позже из него получился известный кинорежиссер. А тогда он увидел Эрику, сравнил ее с неправдоподобно красивой Валькой и понял, что он неизбежно угорит от нарисованной красоты королевы, а вот эта девочка — не столько человеческое, сколько божье создание. Такое сочетание линий и пропорций, мягкости и доброты не может быть только человеческим. След от страшного ожога прыгун не мог не видеть. Но этот след как раз и объяснял, вопреки чему эта девочка сохранила свою ангельскую сущность.

Вот тут и появился приезжий. Мастер художественной фотографии, он запал на Эрику с честолюбивым творческим умыслом — стать первым, кто откроет миру ее редчайшую красоту. Он фотографировал уникальную девочку украдкой, но разве на пляже эту хитрость скроешь. Шпанюки засветили ему пленку, дали пинка и пообещали утопить. На другой день мастер пришел с телеобъективом и стал снимать Эрику с безопасного расстояния. К нему подошел зловеще вежливый двадцатилетний мачо в белом костюме и потребовал мзду, иначе до рогущий телеобъектив нечаянно упадет в воду.

Фотограф хотел попользоваться Эрикой, а шпана считала, что она уже владеет ею, хотя бы тем, что охраняет ее от разных посягательств. Во главе шпаны стоял этот самый мачо в белом костюме. У него был свой гарем из бойких сексопилок, которые считали за честь доставить ему удовольствия, а Валька была чем-то вроде главы гарема и чем-то вроде неофициальной старшей жены. Мачо положил глаз на Эрику, когда она была совсем еще алёнушкой, но как бы ни облизывался, не мог ускорить события. Мешала порядочность, которая поддерживается даже среди шпаны: младший брат Эрики вращался в этом кругу. Мешало также опасение — брат обещал вырастить в крутого кренделя и мог сурово наказать за соблазненную сестру.

Фотограф согласился заплатить мачо, но поставил условие. Ему нужно снимать Эрику в пикантных видах. Мачо удивился: неужели голышом? Фотограф благородно возмутился: он снимает не порно, а эротику. Эротика тоже дорого стоит, сказал мачо и назвал свою цену. Фотограф не стал торговаться и попросил адрес для пересылки гонорара. «А адрес Эрики тебе не нужен?» — спросил мачо. «Зачем?» — с удивлением спросил фотограф.

У мачо зачесались кулаки. Он хотел, чтобы телом Эрики любовались миллионы. И его возмущало, что фотограф готов заплатить только ему. А как же Эрика? Разве модели не платят? Он — вроде импресарио, а она — не какая-нибудь зверушка из красной книги, она — модель, это факт. Какого хрена эта московская штучка хочет кинуть провинциальную модель?

Фотограф сказал, что у него сейчас не хватит денег, но он обязательно поделится с Эрикой своим гонораром и даже оплатит ее проезд в Москву на презентацию его фотоальбома. Мачо сказал, что так дело не пойдет. Дело пойдет, если фотограф оплатит и его проезд.

На прощание Эрика сказала фотографу, что вообще-то она Аглая, и никакая не немка. Просто это ее детские фантазии. Но если он решил назвать фотоальбом «Эрика», она не будет возражать.

В сторонке стоял прыгун, всем корпусом напротив, отвернув лицо в сторону. Потом они, два кузнечика, пошли под грибок, разделлись и сели напротив друг друга, подобрав ноги. Шпана не мешала.

Презентация фотоальбома состоялась через полгода. Эрика-Аглая приехала в Москву одна, ее встречал прыгун, он к тому времени уже учился там во ВГИКе. А мачо не смог приехать по уважительной причине, он неожиданно угодил в тюрьму. Но он прислал на удивление теплую поздравительную открытку.

Лет через пять прыгун снял фильм о девочке с обожженной щекой и фигурой женщин племени нуба, любимице шпаны. В интервью сказал по большому секрету, что этот фильм — о его жене.

Сергей КИРИЛЛИН

ТРЕЩИНА

Возвращаясь после попытки восхождения на вершину горы “Эрцог”, упомянутого Ю.Визбором в “Домбайском вальсе”, я спускался по снежной целине перевала. Ничто вокруг не давало поводов для беспокойств. Ночной снегопад рукой умелого визажиста запорошил все тропинки, проложенные накануне к его седловине. За три дня мы с моим спутником Сергеем Никитась исходили ими под скалами “Сунахет” не один раз в обоих направлениях. Определить их прежнее положение и опасность отклонения из-за близости покрытых снегом трещин не представлялось возможным.

Первое проваливание оказалось совершенно неожиданным и незначительным. Всего лишь по пояс. Я не придавал значения этому. Был уверен, что ничего и так не произойдет, потому, что не может произойти... Накопившаяся усталость и желание, как можно скорее пройти перевал одержали верх.

Кое-как выковырился, отряхнулся и снова — вперед. Прочь с горы! Вниз в долину! К реке! К пихтам! К травам! К людям! К кружке с пивом в первом же торговом ларьке поселка Домбай!

Второе проваливание произошло от первого метров через сто. Выбраться из ямы, как в первый раз, я уже не мог. Снежный панцирь с отверстием в его своде, через которое я провалился, отделил меня от существовавшего мгновение назад пространства на снежной равнине. Фиолетово-серого цвета небо виделось через него из глубины моего колодца в виде недоступно отдаленного овального окошечка.

Что произошло? Отклонившись от прежней тропы на несколько метров в сторону, я оказался над трещиной, пробил слежавшийся слой покрывавшего ее снега, провалился и застрял в ее чреве. Вверху метрах в двух-трех зиял провал. Через него доносились приглушенные крики орланов. Они порхали в небе, а я сидел взаперти, стиснутый по рукам и ногам в объятиях снежной норы, не понимая, что должен делать и с чего эти действия начинать.

Со всех сторон, переливаясь и поблескивая, на меня поглядывали, хрусталики зеленоватого льда, чередуемые слоями спрессованного годами снега самых причудливых оттенков. Красота редкостная! Загляденье, какого поискать! А вместе с тем — угнетающее уныние от невозможности что-либо изменить. Все движения скованы объятиями колодца.

Я стоял на чудом образовавшейся в этом склепе перемычке, по какой-то причине возникшей в виде крошечного мостка, ставшего спасительным. Не окажись его, падение могло бы продолжиться и дальше, неизвестно на какую глубину. Как этот мосток вообще мог оказаться под ногами в трещине?! Не левее, не правее, не дальше, не ближе, а именно здесь?! Как долго он сможет меня держать? Что же все-таки я должен делать?

Требовалось действовать, но за плечами висел рюкзак, лишая какой-либо возможности для этого. Снять его не позволяла теснота колодца. С другой стороны, сняв его, я рисковал в случае разрушения перемычки, провалиться в глубину трещины. С ее дна доносилось зловеще звучащее журчание ручья. Оставалось, лишь дожидаться моего друга, вышедшего позже и шедшего по тропе метрах в пятистах за мной. Минут через пятнадцать — двадцать по оборвавшимся следам он должен был бы меня обнаружить.

В руках оставались чудом не улетевшие в глубину, висевшие на темляках лыжные палки. Попытка применить их для устройства дополнительных точек опоры оказалась бесполезной. Наконечники палок отскакивали от полированной окаменелости льда стен колодца, а теснота пространства не позволяла размахнуться для удара.

Серезин подход обозначился по его окрику:

— Ты меня слышишь? Цел ли? Есть ли травмы?

Переключаясь, обсудили ситуацию. Договорились, как будем действовать. Сняв свой рюкзак (потом он рассказал, как все происходило) и, распластавшись на снегу, он подполз к самому краю, так, чтобы, не провалившись самому, опустить в колодец конец веревки. Спущенным на ней ледорубом, подвязавшись к ней, я попытался вырубить зарубки во льду на случай, если опора под ногами не выдержит и обрушится. Потом соединил вместе обе лыжные палки на высоте плеч, расположив их над ледяными кромками в виде перекладины, обеспечив тем самым не слишком надежную, но, тем не менее, возможность дополнительной опоры. Все это было сделано для того, чтобы, опираясь кончиками подошв на зарубки попытаться выкарабкаться наверх.

Тянусь изо всех сил, надеясь дотянуться, устремленной вверх правой рукой. И дотягиваясь, наконец, зацепляюсь мертвой хваткой за протянутую Серезину руку и всеми его и своими силами, подобно разжавшейся пружине, выскакиваю на поверхность! Падаю на снег, отползаю подальше от провала пока еще не готовый поверить в реальность происшедшего избавления.

Через пять минут, отряхнувшись и оправившись, стремительным шагом мы продолжили спуск к альплагерю Алибек и Домбайской поляне, так неожиданно прервавшийся, как выяснилось, на целый час.

Окончательное понимание всего, что произошло, пришло ко мне с большой задержкой, растянувшейся, без малого, на год. И, если, поначалу, еще оставалась уверенность успешности предпринятых нами с моим другом действий, то в дальнейшем я стал относиться к этому иначе и думать, что трещина, сделав поправку на мою неопытность и возраст, не пожелаала принять жертвоприношение, проявив благородство.

Не привлекательные в пасмурный день, а в солнечный — подсвеченные изнутри перламутровым отсветом, — трещины, запечатлев-

шись в сознании, способны вплетаться в сюжетные путаницы наших будущих снов, вызывая оторопь, а вслед за ней восторженное облегчение от осознания, что это был — всего лишь сон... "Прогулки" по полям с закрытыми трещинами — сродни прогулкам по минным полям без миноискателя. Они, как коварный удар в спину бандитской заточкой на центральной площади города среди бела дня! Трещины, то в зверином оскале отшлифованных клыков, то вызывающем изумление изысканности красок и форм — напоминание, что мир природы, не всегда доброжелательно распростерт к нам, а постижение его законов, требует вдумчивого, уважительного и неторопливого отношения.

Среди песен, не вошедших в художественный фильм "Вертикаль" была и про "Скалолазку", содержащая откровения, посвященные... трещинам! Тот, кто рассказывал поэту о них, несомненно, знал, что говорил, а Владимир Семенович, со свойственной ему пронизательностью, уяснил значение сказанного. **"Проклятые трещины"** — это не только эпитет! Это точно подмеченная суть явления, выраженная в смягченной форме. Почти, что ласкательной. Все куда серьезней! Я убедился в этом и, отныне, не имею на этот счет никаких иллюзий.

Пока бьется сердце и не потерял житейский азарт непокоренный "Эрцог" светит мне **"изумрудным льдом"**, напоминая ближе к весне собрать рюкзак, и пойти к Вершине очередным, еще **"не пройденным маршрутом"**. Может быть, он станет последним, и я перестану завидовать тем **"другим, у которых вершина еще впереди"**.

За двадцать два года, минувших после первой встречи с вершинами Главного Кавказского хребта и восхождением на Эльбрус, я убедился, что **"оставив в горах свое сердце"**, буду стремиться к ним, **"хватая звезды с небес"**, **"меняя уюты"**, **"потому, что всегда мы должны возвращаться"**, чтобы **"доказать себе"**, что "порох", придающий нам силы не отсырел и запасы его пока не растрочены.

Нет ничего страшнее для нас мужиков, обнаружить, что из бывших навыков не осталось ни одного. Что потенциал нашей энергетики истощен, ничего не хочется и уже не надо. Это будет край биографии, разящий финиш, настигнувший преждевременно до наступления неизбежных инфарктов и тромбофлебитов...

При первом же намеке на это каждому из нас, суждено отправляться на поиски и восстановление, чтобы, в очередной раз, подняв "коромыслом дым", проверить и **"испытать себя"**. Чтобы случайно, как, не без иронии, заметил Е.А. Евтушенко: "Не умереть прежде смерти".

Наверное, лишь в море и небе так просторно и величественно, как в горах. Свобода духа и помыслов, возникающая здесь, необходима каждому, как воздух для полета и пространство для маневра, чтобы легко дышалось и не скучно жилось. Для одних из нас Горы остаются только воспоминанием, для других — неизменной составляющей, стимулирующей жизненный тонус. Юрий Иосифович Визбор, немало походивший с ледорубом и рюкзаком, был уверен, что они еще и создают особую возможность **"вечного свидания с теми, кто ушел и кто придет..."**. Он не был дилетантом, поэтому я ему доверяю и надеюсь, пережив очередную зиму, вновь отправиться на "Эрцог" и, дойдя, **"захмелеть"** на его вершине.

Татьяна РАССАНОВА

ДОРОГА В АД ИЛИ ЖИЗНЬ

Даже сейчас, на кладбище, стоя возле могилы Ксении, не хотелось верить в ее смерть.

Холодный осенний ветер пронизывал до костей. Никита подошел, обнял за плечи.

— Вера, пошли. Уже поздно. Пора, — сказал он, уводя меня с кладбища.

— Как это произошло? — спросила я.

— Несчастный случай, передозировка снотворного, — ответил Никита.

— Она всегда была осторожна со всякими препаратами, — возразила я, лишь бы только что-то сказать.

Никита закурил. Ехали молча и только когда подъехали к дому, он произнес:

— Я в полиции не говорил, но за пару часов до смерти она мне позвонила и приехала.

— Зачем? — спросила я.

— Она привезла сумку и просила передать тебе, когда приедешь. Просила ее не раскрывать и никому о визите не рассказывать. Оставила сумку и тут же ушла. Она была дерганная вся, как на шарнирах, — рассказывал Никита.

— Где сумка? — спросила я, выходя из машины.

Никита вышел из машины, открыл багажник, достал большую спортивную сумку и протянул мне.

— Ты смотрел, что в ней? — спросила я.

— Нет. Я же дал слово, — произнес Никита.

Дома я раскрыла сумку. В ней не было ничего необычного: пара любимых париков, костюмы и небольшой синий запечатанный конверт. Я осторожно вскрыла его.

Никита проснулся от пронзительного звонка. Посмотрел на часы. Будильник показывал шесть часов утра.

Несмотря взял трубку.

— Алло, — сонным голосом спросил он.

— Извини, что разбудила. Это Вера. Скажи, а ее Игорь на похоронах был? — спросила я.

— Нет, не был. Видимо опять творческий кризис, ушел в запой, — ответил Никита и положил трубку.

На часах было одиннадцать. Зазвонил телефон.

Мужчина, лет сорока пяти, с недельной щетиной на лице, не открывая глаз, нащупал рукою трубку.

— Алло, — прохрипел он в трубку.

— Здравствуй, Игорь! Извини, что разбудила. Я хотела узнать, как ты поживаешь? — раздался на другом конце ласковый женский голос.

Мужчина в ужасе подпрыгнул.

— Алло, кто это? Ксения! — закричал он в трубку. — что за шутки? — и, бросив трубку на рычаг, начал неумело креститься.

Игорь сходил в церковь. Рассказал все на исповеди батюшке. Тот предложил молиться за покойницу и меньше пить.

Наверное, просто кто-то ошибся номером?

Но звонки не прекращались, и каждое утро он слышал голос умершей Ксении. Она всегда говорила по утрам одну фразу: «Солнышко мое, вставай!».

Игорь поставил автоответчик, но и это не могло спасти его от голоса умершей подруги. Она желала ему спокойной ночи, спрашивал как у него дела, говорила, что очень скучает по нему. А иногда по ночам читала ему стихи.

Игорь стал как можно реже бывать дома. Но тут началась самая настоящая чертовщина. Он стал ее видеть. Знал точно — это были не глюки и не белая горячка. Ксения с кем-то разговаривала, даже махала ему рукой, а стоило ему попытаться приблизиться, мгновенно исчезала. Подходя к окну, он видел ее стоящей на противоположной стороне улицы. Он иногда целыми днями не прослушивал автоответчик, так как точно знал, что только ее голос будет на пленке. Ужас вкрался в его душу. Он мог сейчас только пить. Затуманенный мозг лучше работал. Игорь не мог понять, за что на него свалилось такое несчастье? Он любил Ксению и, как ему казалось, отдавал ей почти всего себя. Конечно, исключая полное подчинение ей. Ему нужна была свобода. Он не хотел связывать себя узами брака и считал, что это просто бабская дурь, желание выйти замуж. И, чтобы лишний раз подчеркнуть ей свою независимость, последнее время стал чаще включать автоответчик, порой специально, не отвечая на ее звонки. Она терпела и ни в чем его не упрекала. Только какая-то грусть появилась в ее глазах.

В привидения он не верил раньше, а теперь Игорь не знал, как защитить себя от него. В день рождения ему посыльный принес подарок от нее и букет роз. Звонки продолжались. Один раз на одной вечеринке он практически догнал ее, но она буквально растворилась на глазах. Игорь дошел до той стадии отчаяния, когда не веришь никому. Психиатр навязывал таблетки, священник молитвы, и никто не говорил, что делать. Друзья с сочувствием пожимали плечами. Игорь уже пил все время. И время для него как будто остановилось. Лишь голос Ксении выводил из оцепенения и докладывал ему, какое сейчас время суток, желая ему доброго утра, спокойной ночи и сладких сновидений.

И вдруг, однажды Игорь проснулся с ясной головой. Он точно знал, что надо делать.

Неспеша побрился, принял ванну. Оделся. Посмотрел в зеркало, увидел высохшего старика, седые пряди покрывали его некогда черные волосы. В глубине глаз еще где-то теплилась жизнь.

Раздался телефонный звонок, он снял трубку.

— Игорь, я люблю тебя и очень жду, — произнесла Ксения.

— Я скоро, — ответил Игорь, положив трубку.

Он достал веревку, неспеша сделал петлю. Снял люстру. Проверил, привязав веревку, не подведет ли в ответственный момент. Подошел к окну. На противоположной стороне улицы стояла Ксения. Увидев его, помахала рукой. Игорь махнул ей в ответ. Пора было кончать этот ад. Встал на стул. Петля, как галстук, обвила его шею. Одно мгновение и он, оттолкнувшись от опоры, взлетел.

Вечер. На лавочке спит мужчина. На шее его виднеется багровая полоса. Прохожие не обращают на него внимания.

К нему подходит молодая красивая женщина. Русые вьющиеся волосы собраны у нее в большой хвост на макушке. Она бесцеремонно встряхивает спящего. Тот с трудом открывает глаза. В горле у него пересохло. Женщина протягивает ему открытую бутылку с пивом. Мужчина жадно пьет. Женщина садится рядом.

— Полегчало? — спрашивает она.

— Да, Ксюша. Как ты здесь? Господи, это был всего лишь сон? Какое счастье! — произносит Игорь и целует Ксению.

— Пошли, нас ждут, — говорит она.

— Куда? — спрашивает мужчина.

— Дорогой, жизнь кончилась, пора и будущем подумать, — произносит женщина.

Игорь непонимающе смотрит на нее.

— Ты умер, я умерла. У нас с тобой теперь новая жизнь. Понимаешь? — объясняет она.

— Но это же город?! — восклицает он.

— Конечно. А ты, что думал? Ад похож на то, что нам рассказывали: котлы, сковороды и тому подобное... — ответила Ксения и продолжила, — Раз мы покончили с собой, наше место в аду.

Игорь схватился за голову.

— Почему так случилось именно с нами? — прошептал он.

— С тобой, дорогой. Ведь во всем виноват ты, ответила Ксения.

Мужчина удивленно посмотрел на нее.

— Я любила тебя, но ты думал только о себе. Тогда я подумала о нас обоих, сказала женщина.

— Что ты сделала? — спросил Игорь.

— Я умерла. Мне надоело это жалкое существование. А так как я — самоубийца, автоматически попадала в ад. Забрать тебя не было никакой возможности. Я придумала неплохой, как мне кажется, план. Я в последнем письме Вере, если ты помнишь, нас всегда путали, так мы с нею были похожи, отдала кое-какие распоряжения, свою одежду, парики. В нужный момент она появлялась перед тобою в моем парике и платье, а потом так же исчезала.

— А твои звонки? — удивился Игорь.

— Пленка. Все было заранее записано. Твоя любовь к автоответчику только сыграла мне на руку. Расшатанные нервы не могли долго тебя держать. И вот, мы вместе! Жить с тобой будем здесь до конца.

— До конца чего? — спросил Игорь.

— До конца мира, дорогой. То есть — вечно.

— Ведьма! — застонал мужчина.

— Нет! Просто я влюбленная женщина. Если ты помнишь, по профессии я драматург, то есть, должна думать на три хода вперед, — ответила Ксения.

С этими словами Ксения, взяв Игоря за ворот рубашки, подняла его со скамьи и повела по аллее, в конце которой что-то темное и неизвестное ждало их обоих.

Игорь КЕЦЕЛЬМАН

Я ЛЮБЛЮ ТАМОЖНЮ

— «Я люблю таможенню!» — сказал я. «Конечно, конечно, — рассмеялись девушки. — Знаем, как вы нас любите».

Душный летний вечер. Комната таможни. Сажу и жду, пока починят компьютер, через который таможенники должны прогнать мои документы. А он все не чинится. Девчонки-таможенницы сначала молчали, а потом начали болтать со мной, скучно же так сидеть, хоть я и чужой. «Хотите загадку вам загадаю? — предложил я. «Загадайте». — «Представьте себе, что вас послали...» «Таможеннику, конечно, это очень трудно представить», — перебила меня рыженькая таможенница. А другая, белобрысая, подхватила: «Девочки, нас «послали»!» Я начал оправдываться, тогда-то и прозвучало мое: «Я люблю таможенню!» Девчонки рассмеялись: «Знаем, знаем...» Они смеялись, а я вспоминал... про таможенню.

Аэропорт, пассажирский зал, регистрация на посадку, а таможення не пропускает животных, маленьких обезьянок, которых мы подарили шведам. Не хватает документов. Вместе с директором уговариваем таможенников: «Пропустите...» Ни в какую. Идем к начальнику. Объ-

ясняем, что это подарок, животные устали в дороге, а теперь обратно везти? «Ладно, — машет рукой начальник. — Всякое дерьмо пропускаем, а животных неужели будем мучить? Проходите!» Мы облегченно вздохнули. Это таможня.

Для контраста. Из рассказа знакомого: «Встречали бельгийца, а у него с собой птицы — подарок нам. Таможенник не пропускает. Тоже документов не хватает. Мы стали просить: «Ну, пожалуйста, животные-то чем виноваты?» «Так, — говорит таможенник, — вон стоит контейнер. Видите?» — «Видим». — «Туда — два блока сигарет и бутылку вина». Ну, мы все сделали. И прошли. А когда выходили из аэропорта, бельгиец смотрит на меня и говорит: «Ты знаешь, я впервые столкнулся с фактом открытой коррупции». И это таможня.

Но — таможня пассажирская. Здесь все быстро. А на грузовой таможне — долго. Несколько суток в очереди, чтобы получить свой груз. На ногах. Присесть негде. Ни стульев, ни скамеек.

Всякое бывает в таких очередях — и глотание валидола, и истерики с топтанием собственных документов (простоял 8 часов, а тебя послали переделывать все бумаги заново — в третий раз), но в основном люди стоят терпеливо. День за днем. 14 мая моим соседом в очереди был мужчина, который начал получать свой груз 28 апреля.

Обычно же я в очереди не стою. С криком: «Гробы и животные без очереди!» — пробиваюсь через толпу прямо к таможенникам. Люди пугливо расступаются...

В общем-то, совесть моя чиста — скоропортящиеся грузы действительно оформляются без очереди. А я получаю животных. Ну, а про «гробы» добавляю для эмоционального воздействия. Действует.

А раньше было легко. Совсем легко. Все документы — письмо на таможню. Таможенник шлепает на него печать — и ты свободен. И народу было мало, право на внешнеэкономическую деятельность имели считанные организации. Лишь иногда встречались очереди из вьетнамцев. Тихие, молчаливые — мне ничего не стоило пролезть впереди них. Сложнее было с неграми. (Очереди из них образовывались летом из студентов, отправлявших домой свои вещи.) Они ни за что не хотели пропускать меня вперед! Особенно возмущался высокий, здоровенный негр, стоявший как раз у меня на пути. «У меня животные», — сказал я. И, чтобы ему было понятнее, повторил на

английском: «Animal! Animal!» «Сам ты животное!» — закричал негр, брызгая слюной...

Поставив на письмо печать, я шел на склад, в таможню досмотра. «Что у вас в коробке?» — спрашивал таможенник. «Змеи. Кобры с гюрзами, — отвечал я. — Хотите досмотреть?» — и протягивал ему коробку со змеями. «Уйди от меня!» — шарахался таможенник. И я спокойно шел дальше.

Легко было раньше... А потом стало трудно. Когда ввели свободу торговли, внешнеэкономической деятельности. Откуда-то сразу напозло столько народу! С очередями на несколько дней. Катастрофически выросло число документов: грузовая таможенная декларация (в ней нужно заполнить пятьдесят пунктов!), декларация таможенной стоимости, паспорт сделки, инвойс, контракт, лицензия, сертификаты и т.д. и т.п. — все это нужно было представлять в таможню.

Я по-прежнему шел без очереди («Гробы и животные...») и на первых порах обходился одним письмом. Уверенно подходил к таможенному инспектору и с начальнической интонацией говорил: «Здравствуйте! Я получаю животных. Ценнейшие виды! Вот письмо. От всех остальных документов мы освобождены. Распоряжение Лютова!» (Лютов — один из руководителей таможенного комитета.) И это срабатывало. «Что от меня требуется? — спрашивал ошеломленный таможенник. Я протягивал письмо, он послушно ставил печать, и можно было получать животных. И никаких деклараций!

Так все и продолжалось, пока я не нарвался... На старшего инспектора. «Хватит обманывать таможню! Делайте таможенную декларацию как положено!» Он был неумолим. Не помог и последний козырь: «Мы же государственная организация. Научный обмен животными! Нет коммерческой выгоды!» Короче — мы не буржуи. Мы — свои. На других таможенников это действовало безотказно. Сначала: «Вы для меня все одинаковы». А потом: «Ладно. В последний раз!» И меня пропускали. Сейчас это не прошло. Пришлось делать декларацию. Бросился к декларантам (те, кто составляет грузовую таможенную декларацию. Самому — невозможно.) Перед декларантами тоже очереди. Долгие-долгие. А у меня обезьяны в продуваемом насквозь автобусе. Зимой. Из-за несговорчивого таможенника уже второй час. Терять мне

нечего. С криком: «Животные погибают!» — лезу вперед. Люди раступились...

Получив декларацию, старший инспектор еще долго меня стыдил: «Бедная таможня! Все на ней наживаются. Декларации не подают. (Неподача декларации автоматически означала неуплату таможенной пошлины. Но для животных такая пошлина была чисто символической. Погоды не делала.) Сидят неумехи, которые вас пропускают. Им на все наплевать. А мне не наплевать! — горячился таможенник. — Вот наведем в таможне порядок. Тогда у нас и заработки поднимутся».

Зарботки в таможне не поднялись. Через несколько месяцев старший инспектор ушел работать в частное предприятие.

Остались те, кого зарботки устраивали — девочки-таможенницы. Они в основном занимались документацией. Мужчины же преобладали на досмотре грузов. «Оружие, наркотики? Золото, бриллианты?» — Вовсе нет. Никакой романтики. Главная обязанность таможенника на досмотре — контроль торговых фирм, чтобы они не ввезли товаров больше, чем указано в документах. От этого зависит размер пошлины. Мужчины-таможенники на досмотре долго не задерживались, уходили на другую, более денежную работу или шли на повышение, делали карьеру. Возможности для роста на таможне есть.

В таможне, как и везде, существуют интриги, аппаратные игры. Придают жизни видимость смысла. «Смотри, ОН уже не считает тебя в своей команде», — предупреждает один начальник другого. Среди руководства таможни велика смертность от сердечно-сосудистых заболеваний. Работа такая. Многим, кто умер, и пятидесяти не было. Вот и возможности для роста...

Мужчины увольнялись или шли на повышение. А девочки оставались. Для мужчин главное — заработок или карьера. Для женщин — семья. («Девушка, как вас зовут?» — спрашиваю хорошенькую таможенницу. «Я замужем», — следует ответ.) Удобный график работы: два дня работаешь, два — отдыхаешь. Можно заняться домом, детьми. А их зарплата — это лишь дополнение в семейный бюджет. Зарабатывать должен муж.

Таможенницы год за годом сидят на одном месте и проверяют документы на груз: ГТД, ДТС, ПС, инвойсы, контракты, лицензии, сертификаты. За день — десятки людей. Скучная, однообразная работа. И вдруг: «Ой, что это у вас?» — «Совы». — «Совушка», — повторяет девушка ласково. «А они живые? А зачем вы их получаете? — следуют вопросы один за другим. — А можно посмотреть?» Девушки срываются со своих мест и идут на склад — смотреть «совушек».

Конечно же, таможенницы быстренько оформляют мои документы. «Чтобы животные не ждали. Они же живые», — говорят девушки. К животным на таможне относятся по-человечески.

Вот и сейчас, когда я сижу и болтаю с таможенницами. Прорвался к ним в комнату без очереди, а компьютер выключился. Загадываю девушкам загадки и убеждаю, что очень хорошо отношусь к таможне. Наконец компьютер починили. На экране появилась моя декларация. «Ой, у вас журавли», — говорят таможенницы. «Да, журавли», — подтверждаю я. «А вы нам их покажите?» «Конечно, покажу. Вы мне печать вот здесь поставьте — и покажу». И девушки ставят печать на мою декларацию. Можно получать животных. Я люблю таможню!

Ирина КУКЛИНОВА

САКРАЛЬНЫЙ ТАНЕЦ ЛЮБВИ

Сочи — Москва 2026

Предисловие

То, что вы прочтете дальше, многих, наверное, заставит покрутить у виска пальцами. Но не обольщайтесь, не стоит воспринимать рассказ, как простую сказку или только вымысел.

Люди говорят, что неизведанное — это что — то страшное и непознанное, что — это лишь отсутствие информации или даже глупость и безумие автора. Но, как быть, если информация страшнее самого страха, опаснее неизведанного и круче вымысла? Как быть, если интуиция «зашкаливает», а глаз видит запретное?

Этот рассказ родился в очередную бессонную ночь. Я лишь записала то, что мне передали, что видела, где была и то, что шептали мне исполины веков в стране Гиперборее. В северной стране, в райском краю, где по тысячу лет жил счастливый народ, в гармонии с собой без болезней и войн.

Страна эта была солнечной, с благодатным климатом, без вредного ветра и катаклизмов. Домами для жителей являлись рощи и леса. Культ Богов в Гиперборее справлялся всем обществом; там неизвестны были раздоры, обиды и ссоры. Смерть приходила к людям только от пресыщения жизнью. Люди в стране были дружелюбны и красивы. Огромные исполины, голубоглазые с пшеничными волосами они производили впечатление совершенных людей. В совершенстве владели тайными, мощными, уникальными знаниями обо всем: о нас и нашей жизни, а главное: о каждом из нас. Они тщательно хранили эту информацию в солнечном храме своего высшего «Я».

Знаете, самые странные вещи происходят не в темных зарослях и не в заброшенных домах, а в тишине собственной квартиры. Там, где каждый предмет знаком до боли, но в какой-то момент начинает казаться... странным и чужим. Рассказ о том, что случается, когда разница между «здесь» и «там» становится тоньше человеческого волоса и мягче человеческого голоса.

Верить или нет, думать на эту тему или нет — решать вам, но, опыт нам говорит: закрывая дверь, убедись, что и окно заперто на все замочки ...

Погрузитесь в этот мир, заземлитесь и доверьтесь мне, но помните: мистика иногда оказывается ближе, чем нам кажется.

Уже в который раз время 03. 33 толкает меня проснуться с «тяжелым», практически «разбитым сердцем». Измученный мною ум продолжает обдумывать — что же это только что во сне было? Я уже сомневаюсь, был ли это сон или это моя жизнь, моя прошлая жизнь дает о себе знать. Кто же я?

Спустив ноги с кровати, я присела. Пришлось сбросить с себя сорочку, в надежде, что тело остынет и восстановится учащенное дыхание, но не тут то было. Через балкон моей спальни, как всегда, я вижу высотки офисных зданий и немигающие глазницы в их постоянно освещенных окнах. Белорусская, «белая» площадь в Москве живет своей жизнью.

Погода медленно портится, тряся наличниками окон на балконе, громко завывая и плача, призывая обратить на неё особое внимание.

Еще темно и странные незнакомые мне тени плывут по комнате. Настенные часы медленно тикают, давая понять, что важнее всего на свете их — тик — так, тик — так.

— Мы здесь, ты здесь и значит все с тобой реально. Не бойся, детка, мы с тобой, — тик — такают часы.

Голова в изнеможении опять падает на подушку и ловит сигналы нереальной частоты, красоты и мистики.

Мое сердце, сердце, расколотое пополам, ярко красного цвета расширяется, как канал, проделанный огромным, хрустальным сверлом, и, осыпаясь золотистым дождем, зазывно приглашает меня пройти вовнутрь. Вход становится все больше и больше, все шире и шире. Я проникаю вовнутрь и вижу огромное пространство сказочной красоты.

Здесь яркое солнце освещает величественные горы и храмы, реки и озера неизвестной страны. Вдалеке виднеются колоссальные каменные сооружения и пирамиды. Я медленно, с опаской, продвигаюсь вперед. На пути встречаются фруктовые сады и хвойные деревья, приятные запахи восхищают и дурманят сознание. Свет бьет в глаза и заставляет сравнивать его с тьмой, которую я только что покинула за пределами входа в сердце.

— Тики — тук, — услышала я шепот на ухо и тут же что — то влажное скользнуло от моей шеи и остановилось на щеке сладким и влажным поцелуем.

Я вздрогнула, остановилась и развернулась всем своим телом назад. За спиной у меня стоял огромного роста мужчина, улыбаясь во весь рот.

— Ты, кто? — вскричали мы оба и тут же отпрыгнули по сторонам, испугавшись, реакции друг друга.

— Я — Абарис, а ты, моя малышка, кто ты? Ты что такая маленькая? Забавно, ведь ты легко уместилась у меня на руках.

— А меня зовут Лоухи.

Не знаю, откуда я вдруг взяла это имя, но оно шло прямо из моего сердца.

— О, ты Лоухи? Богиня, управительница гиперборейцами. Восхитительно. Раз так, приказывай, я рад служить тебе.

— Ты уверен, что я богиня?

— Конечно, я уверен, ведь Лоухи может быть только одна.

— Тогда слушай. Я пришла сюда, чтобы узнать, кто я, кем была в других воплощениях, какие контракты души я подписала в прошлом и как мне жить дальше. Ты мне pomoжешь? Я знаю, что твой народ обладает уникальными знаниями о каждом человеке во вселенной во всех воплощениях.

— Да, у нас есть сакральный храм уникальных знаний. Он тщательно охраняется, и к нему допускаются только чистые душой люди, обладающие способностью любить. Но к хранителям этих тайн тебя может проводить только женщина. Пойдем, я тебя познакомлю со своей сестрой. Поговори с ней, возможно, она тебе поможет.

Мы тут же двинулись в путь. Дорога была долгой, но очень красивой и запоминающейся. Солнце светило ярко, освещая все вокруг. Пение птиц, звучало, как мантра. Абарис нес меня на руках. Каждый его шаг был равен моим десяти. Он шел быстро и вскоре мы попали в зеленую экзотическую рощу и сразу наткнулись на роскошный, деревянный, двухэтажный дом ручной работы. На пороге стояла высокая, невероятной красоты девушка. Длинноволосая блондинка, она изящно наклонилась надо мной, и стала трогать мои рыжеватые волосы и медовые глаза, она гладила мою кожу и рассматривала маникюр, удивляясь и восхищаясь тем, что я на неё совсем не похожа. Маникюр на моих руках и на ногах её просто потряс, и она своими пальчиками пыталась стереть цветной лак с моих ногтей, сильно надавливая на них.

— Ой, вскрикнула я. Мне больно.

Абарис ей что — то сказал на ухо, и девушка отошла от меня. Он поприветствовал её так же, как и меня, лизнув от шеи к щеке и нежно поцеловал.

— Её зовут Ильга. Это моя сестра. Расскажи ей все, что тебе надо. Ильга ответит тебя к хранителям тайных знаний. Они ей не откажут и выслушают тебя.

— Солнце мое, Ильгушка, помоги этой маленькой богине. Её зовут Лоухи.

— Абарис, конечно, я все сделаю, но сейчас все за стол. Гостя тоже видимо голодная. Я вас покормлю, у меня все готово.

Мы вошли в дом. На огромном столе стояли дары природы: ягоды, фрукты, рыба, дичь, размоченная пшеница, завернутая в пше-

ничную солому, чтобы не теряла влагу и всегда была готова к употреблению. Посуда была вырезана из дерева и похожа на произведения искусства.

— Абарис, посади малышку за стол. Покушает, и мы с ней пойдем к священной реке знаний. Только тебе придется идти с нами, ведь это очень далеко и поэтому её лучше тебе донести до реки.

— Хорошо, я помогу, а то у неё ногти на руках и ногах какие — то кроваво — красные, видимо жизнь её — не очень — то легкая.

Мы приступили к трапезе. Еда была очень вкусная. Я ела какие то, незнакомые мне, красные ягоды: сочные и вкусные, рыбу и зерна пшеницы.

Абарис не ел вообще. Он восхищенно смотрел на нас обеих и, сложив руки лодочкой, молился своим богам.

Я пристально смотрела на него. Это был высокий, статный и светловолосый человек. Настоящий гигант, потомок титанов.

— Ильга, почему Абарис не ест? — спросила я девушку

— Это совсем не обязательно. Ведь Абарис — жрец. Он обладает магической способностью вообще не употреблять пищу. После того, как Аполлон подарил ему волшебную стрелу, Абарис стал настоящим магом. Он может все! Тебе повезло Лоухи, ты встретила на своем пути самого известного и могущественного гиперборейца. Если ты сыта, давай собираться в путь. Я переоденусь, и сразу же отправимся к хранителям тайных знаний.

Через час Абарис взял меня на руки, и мы вдвоем двинулись в путь. Я бесстрашно продвигалась навстречу тайным знаниям о себе, о своем прошлом и о своем будущем.

— Ой, какие красивые лебеди — вскрикнула я, увидев в небе птиц.

— Да, очень красивые — ответил Абарис.

— А это значит, что мы уже недалеко от реки. Малышка Лоухи, я должен покинуть вас с Ильгой. Дальше вы идете одни. Мы уже совсем рядом. Я надеюсь, что вскоре еще с тобой встретимся, моя маленькая. Будь осторожна.

Мы подошли к реке. На первый взгляд экзотическая река Гипербореи напоминала священный поток чистой воды, но её капелька, случайно попавшая на руку, показалась мне горькой, как полынь.

— Стой здесь — попросила меня Ильга

— Ни шагу дальше не делай, пока я не договорюсь о тебе с хранителями тайных знаний.

Я отошла на несколько шагов от берега, а Ильга приблизилась к реке вплотную, и стала издавать звуки такие же, с которыми меня встретил Абарис.

— Тики — тук, тук, тики — тук, таки, тики — тук

Как из — под земли перед ней выросли два исполина в металлических доспехах. Вернее, это даже доспехами назвать было сложно, ведь доспехи прикрывают тело, а здесь было такое впечатление, что тела нет, а есть только металл, который прикрывает их металлические образы. Исполины были покрыты матовой сталью, металлические заклепки и цепи свисали с их фигур до земли. Они стояли, как две горы, отражали свет и создавали волны на реке.

— Говори — сказали они Ильге. Я — Вамматар, а вот он — Эйбон — колдун.

— Я привела Лоухи — богиню гиперборейцев и прошу вас показать ей истину её рождения и тайну её предыдущего воплощения.

— Подведи её ближе. Мы проверим. Есть ли в ней та вибрация, которая позволит ей перевоплотиться и получить сакральные знания Гипербореи.

— Малышка Лоухи, подойди сюда. Позвала меня Ильга.

Я впервые вздрогнула от испуга и остановилась, но тут же поняла, что дороги назад уже нет. Передо мной стояли Вамматар и Эйбон. Они держали руки над моей головой. Эйбон вдруг вскрикнул и сделал шаг в сторону.

— Вот это да! Ты кто, малышка? Твой огонь так силен, что жжет даже металл. Я понял, ты не просто богиня, ты еще и — Жрица, Верховная Жрица. Мы тебя не отпустим одну и сами доведем по реке до храма сакральных знаний. Это на другой стороне затона, но будь осторожна. Как войдешь в тоннель, сделанный в изгибе за поворотом реки, мы тебе уже помочь не сможем. А куда ты попадешь потом, в какую реальность, мы не знаем, но вернем тебя сюда, в Гиперборею, живой или мертвой ровно через сутки, в 03.33

Эйбон взял меня на руки, и мы вдвоем: я, Ваммарис и Эйбон двинулись по реке к подземному тоннелю для того, чтобы я перешла на другую сторону реальности. Там меня оставили хранители, и я одна предстала перед порталом вечности.

— Прыгай в тоннель — крикнул Ваммарис.

Испугавшись крика, я, не оборачиваясь, сиганула в огромную крутящуюся воронку.

1280 год. Смрад и хаос, крики, стоны и скрип колес: все смешалось в едином душераздирающем людском страдании. Ни земли, ни неба не видно. Ни один лучик солнца не пробивается сквозь дым, огонь, пыль и грязь. Стонут люди, ржут истошно кони, скрипят телеги и крытые повозки. В богатой кибитке для перевозки юрт, имущества и женщин нахожусь я, одетая в практичный кожаный доспех поверх кафтана и удобную для верховой езды одежду, вооруженная луком и огромной плетью — камчой. Мои волосы крепко заплетены в косу и уложены на затылке.

— Гуюк, окликнула я мужчину — воина, выглянув из кибитки.

— Слушаю тебя Хутулун

— Подковали ли моего коня? Я жду.

— Сейчас приведут. Ты, может быть, пока примешь для разговора хана Батый? Он привез весть о твоём бывшем муже.

— Зови его, Гуюк.

Дверь кибитки скрипнула и вовнутрь, нагнувшись всем телом, вошел хан Батый, мой верный друг по оружию. Он был ранен и слегка покачивался, рассказывая мне о событиях на поле битвы.

— Хутулун, моя дорогая, я должен тебя предупредить что сегодня, вечером на совете полководцев будут судить твоего бывшего мужа, Ажайя.

— Судить? За что? Что он сделал?

— Твой отец Кайду считает, что он предал нас. Вообще он уверен, что если Ажайя был уличен в неверности тебе, то может предать и нашу великую страну, нашу Орду.

— А в чем конкретно его обвиняют?

— Он накормил пленных. Двух мужчин и одну молодую женщину, которых мы вчера пленили в русском княжестве. Они умирали от голода, холода и ран.

— Ажайя не только твой бывший муж, он — мой лучший друг. Я прошу тебя вмешаться и помочь ему. Я знаю, что ты все — так любишь его. Помогни, иначе его сегодня же казнят.

— Но что я могу сделать, как ты думаешь?

— Поговори со своим отцом. Ты же праправнучка Чингисхана, к тебе совет полководцев прислушается. Они просто побоятся идти против твоего мнения, но тебе надо сделать так, чтобы и отец был на твоей стороне. Все знают, что такой сильной и храброй богатырши, как ты, во всем королевстве твоего отца Кайду нет ни мужчины, ни женщины. Нет никого, кто мог бы превзойти тебя в подвигах силы.

— Я тебя услышала хан Батый. А, теперь уходи, я подумаю.

Я любила Ажайя и что — то изменить в своих чувствах к нему не могла, как не пыталась. В голове родилась мысль, как произвести впечатление на отца и совет полководцев, чтобы спасти Ажайя.

Я продумывала ситуацию, когда, наконец-то, Гуюк привел моего коня. Радостный, подкованный конь улыбался мне, строил глазки, тряс своей гривой, готов был опять совершать подвиги и защищать меня в бою.

Пришпорив его, я полетела в стан врага. Ловко, как ястреб, приблизилась к своей добыче, командиру лагеря, князю Владимиру и выпустила стрелу с костяным наконечником, которая пронзила плечо князя. На скаку подхватила за доспехи его окровавленное тело в седло и умчалась. Я скакала к своему отцу, торопилась, чтобы помочь своему любимому. Совет уже находился в юрте. Бесцеремонно бросив врага к ногам Кайду, я заслужила восхищение полководцев и одобрительный взгляд отца. Я так делала много раз. Это был беспроегрешный вариант заслужить похвалу и внимание отца.

— Присаживайся с нами Хутулун, участвуй в совете. Твое мнение очень важно для нас, сказал Кайду. Ты мой лучший воин и можешь быть здесь.

Я огляделась. В углу юрты, находясь под охраной, лежал навзничь Ажайя. Его руки были связаны за спиной. Он был ранен. Кто-то нанес ему удар ножом в спину. Да, предать Ажайя был каждый рад, ведь многие воины завидовали его смелости, храбрости и тому, что он официально был моим мужем. Породниться с Кайду все хотели.

— Докладывайте о предательстве Ажайя, сказал отец.

Один из полководцев стал рассказывать о том, что Ажайя пожалел пленных, накормил и перевязал их раны.

— За это его надо лишить жизни, — закончил свою речь, предательски улыбувшись, один из правителей Орды, полководец, который имел на меня виды и пытался ухаживать за мной.

Все уже готовы были проголосовать, но в этот момент вмешалась я.

— Лишить жизни Ажайя мы всегда сможем, но я хочу разобраться — так ли его поступок опасен. Отдайте мне Ажайя. Я разберусь.

Отец внимательно посмотрел в мою сторону, но не высказался против меня и совет принял положительное решение.

Ночью Ажайя привели ко мне в юрту. Я его ждала. До выхода из портала оставалось немного времени. Ночь была глубокой и темной, она уже заканчивалась. Моё сердце разрывалось от боли за Ажайя. Я понимала, что как только меня не станет в этой реальности, его постараются убрать. Он обречен.

Надо торопиться, ведь тайна моего предыдущего воплощения пока полностью не раскрыта. В 03.33 хранители сакральных знаний меня возвратят в Гиперборею.

Ажайя стоял у выхода в юрту. Я кинулась к мужу и обняла его. Он вздохнул очень глубоко. Мне показалось, что как будто его пронзила невыносимая душевная боль.

— Я был уверен, что потерял тебя навсегда, — сказал он.

— Мне сказали, что ты погибла в бою

Знал бы он, что так оно и было. Хутулун уже не было. Ведь я — из будущего. Моя боль в реальности заставила искать её причины и поэтому я здесь. Теперь — то я точно знаю, что мы с Ажайя — близкие люди, мы — семья, и что, еще совсем недавно, доставили друг другу много боли. Сможем ли мы это просто забыть и простить друг друга? Как вылечить душевные раны? Сможем ли мы это сделать или так и останемся любимыми врагами друг для друга?

— Хутулун, ты сможешь простить меня?

— Ажайя, очень жаль, что так все получилось, и что ничего не исправить. Вместе мы не сможем быть. Береги себя. Надеюсь, что я смогла сегодня тебе помочь. Подойди ко мне.

Мы присели на циновку. Я гладила Ажайя по голове, целовала его шею. Слезы застилали мое лицо. Я понимала, что в этой жизни мы никогда больше не увидим друг друга. Я вспоминала свою жизнь. Отец воспитывал меня очень жестко, по — мальчишески, без нежностей и ласк. Проявлять их было для меня необычно. Мать моя была замучена давно. Я её не помню. Почему её нет с нами, всегда было тайной. Думаю, отец тоже приложил к её гибели руку. Только сейчас я по-

няла, что Ажайя единственный человек, который меня действительно любил по — настоящему. Но сейчас уже изменить ничего нельзя. Я чувствовала, как обнялись наши души... и они тоже попрощались.

В следующее мгновение какая — то неведомая сила меня встряхнула и я очутилась у ног Ваммариса и Эйбона.

— Малышка, Лоухи ты жива, — вскрикнули оба железных великана. Мы очень рады! Сейчас прибудет сюда Ильга и вы двинетесь в обратный путь. Но сейчас получи от нас дары.

— С этого момента, — сказал Ваммарис, и навсегда ты наделяешься способностью влиять на умы и способности людей. Прими, во благо.

— И еще, с этого момента и навсегда ты наделяешься способностью лечить людей. Прими этот плетеный сундучок с лекарствами. Во благо.

— Благодарю вас, друзья мои. Я не забуду вас никогда.

— Лоухи, я здесь, — услышала я крик Ильги. Ваммарис подхватил меня и легко перенес к берегу.

Мы с Ильгой обнялись, как давние подруги и тут же двинулись в путь.

— Лоухи, Абарис тебя ждет у входа в портал сердца.

Я понимала, что мы расстаемся, и не могла сказать ни слова. Ильга тоже молчала и не спрашивала меня ни о чем.

Вдалеке уже видна была фигура Абариса. Он стоял, как исполин веков, великий избранный богов.

— Лоухи, малышка, я жду вас с Ильгой. Получила ли ты все, что хотела из храма сакральных знаний

— Да, Абарис, я теперь знаю, кто я, какие у меня есть дары и с каким мужчиной в предыдущем воплощении подписала контракт душ. По контракту в этой жизни я должна его спасти, а он должен стать моим мужем без предательства и боли. Высшие силы не успокоятся, пока этого от нас не добьются. Я теперь поняла, что карма существует, потому что каждое действие влечет за собой соответствующие последствия в будущем. И это не мистическое наказание, а естественный принцип, регулирующий причинность.

— Да, Лоухи, долги надо отдавать. От меня тебе подарок — посвящение на роль полноправного воина — аристократа Гипербореи.

Абарис подошел ко мне ближе и на пальчик надел великолепное кольцо — символ Гипербореи.

— Не сомневайся, теперь точно у тебя получится решить все свои кармические задачи. Нам с Ильгой надо уходить, а тебе пора возвращаться в свою реальность. Не забывай нас, малышка.

Я подошла к своей сердечной чакре. Вход в неё стал ещё больше, расширился и звал меня своей золотистой красотой. Я вошла в этот золотой портал и очутилась в своей комнате, где все также тикали часы и показывали 03.33

Послесловие

Наш ум — искусный «и лжец, и жнец, и на дуде игрец». Он всегда будет цепляться за логику событий. Он будет объяснять существование храма сакральных знаний — больным воображением, а существование Гипербореи и кармы — шумом в мозгах. Но иногда все — так логика отступает и оставляет нас лицом к лицу с тем, чему нет названия. Многие события, как мне казалось, в моей жизни не должны были произойти, но произошли. Они навсегда оставили неизгладимый след и заставили меня с этим жить дальше.

Виталий ОМСКИЙ

ОСТОРОЖНО! НОМО MODERNUS!

В прошлые века русские литераторы и публицисты азартно обсуждали, что собой представляет их современник. Разбирали его по косточкам в журналах, дневниках. Наверно, эта анатомия помогала им точнее описывать жизнь и людей. А главное — угадывать будущее, делать предсказания.

Хороший писатель обязан быть диагностом своего времени. Лев Толстой, к примеру, назвал болезнью XIX века тщеславие. Считал его крайне вредным для творческого человека. Вот честолюбие — другое дело. Эта штука полезная. Попробуем же представить, какими граф-мужик нашел бы людей нашего времени, случись чудо и доживи он до наших дней,

Наверно, он отметил бы, что тщеславие измельчало. Срабатывают дьявольские возможности Интернета. Накатал графоман рассказец или то, что походит на рассказ, и сам же опубликовал. Сам же может на себя и хвалебный отзыв накатать. Или попросить другую серость.

Потакают мелкому тщеславию и популярные передачи на ТВ. Человек выиграл на подсказках, а сколько восторгов и удовольствия собой. Хотя это только принижает его, туфтового эрудита. По такому поводу Толстой говорил: чем больше человек доволен собой, тем меньше в нем того, чем можно быть довольным.

Драматург А. Островский описывал свои впечатления от поездки по России: «Каждая мужицкая физиономия значительна, а пошлых я совсем не видел». А что сегодня? Общеизвестный факт — телевидение у нас (как и во всем мире) смотрят далеко не все. Тем, кто объявил бойкот, не нравятся люди на экране: как выглядят, как себя держат и что говорят.

Но это не значит, что противники ТВ стали больше читать книги. Они всего лишь ушли в Интернет, где больше возможностей почерпнуть что-то полезное, но и набраться разных гадостей.

Социализм был чем-то вроде генной инженерии. Хотели вырастить нового, хорошего человека. Сколько усилий, сколько денег вбухали — уму непостижимо! А сегодня новый человек сам по себе выращается, безо всяких затрат и усилий. Только какой? С некоторым шаржем его можно обрисовать так, типаж этот, слава Богу, еще не массовый.

Новый человек (назовём его по латыни *homo modernus*) как бы стесняется слов «здравствуйте», «извините», «спасибо». Либо совсем избегает их, либо что-то буркает себе под нос.

Молодые *homo modernus* не называют на «вы» и по имени-отчеству старших по возрасту. Только по имени и на «ты».

Homo modernus никогда ни в чем не виноват. А когда все же чувствует, что перегнул палку, не может перебороть себя и признать это. Это выше его сил!

Или, скажем, обидел человека несколько лет назад. Но до сих пор не может повиниться. Это тоже выше его сил.

(А ведь раньше были люди, которые искали прощения своим грехам. Вы встречали таких сегодня?)

Homo modernus пофигу, если то, что он делает, кому-то не понравится, кому-то он причиняет неудобства. Для него главное, чтобы удобно было ему.

Homo modernus не уступит ни в чем, даже если ситуация подсказывает, что уступить проще ему; он не может терпеливо подождать, когда кто-то что-то сделает не так быстро, как ему бы хотелось. Он начинает психовать, беситься. Или, как говорят сегодня, истерить.

Критикам телевидения не нравится, как оно воспитывает взрослых и влияет на детей. Например, обсуждает в прямом эфире такие случаи жизни, о которых в иные времена не принято было говорить вслух. «Гостям студии» платят за то, чтобы они, преодолевая стыд, рассказывали о своей низкой жизни. И все это под предлогом, что передача поможет этим людям измениться.

Воспитательный, якобы, характер таких передач — всего лишь изящное прикрытие, чтобы показать телезрителям «жесть», заставить их прильнуть к экрану, поднять и держать на высоте рейтинг, вложения от рекламы, а значит — гонорары.

Хотя как не знать, что воспитывает на самом деле не показ грехов, не копание в подробностях порока. Это только помогает низости укореняться в поведении людей. Они видят, что на этом можно зарабатывать. Воспитывает показ притягательно чистой жизни. Избавление людей от никчемности и нереализованности, развитие у них способности к успешной жизни. Государству нужны прежде всего просто хорошие люди. Они лучше работают и более надежны.

К. Чуковский высказался категорично: «Человек, не испытывавший горячего увлечения литературой, поэзией, музыкой, живописью, не прошедший через эту эмоциональную выучку, навсегда остается душевным уродом, как бы не преуспевал он в науке и технике».

«При первом знакомстве с такими людьми, — писал далее К. Чуковский, — я всегда замечаю страшный изъян — убожество их психики, их «тупосердие». А в своем дневнике он записал, что верит во всемогущество литературы, как другие верят во всемогущество религии.

Можно не соглашаться с Чуковским, но почему не предположить, что человек так и задуман: душа его развивается (возвышается и утончается) только под воздействием какого-либо из искусств.

Хотя признаем, что многие творческие люди страдают идущим от тщеславия высокомерием. Мол, только им дано понимать и чувствовать высокое, и, развлекая, страсть как радовать людей. Они абсолютно уверены, что щедро дарят свое искусство, хотя получают за него

тоже неплохо. Есть у нашего народа слабость восхищаться такими «небожителями», особенно артистами, считать их выше себя. И есть в этом преклонении что-то чрезмерное, что-то вредное и ненужное, отчего не мешало бы избавиться.

Почему же некоторые люди у нас все еще читают книги? Эта тема обсуждается в Инете. Жизнь ничему их не учит, общение с другими людьми однообразное. И вообще все как-то слишком приземленно. Хочется чего-то идеального. Есть в человеке такая тяга. А вдруг это идеальное — в книге?

Книги классиков, где много идеального, сегодня под сомнением. Их время ушло, чему может научить тот же Лев Толстой, каким бы «матерым человечием» он ни был. Люди открывают (в гаджетах) книги современных авторов. Но там в основном фэнтези, непременно какая-нибудь дьявольщина, ну и, конечно, детективы. Про сегодняшний день, про сегодняшнего человека книг крайне мало. А те, что есть, неотличимы от жизни авторов — невыразимо скучны и пусты. И в этом, между прочим, правда жизни. Жизнь этих читателей и этих авторов, действительно, скучна. Но в книгах она еще скучнее, потому что в книгах скучная правда жизни как бы увеличена бедным языком и корявым стилем.

(Сегодня все еще принято воздерживаться от темы СВО в литературе и кино. Но именно это теме и суждено спасти нашу прозу. Так и будет, иного не дано).

Но человека делает еще и кино. А там зачем-то придумываются такие злодеи, каких в реальной жизни не сыскать. В анонсах фильмов создатели и актеры любят поговорить, как они стремились изобразить все по-настоящему. Но зритель потом видит на экране правдивые декорации и очень приблизительную правду переживаний и чувств.

Всюду сегодня, что в кино, что в литературе, что на телевидении стремление сказать что-то хорошее и полезное сводится на нет малограмотностью и плохим языком.

Ведущий Первого канала объявил однажды: «Тысячи человек пишут сегодня всероссийский диктант на знание великого и могучего». Ах, господа! Нельзя говорить «тысячи человек». Это не по-русски. По-русски — «тысячи людей». «Человек» говорится только тогда, когда людей можно посчитать, когда называется конкретная цифра.

А если неопределенное число, то говорится «людей». Так просто. Но это правило почему-то не соблюдается повсюду, не только на Первом канале.

Или известный ведущий политического ток-шоу говорит: «Как сказал классик, легкость в членах необычайная». Так он пытался охарактеризовать чью-то глупость. Но в пьесе «Ревизор» Гоголь написал о Хлестакове: «Легкость в мыслях необыкновенная». Есть разница?

Или ведущая «любимого канала» с пронзительным голосом произносит слово «жёноненавистник», вместо жёноненавистник. Кстати, далеко не единственный ее перл в добавок к уксусу в голосе. Невозможно воспринимать все, что она говорит, так, как должно воспринимать. Рука тянется к пульту — выключить.

Копание в гадостях выставляет нас на посмешище всему миру. Дети, подростки смотрят эту «помойку» (так и называются эти передачи в Интернете) и начинают презирать взрослых и нашу жизнь. Бог знает, сколько уехало в другие страны за последние 30 лет. Но и сегодня (по опросам) готовы уехать навсегда больше 10 процентов взрослого населения.

К тому же у нас миллионы холостых мужчин и женщин детородного возраста. Люди не получились нормальными гражданами. Для них главное — уютное болотце их личной жизни. Они живут только для себя, и когда смотрят на себя в зеркало, говорят себе: какой я классный или — какая я классная.

Как им найти спутника жизни: если нет потребности в детях. Лучше завести котенка или щенка. Не болит у них душа и за свою страну. Поэтому они готовы бросить свою страну и полюбить чужую.

Так что самая серьезная болячка наша — не столько мелкое тщеславие, сколько беспредельный эгоизм.

Но мы этого как бы не видим. Не хватает строгого взгляда на себя. Его, этого взгляда, если хотите, вообще нет. А это, как нехватка какого-то важного витамина в народном организме.

Толстой многого чего углядел из того, что в его время только начиналось. Писал, например, что успех в литературе будет достигаться глупостью и наглостью, то есть потерей эстетического стыда.

До самой кончины не убирал он руки с пульса народной жизни. Записал в записной книжке: «Издавать нравственный журнал». Не успел, не хватило жизни.

В то время грамотные люди жили чтением. Журналы были забиты публицистикой. И все же Толстой считал, что мало пишут о том, чем дышит в России человек и народ в целом.

Он придавал этому вопросу важнейшее значение. Словно почувствовал, что ждет Россию и россиян. Почему бы и нам сегодня не призадуматься всерьез.

УРОКИ ПРИТВОРЯШЕК

«У него глаза слишком хорошие для писателя», — сказал о ком-то Набоков, имея в виду куцый жизненный опыт, нехватку впечатлений и лишенную страстей и сюжетов личную жизнь. жизни.

Молодой писатель, рассмотри выражение своих глаз. А я скажу, что читатель видит в твоих рассказах. Еще ничего не произошло, а ты уже занудно описываешь, будто в протоколе, место действия, либо портрет героя. Нарушаешь простейшее правило Флобера: главным достоинством писателя является знание того, чего писать не нужно. Не нужно, хотя бы в этом месте текста. Захвати читателя тем, что натворил твой герой, или тем, что собирается натворить, а потом уж рисуй его портрет или детали места действия.

Почему подобная, пардон, фигня сплошь и рядом? Не потому ли, что гораздо труднее — сочинить историю и начать ее с первых строк. Ведь история — в основе любого стоящего текста. Ну, так же?! История захватывающая, или хотя бы чем-то любопытная, поучительная. Читатель читает, чтобы стать умнее, опытнее, просто лучше. А интересные истории возникают только у того, кто набрался впечатлений и переживаний, нахлебался страданий, заплатил сполна за ошибки и грехи. Это же букварь: достоинство произведения — есть достоинство сознания автора.

Откуда же этот зуд — браться за такое тончайшее дело, имея за душой по сути пшик, одно только легковесное перо, ведь на это есть правило Хемингуэя: когда легко пишется, то плохо читается.

Ну и уж, к месту, еще одно правило «великого Хэма»: «Даже если ваш отец умирает, и вы с разбитым сердцем стоите у его постели, то и тогда вы должны запоминать каждую мелочь, как бы это ни было больно».

Еще начинают с речевой обрисовки персонажей, с передачи их эмоций и движений души через диалог. Но ведь и этот прием подчиняется только мастеру. Тому же Хемингуэю это удавалось. Его известный персонаж Ник Адамс с партнерами, вроде, заурядно выпивают и разговаривают на протяжении множества страниц. А как живо читается!

Ладно, текст начат не с портрета, не с обстановки, а с того, с чего требуется, но дальше-то что? Дальше запредельная банальность. А как назвать иначе состояние текста, когда автор ничем не удивляет, ничем не держит внимания читателя, а нудно гонит невыразимо скучный, интересный только ему порожняк?

Писать — значит быть в прошлом или настоящем активным участником драмы или даже трагедии жизни и интересно рассказывать интересную историю. Выписывать интересные характеры героев, совершающих интересные поступки и при этом интересно говорящих.

Активным участником драмы жизни можно и не быть, если ты гений, как Толстой или Булгаков. Гений может позволить себе вести жизнь, не похожую на остросюжетное существование, возможно, даже пошлую — с чьей-то пристрастной точки зрения.

В такого рода пошлости Вас. Розанов попрекал Л. Толстого. А М. Булгакова близкие вообще называли притворяшкой, и он сам так над собой насмеялся, считая себя прежде всего актером, а потом уже писателем, владеющим искусством перевоплощения в своих героев. И Л. Толстой был на подобном подозрении у К. Чуковского: «Толстой не изображает людей, он преображается в них». Еще точнее, изображает, преображаясь! В первоклассном актерстве были замечены И Бунин и В. Набоков. А уж как Г. Флобер вселялся бесом в души женщин!

Без актерского таланта делать в писателях нечего. Убедительность текста равнозначна убедительности игры актера на сцене. Тем и объясняют на Западе искусность русских писателей. Мол, эти рашнз по жизни в душе лицедеи. Хотя при чем тут национальность, не очень понятно. Артистизм, как известно, в основе любой творческой профессии.

Пишущий прозу просто обязан быть во многом драматургом, даже если он не пишет пьесы. Если эта искра у него от боженьки или высечена им самим, он будет начинать с действия, и диалог у него будет

нескучный, и удивляющая мысль будет выражена экономно и волнение авторское будет передаваться читателю, будто со сцены, сочетанием тонкости чувств, стиля, некоторой экстравагантности или даже эпатажа, и опять-таки действия, действия, действия.

Если рассказ никак нельзя сделать основой пьесы или сценария — это недоделанный рассказ. В лучшем случае, это этюд, пространный набросок.

Хороший рассказ — это драматургия в прозе, на считанных страницах. Эталон — когда рассказ читается, как пьеса, когда персонаж воспринимается читателем с такой же силой убедительности, как актер на сцене. Но с одной важнейшей оговоркой. Хороший рассказ не может быть написан только разговорным языком, как сегодня многие наловчились писать. Невозможно отменить правило Пушкина: писать единственно разговорным языком, значит, не знать языка. И правило Флобера: истина полностью и абсолютно создается стилем. Что считается истиной? Прежде всего, эстетическое наслаждение, доставляемое автором читателю. А иначе зачем браться за перо.

Мария РОМАНУШКО

«ОТЕЧЕСТВА И ДЫМ НАМ СЛАДОК И ПРИЯТЕН . . .»

Поэт Державин написал эти строки в конце 18 века. А до него это написали и Гомер, и Овидий... И я сегодня — о том же!

Четыре года назад, когда мы с сыном Антоном были в Ярославле, Антон повёл меня на вокзал — встречать Паровоз, который должен был прибыть из Рыбинска.

И я вновь увидела его — прекрасный Паровоз, с огромными красными колесами и Красной звездой во лбу!.. Он прибыл прямиком из моего родного Отечества, в котором я родилась когда-то... Паровоз, как живое, доброе существо, издавал призывные, задорные гудки и окутывал себя и окружающую действительность пышными дымами...

Паровоз из моего Детства...

А я и не знала, что Паровозы ещё трудятся на каких-то дорогах.

«Хотела бы проехать на паровозе, как в детстве?» — спросил меня сын.

«Да! Конечно! Ещё как хотела бы!» — «Значит, организуем это как-нибудь», — сказал сын.

* * *

Прошло четыре года, пока моя мечта о Паровозе сбылась.

Рано утром 17 апреля мы с Антоном отправились в Тверь, которую я нежно люблю, но не была там давно. И очень радовалась встрече с ней. Мы долго гуляли по центру и по набережной Волги. Тверь хранит себя, свою душевную красоту. Ни одного дурацкого небоскрёба замечено не было. Браво, Тверь!

* * *

Дальше на нашем пути был крупный железнодорожный узел — Бологое.

Здесь мы переночевали в уютной квартирке, которую снял Антон. Пока шли к дому, Антон рассказал мне историю города, где живут железнодорожники, и город неутомимо трудится днём и ночью...

Искомый дом стоял на самом берегу прекрасного озера с таким же названием — Бологое.

Озеро пустынное и задумчивое... С задумчивыми деревянными лодками на берегу...

СБЫВШАЯСЯ МЕЧТА

А на следующий день, утром 18 апреля, произошло сбывание моей давней Мечты!

На вокзале нас ждал прекрасный Паровоз, готовый отвезти нас в Прошлое...

На нём было написано, что родился он на заводе в городе Ворошиловграде в 1953 году. О, да мы почти одногодки с этим красавцем! А Ворошиловград — это мой любимый Луганск, в котором я недолго жила в детстве, но полюбила этот город навсегда...

И вот, раздаются задорные призывные гудки, Паровоз начинает глубоко дышать, окутывая себя и нас тёплыми, пышными дымами...

Два зелёных вагона заполняются пассажирами. И... мы неторопливо трогаемся. Наш путь лежит в Осташков. Ехать три часа. Три часа счастья!

По дороге я (в сотысячный раз) рассказываю Антону, как в моём детстве, в Днепропетровске, на родной Философской улице я часто слышала призывные паровозные гудки с вокзала, который был неподалёку... У меня сладко замирало сердце — и хотелось ехать и ехать...

Первая моя поездка была в апреле 1954 года, с бабушкой Дорой, из Днепропетровска в Западную Украину, в город Шумск. Мне ещё не было четырёх лет. Помню всё — как будто было вчера... Мы ехали к моим тёте и дяде, у которых родилась дочка Таня, моя двоюродная сестрёнка, и бабушка Дора жаждала научить молодых родителей, как ухаживать за малышкой.

(Надо заметить, что в то время в Шумске ещё свистели по ночам бандеровские пули... Об этом можно прочесть в моём романе «Философская улица». Так что поездка та была очень памятной).

* * *

Вторая поездка — в мае 1955 года, опять же с бабушкой Дорой. Мы ехали из Днепропетровска в Оренбург, куда после института получила назначение моя мама. И папа с ней поехал. Им быстро дали жильё, и они ждали нас.

Ехали мы трое суток!.. И эти трое суток были для меня сплошным счастьем. Гудки доброго паровоза, который вёз меня к маме и папе, клубы уютного дыма в окне, вкусный пахучий чай в стаканах с красивыми подстаканниками... За трое суток все пассажиры стали, как одна семья. Я была единственным ребёнком в вагоне, и всем хотелось со мной пообщаться и чем-нибудь вкусненьким угостить. Вообще, я с детства не люблю сладкое, но вежливо благодарила и относилась конфеты бабушке))

И были потрясающе красивые пейзажи в окне...

И был потрясающе заботливый проводник в нашем вагоне, молодой и очень душевный. Мы его очень полюбили все. А я возмечтала, что вырасту и стану проводницей, — чтобы ехать, ехать и ехать...

* * *

А дальше было очень много поездок, и почти все с бабушкой Дорой. И в Москву мы с ней ездили, и опять на Урал, и в Крым... И всегда при отправлении поезда, сливаясь со звуками Паровоза, на днепропетровском перроне звучал марш «Прощание славянки».

И это во мне — навсегда...

* * *

А нынче «Прощания славянки» в Бологом не было. Но в вагон вошёл обаятельный человек с весёлыми голубыми глазами, видимо, ровесник Паровоза. На нём была форма начальника поезда 1943 года. Его имя — Юлиан Иванович Железный. Он сказал, что наша поездка — это Путешествие в Прошлое. И долго, и захватывающе интересно рассказывал об этой железной дороге, о паровозах...

Так что в конце его рассказа весь вагон ему аплодировал...

* * *

«Ретропоезд «Селигер» — живая история на рельсах. «Селигер» — это путешествие души... Остановите время!» —

Так гласит маленький буклетик, наполненный большой любовью к этой заповедной железной дороге, окутанной белыми, пушистыми дымами воспоминаний...

Спасибо начальнику поезда Юлиану Ивановичу Железному, он же — экскурсовод. Его рассказ — это настоящая поэма об этой дороге, о её истории, о людях, причастных к этой истории. Слушала его и думала: как радостно встретить человека, который всей душой любит то, о чём повествует нам.

Я спросила его: стал ли он железнодорожником потому, что у него такая фамилия — Железный? Юлиан Иванович засмеялся и сказал, что он по профессии журналист. Хотя сын его да, работает на железной дороге. А экскурсоводом сам он стал, можно сказать, случайно. К сожалению, ковид унёс человека, который был экскурсоводом в ретро-поезде. И Юлиана Ивановича (который был уже на пенсии) по-

просили его заменить. И он согласился. «Не киснуть же дома!» — сказал с улыбкой этот голубоглазый, энергичный человек вне возраста.

* * *

И тут мы подъехали к станции Куженкино. И нам предложили выйти на полчаса на перрон, осмотреть сохранившийся вокзал, которому больше ста лет — и вдохнуть атмосферу века...

Что пассажиры с радостью и сделали.

Здесь красовался старинный вокзал, чудом сохранившийся. Построенный в начале 20-го века... А неподалёку старинная красавица — гигантская водонапорная Башня! Да, пишу с большой буквы, потому что она этого стоит!

А на перроне нас ждала милая молодая женщина в железнодорожной форме 50-х годов. И она провела нас внутрь этого сказочного вокзала, и с таким же вдохновением, как и Юлиан Железный, стала рассказывать нам историю строительства Бологое-Полоцкой железной дороги (1907 год). С удивлением я узнала, что строительство дороги спонсировали французы, которые нуждались в том, чтобы мы провели железную дорогу до Варшавы. Если кто забыл, то напомним, что Польша в то время (до Первой мировой войны) была в составе Российской империи.

И вот, главный инженер-путеец прошёл пешком путь до Варшавы, ища и намечая места для прокладки железных путей. Император Николай Второй одобрил план строительства. И дорога была построена довольно быстро, пройдя через глухие леса...

* * *

А теперь от той дороги остались 112 км по историко-заповедной зоне — 3 часа в одну сторону — от города Бологое до Осташкова... И (и при желании) обратно.

Милый экскурсовод показала нам не только старинный вокзал — где время замерло — но и домик путевого обходчика. И подробно рассказала, как работали на железной дороге обходчики и стрелочники —

в то время, когда всё зависело от человека, от его внимательности. Кстати: сказала, что стрелочницами часто работали женщины.

Очень мне понравился Зал ожидания 1 класса. Очень атмосферное местечко. Да, здесь ощущается Прошлое. Которое не умерло, не исчезло, не исказилось в гримасах нынешнего века, нет! Чистое и непорочное, оно ждёт нас, ждёт встречи с нами, чтобы поведать о самом Главном. О чём именно? О смысле жизни, о любви и красоте. О памяти. О верности тому, что не подлежит исчезновению...

* * *

А тут наш Паровоз издал призывный гудок и окутал себя и перрон белыми пушистыми дымами, сигналив нам о том, что пора двигаться дальше...

И мы быстро пошли к нашим зеленым вагонам, и я не успела поближе познакомиться с нашим милым экскурсоводом.

Но я очень благодарна ей — и за интереснейшую информацию и, прежде всего, за любовь, с какой она погрузила нас в удивительное Прошлое...

* * *

...Мы ехали дальше, под мерный, неторопливый стук колёс, под уютное раскачивание вагона — как будто в колыбели... За окном клубились пар и дым... Сквозь них, как сквозь дымку времени, были видны бескрайние леса и нежаркое северное солнце...

Я была переполнена впечатлениями, счастливая, и думала о том, что, если бы жила не так далеко от этих мест, то в каждые выходные приезжала бы на Паровозе на станцию Куженкино, где Время замерло. И, сидя в зале Ожидания 1 класса, писала бы свою новую книгу.

А все мои книги — о нём, о дорогом моему сердцу Прошлом...

* * *

Конечно, от той замечательной железной дороги осталось гораздо больше!

А 112 км — это именно заповедная зона. С историческими памятниками и интересными рассказами.

Паровоз ходит каждые выходные, в субботу и воскресенье.

Отправление из города Бологое в 9-15 утра.

...Итак, запрыгнув в зелёные вагончики, мы поехали дальше. От Куженкино — в сторону Осташкова. А начальник поезда Юлиан Иванович Железный продолжил свой рассказ. Уже о древнем городе Осташкове, о его многовековой истории... Осташков известен с 14 века! Три раза сгорал. Но вновь возрождался... А из кожи Осташковской кожевенной фабрики, знаменитой на всю Европу, осташковские сапожники шили сапоги для солдат и офицеров русской армии — во время войны с Наполеоном. Поэтому русские и победили! А что вы смеётесь? Это же очень важно — как обут солдат!

Также Юлиан Иванович советовал всем сходить на знаменитое озеро Селигер и осмотреть возрождённые монастыри. Прощаясь с нами — пассажирами ретро-поезда — он сказал, что Осташков многим нас удивит, но многим и опечалит...

ОСТАШКОВ

Здравствуй, древний Осташков! Я ещё никогда здесь не была. От двух подруг слышала, что Осташков — это сказка. И вот, мы топаем с Антоном по сказочно разбитым тротуарам, мимо сказочно обшарпанных домиков... Ну, сказки бывают разные — и такие тоже.

Притопали в район пятиэтажек. Здесь Антон забронировал для нас квартиру на сутки.

Войдя в квартиру, мы увидели, что путешествие в Прошлое продолжается... На видном месте красуется старинная швейная машинка

«Зингер»... Почти такая, как была у моей бабушки. На полу — круглый, плетёный из разноцветных лоскутов, половик... Моя бабушка такие же плела. А на стене — большие, старые, не ходящие часы...

Здравствуй, Застывшее Время!

В нашем путешествии ты повсюду с нами...

* * *

Антон подхватил рюкзак со своими книгами о путешествиях, и мы отправились в Картинную галерею, в которой у Антона сегодня намечена лекция. Да, именно Картинная галерея предложила ему зал для выступления. Нас приветливо встретила молодая, энергичная Елена Викторовна, которая здесь за всех. Одна во всех лицах.

Оставив у неё книги, мы пошли осматривать город, прославленный в веках...

Поразило малолюдье на улицах. Человек пять мы встретили — и всё. Город был тих и пустынен. Никаких гуляющих мам с детьми (хотя это был выходной день, суббота). А в этом городе ещё рождаются дети?.. Никакой молодёжи, радующейся весне...

Вокруг — много домов с заколоченными окнами, с провалившимися крышами.

Разбитые тротуары, которые (такое ощущение) не меняли последние 30 лет. Бордюров и вовсе нигде нет.

— Вот, — сказал со смехом Антон, — можешь, товарищ мама, отдохнуть от московских бордюров и московской плитки, которые меняют чуть ли не каждый год, и тебя это очень сильно нервирует и огорчает. А тут — всё как было в прошлом веке! Так что наслаждайся, товарищ мама, своим любимым советским прошлым...

На центральной улице тротуар и даже кое-где плитка присутствуют. Но вот, мы свернули на боковую улицу, чтобы дойти до Селигера, — а тут вообще ничего нет! Даже остатков тротуара. Только огромные лужи и месиво грязи.

И всё же мы дошли до него — до прекрасного Селигера...

Озеро волновалось, по нему ходили волны... Никаких лодок на воде, только на берегу. Говорят, раньше озеро кишело рыбой, и рыбная ловля была главным промыслом местных жителей. Говорят, раньше здесь проводились спортивные соревнования — заплывы. И пловцов, и на байдарках. Говорят, раньше десятки тысяч отдыхающих съезжались сюда. Селигер в советские времена был очень модным и любимым курортом. Но нынче (говорят), озеро стало очень грязным, никто не заботится об экологии.

Может, поэтому Селигер и волнуется?..

На другом берегу виднелся монастырь. Сверкали его купола... Нынче монастыри у нас в почёте. Даже издали видно, что монастырь хорошо отреставрирован. А домики на берегу грустно чахнут...

Красивые деревья застыли на берегу Селигера в раздумье о прошлом и настоящем...

* * *

Гуляя по Осташкову, заметили только одно предприятие — Кожевенный завод. Говорят, что раньше на нём работало 7 тысяч рабочих, в три смены!

А рядом с заводом — огромный Дворец культуры Кожевенного завода. Можно только догадываться, как много разных мероприятий проходило в этом Дворце культуры, и сколько тысяч людей он смог вместить! И сколько детских студий тут работало, и сколько ребятшек сюда сбегалось... Когда-то в Прошлом...

Картинная галерея, где должна быть лекция, — это левое крыло Дворца. Никакой афишки, никакой рекламы. Придёт ли кто-нибудь?..

* * *

Радужная Елена Викторовна угощает нас горячим крепким чаем и вкусным печеньем. И рассказывает нам печальную историю Осташкова. Да, было при советской власти восемь предприятий. Восемь!

А остался один Кожевенный завод. Даже пекарню закрыли, которая выпекала вкусный хлеб. Теперь хлеб возят аж из Твери!

И было семь самых разных учебных заведений (не считая школ). Техникумы, разные училища. Елена Викторовна назвала всё поимённо — и предприятия, и учебные заведения. А остался всего один колледж...

Учиться негде. Работать негде. Молодёжь уезжает из города. Стариками умирают... Старые дома разрушаются...

Золотые времена Осташкова — в Прошлом. А что его ждёт в будущем?..

Я подумала при этих её словах, что в будущем, может быть, останутся только монахи в позолоченном монастыре...

И тут Елена Викторовна встрепенулась, её глаза засияли:

— Но если бы вы знали, сколько в Осташкове замечательных, талантливых художников! На стенах нашей галереи работы только местных художников!

И мы пошли в зал, который полнится действительно прекрасными работами! В самых разных жанрах. Кстати, очень хорошая композиция. Елена Викторовна сказала, что развеску картин делает она.

Переходя от картины к картине, я думала о том, что вот, домики ветшают, тротуары рассыпаются, предприятия и учебные заведения закрываются, но Дух города жив! Глубинная, внутренняя жизнь народа продолжается! Художники рисуют картины — на них и красота природы, и нежная печаль увядания древнего города... И лица стойких горожан, которые продолжают жить в родном Осташкове, не бегут в большие города и не дают угаснуть жизни здесь — в своём малом, но любимом отечестве...

* * *

Народу на лекцию пришло не много — всего 15 человек. Антон так и предполагал. Но пришли! Милые, интеллигентные люди. Внимательно слушали, задавали вопросы, покупали книги. Кто-то загорелся отправиться в путешествие. Спрашивали и меня: «Не страшно

но ли было путешествовать в Азии?» Я честно ответила: «Совсем не страшно! Люди в Азии очень добрые, радушные». — «Пожалуй, решусь! — сказала отважно одна женщина. — Мама моя родилась в Алма-Ате. Давно мечтаю увидеть её родину...»

* * *

А после лекции мы опять пили чай, и я рассказывала Елене Викторовне про художника Валерия Каптерева, о котором я написала несколько книг.

Мы с Антоном подарили Елене Викторовне несколько своих книг, и я обещала ей выслать книгу про Каптерева. Прощались друзьями.

* * *

Засыпая ночью в квартире, где тихо дремлют старинный «Зингер» и не тикающие часы, я думала о том, что самое главное в сказочном Осташкове — это ЛЮДИ. Неутомимые художники и неутомимые энтузиасты — такие, как Елена Викторовна, которая одна — во всех лицах.

Вот, на таких людях всё и держится...

Да, есть в Осташкове и красивые домики. Особенно запомнился один — на берегу Селигера. А перед этим милым домом — целый Сад из камней!..

А можно сказать, что это — скульптуры из камней. Из маленьких валунов, обкатанных волнами задумчивого Селигера...

ПРОДОЛЖЕНИЕ ПУТЕШЕСТВИЯ. НА НАШЕМ ПУТИ — ТОРЖОК

А рано утром 19 апреля мы отправились дальше... В древний Торжок. Здесь Паровоза уже не было, а был автобус, и за окном лёгкий снежок...

Мы ехали и говорили о русской истории. Когда мы с Антоном путешествуем вдвоём, мы всегда говорим о русской истории. Гово-

рит больше сын, а я больше слушаю. У Антона потрясающая память на исторические события, на имена и даты. Мой сын — это ходячая историческая энциклопедия! Я благодарна сыну за то, что с ним можно обсудить любой период нашей истории — поговорить и о правлении Ивана Великого, и об Иване Грозном, и о Никоновских реформах, и об Учредительном собрании 1917 года... Потому что и сегодня нам всё это очень важно! Потому что очень важно разобраться: что было сделано ошибочно? И какие выводы нужно сделать для будущего? Хотя мы с Антоном и не государственные деятели, но мне кажется, что нельзя ведь жить в темноте незнания — как в пустоте...

* * *

Меня шокируют люди, которые высокомерно говорят: «Меня не интересует история! Мне совершенно не важно, что было раньше». Так сказала и одна моя 35-летняя знакомая. И я стала убеждать её в обратном, говоря, что как можно жить, не интересуясь историей своей страны и своего народа? Это же всё равно, что быть деревом без корней. Или птицей без крыльев... Видя, как я разволновалась, она стала успокаивать меня, говоря:

— «Да я всё знаю, знаю! Всю нашу историю».

— «А что именно вы знаете?» — спросила я. И она на полном серьёзе ответила:

— «Ну, сначала был царь. Потом Ленин. А теперь Путин».

— «И это всё?» — спросила я.

— «Да. А что ещё надо знать?» — искренне удивилась она.

Мне стало не по себе...

А ведь она закончила какой-то супер-колледж. Разбирается в компьютерах. И в скидках: что и где сегодня можно купить со скидкой. Вот и всё... И такой молодёжи у нас очень много сейчас.

Вспомнились слова Ломоносова: «Народ, не знающий своего прошлого, не имеет будущего».

... Разобрав ошибки Учредительного собрания, мы въехали в древний город Торжок...

* * *

Антон бывал в Торжке уже много раз. Привозил сюда своих друзей. А теперь привёз меня.

А то как-то неправильно получается: на Дальнем Востоке я с Антоном была, в Сибири была, на Байкале была, и ещё много где была — в Средней Азии, в Испании и даже в Африке! А в Торжке не была... И вот, мы решили закрыть этот пробел.

Кстати, у Антона здесь сегодня лекция, посвящённая вольным путешествиям. Лекция пройдёт в Выставочном зале «Гостиница Пожарских» на улице Дзержинского.

Оставив здесь свои рюкзаки, мы пошли гулять по городу...

* * *

И пока гуляли, Антон мне поведал историю Торжка, который основан в 11 веке. Стало быть, городу этому тысяча лет!.. Купцы его здесь основали на пересечении многих торговых путей. Оттого и название такое — Торжок! И Юрий Долгорукий его когда-то захватывал... И Пушкин здесь бывал, и любил этот город, и стихи ему посвящал, и даже дом сохранился, где Пушкин жил. Теперь здесь музей.

И стоит Пушкинский дом на высоком берегу реки, которая называется Тверца. На другом берегу — сильно низменном — древний город предстал перед нами во всей своей не яркой красе. Застройка плотная. Много, много домиков... Это смотрится очень тепло, уютно. Домики стоят плечо к плечу. И красуются восстановленные храмы...

Река извилистая и неширокая. Когда-то была глубокой и полноводной, тут и баржи с товарами ходили, и пароходы с пассажирами... Приплывала в Торжок даже императрица Екатерина Вторая!

Мы пошли дальше по нашему — высокому берегу, и Антон показал мне Путьевой дворец Екатерины Великой, где она останавливалась. К сожалению, это скромное, но красивое здание находится в плачевном состоянии... Оно разрушается! Как странно... Неужели нет денег, чтобы отреставрировать это историческое здание? Нет ни у города, ни у государства, ни у какого-нибудь богатого человека?

И зарос Путевой дворец моей любимой императрицы вокруг тонкими прозрачными деревьями, как будто слезами... Люди, ну, так же нелзя! Мне хотелось плакать, честное слово.

И ещё есть в Торжке старинные прекрасные здания в стадии разрушения... Грустно это, господа!

Да, я очень люблю Прошлое, люблю старину — она такая живая, такая не штампованная, такая настоящая! Поэтому каждое старинное здание в стадии разрушения вызывает в моём сердце острую боль. Как будто я смотрю на дорогого друга, который болен, но его можно было бы вылечить! Но почему-то всем наплевать...

* * *

Но, вообще, Торжок намного живее, чем его собрат Осташков! И жителей тут значительно больше, и какие-то предприятия работают, и прохожих на улице не мало, особенно в центре.

А главное — чувствуется энергетика тысячелетнего города! Хотя татаро-монголы его в своё время практически уничтожили, но Торжок возродился! Да много, много бед за тысячу лет здесь побывало. Но город жив! Не утратил своего лица и своей души.

Соборы красивые. Дома такие милые. Много, как в старину, деревянных.

И много разных магазинчиков, лавочек разных. Ну, это же Торжок! И сегодня оправдывает своё название.

Рассмешила одна вывеска: «Скупка золота. Мастерская изготовления ключей».

Так вот где изготавливаются те самые золотые ключики — ключики от сказки!..

* * *

А потом мы вернулись в Выставочный зал Пожарских, поднялись на второй этаж... И я ахнула! На стенах длинного, очень широкого и светлого коридора висели картины. Много, много картин!.. И на каждой картине — Торжок! Торжок... Торжок... Во все времена года.

Милый. Древний. Задумчивый. Прекрасный. Прекрасный каждой своей улочкой, каждой избушкой... И написано всё с такой любовью, с такой нежностью!

— «А почему нет имён авторов под картинами?» — спросила я молоденькую смотрительницу выставки Анну.

— «Потому что автор — один. Геннадий Иванович Симоненко».

— «Это ваш местный художник?»

— «Да, уже наш. Хотя родился в Красноярске, в 1958 году, и жил там долго, и писал картины».

А потом приехал однажды в Торжок. И влюбился в него. И остался здесь... Это — его персональная выставка. Там ещё два больших зала».

И Анна повела меня по другим залам... И там был уже не только Торжок! Там были и библейские темы, и темы старой Руси с ярмарками, и бродячими музыкантами... Много, много всего на этих картинах! Перед любой из них можно стоять хоть целый день...

— «Этот художник — гений», — сказала я.

— «Да», — согласилась Анна, и её тёплые карие глаза сияли искренним восторгом.

— «Это у вас постоянная экспозиция?» — спросила я.

— «Нет, до конца апреля только».

Какое счастье, что я успела увидеть эту красоту! Сегодня я сделала для себя открытие — в России есть гениальный художник! Живёт в древнем Торжке и рисует вечную, не умирающую Красоту...

Так вот зачем я приехала сюда!

Конечно, я тут же стала рассказывать Анне про художника Валерия Каптерева, ещё одного гениального художника, ровесника 20 века. Анна не слышала о нём. И я пообещала выслать ей свою книгу о нём.

* * *

А потом мы с Антоном пили чай в небольшой красивой комнате. На стенах здесь висели фотографии Президента Путина. На них он

общается с разными людьми. Анна сказала, что два года назад Путин посетил Торжок, побывал в их Картинной галерее, и отдыхал как раз в этой комнате, где сейчас пьем чай мы с Антоном. Забавно!

Наверное, Президенту показали и Путевой дворец Екатерины Второй. Он же её любит и называет Матушкой. Наверное, огорчился, что дворец в таком плачевном состоянии.

Я спросила Анну: не собираются ли реставрировать Дворец? Она грустно улыбнулась, вздохнула и сказала, что они выиграли конкурс. И на реставрацию были выделены деньги. Но... ничего не произошло. Дворец продолжает разрушаться... Никакой реставрации. А куда же ушли деньги? Никто не знает. Я сказала: «Напишите Путину письмо».

На мои слова Анна только вздохнула...

— «Да, много грустного в городе, — сказала она. — Но мы стараемся».

— «Давайте я покажу вам нашу майолику», — сказала Анна.

И повела меня в другие залы, которые были заполнены дивной керамикой — сказочной, сверкающей, нежной майоликой... Два зала. Постоянная экспозиция. Произведения трёх местных мастериц. Работы, которые бы могли стать украшением лучших музеев России. Или даже мира.

Уж поверьте мне! А если не верите, то поезжайте в Торжок, чтобы убедиться в правоте моих слов.

Анна сказала, что Путин тоже был в восторге. И одна из работ, которая ему особенно понравилась, была ему подарена самой мастерицей.

* * *

А потом была лекция Антона в шикарном зале, среди гениальных картин на стенах...

И пришли интеллигентные, умные, живые, весёлые люди. С большим интересом слушали рассказ Антона. Потом задавали вопросы. Самый забавный был: «Как же вы свою маму одну дома оставляете?» Антон на это озорно улыбнулся: «Да вот моя мама сидит, в зелёной кофточке». И все с облегчением, радостно засмеялись, убедившись, что с мамой всё в порядке.

Покупали у Антона книги, и тут же начинали планировать свои путешествия...

И ко мне подходили, и спрашивали: как у меня получился такой сын, и каким он был в детстве?

Кстати, кроме Анны, в этом чудесном месте ещё три (или даже четыре) работника — очень обаятельные, приветливые молодые женщины. И пока мы здесь находились, мы видели несколько многолюдных экскурсий. И экскурсоводы подробно всё рассказывали.

И я оставила отзыв в «Книге отзывов». И прочла все, которые там были, а их не мало. Обрадовалась, что приезжают в Торжок люди из Москвы, из Питера, из самых разных мест! Даже из Сибири...

Нет, не все в России превратились в обывателей, не все!

«Мы стараемся!» — сказала, прощаясь, милая Анна, у которой такая прекрасная фамилия — Суворова!

Спасибо, Торжок, за то, что ты ЕСТЬ! За то, что ты ЖИВОЙ!

Ты подарил мне НАДЕЖДУ.

Надежду на то, что Россия будет жить и дальше. Своей удивительной, непостижимой, глубинной жизнью... Неколебимо духовной.

И огромное спасибо сыну Антону Кротову за это путешествие, которое он так отлично организовал! Как всегда, всё было замечательно и душевно. Спасибо ему за исторические лекции по дороге — ни одной минуты впустую. Как всегда!

Какое это наше совместное путешествие было? Наверное, двадцатое.

А в июле мы с Антоном проедем на ещё одном Паровозе — «Ярославль — Рыбинск».

Антон предложил, и я мгновенно согласилась!

Так что жизнь продолжается. И наши путешествия по нашей прекрасной Земле тоже...

24.04.2026

Татьяна ПОЛЯКОВА

ПРАЗДНИК СОСТОЯЛСЯ

Грохот, скрежет нарастал, она оглянулась: рыжий огромный шкаф или жуткий короб ехал прямо на неё. Она не знала, куда наступить, стоя между двумя рельсами и ещё какими-то непонятными ей половинками, которые неожиданно двигались то в одну, то в другую сторону. Со страху она опустила свой большущий пустой бидон вниз, половинка тут же ударила по нему, бидон отскочил вверх, и Маша, крепко державшая его в руке, оказалась на земле вне рельсов. Рыжий шкаф — товарный вагон промчался с грохотом мимо. Она лежала на земле и никак не могла опомниться. И только приятный запах съестного, будоражащий ум, заставил встать и вспомнить, что она идёт за супом. Уже не глядя на рельсы, вся замёрзшая, со слипшимися ресницами и сосульками под носом, перепрыгивая через множество рельсов, она подбежала к громадным воротам и остановилась не понимая, куда же идти дальше. Вдруг кто-то схватил её за шиворот и закричал в ухо, перекрывая непрерывный шум:

— Ты как здесь оказалась, кто разрешил, ты эвакуированная? Это же депо, ходить здесь опасно, путевые стрелки движутся быстро и меняют направление движения вагонов. Куда ты бежишь?

— Я за супом иду в столовую к тётё Люсе, — всхлипывая, пропищала Маша.

Что было дальше, она уже не помнила, но гороховый суп в тяжеленном бидоне принесла домой для больной мамы и маленького брата.

До сих пор воспоминания тех далёких лет эвакуации, как череда ярких, цветных видеок кадров, не дают покоя Марии. И увиденные недавно слова, золотом сияющие на учебном здании военной прокуратуры: «мастерство, отвага, достоинство и честь», неожиданно вплелись в её размышления о военных годах. Ведь они фактически составили основу сохранения целого народа и проявились в сущности каждого человека, когда выворачивалась наружу душа: или она была нараспашку, или она скукоживалась, съёживалась и застревала во зле и трусости.

Эвакуированные — это мама Анна двадцати шести лет и двое детей — восьми и трёх лет. Отец семейства Сергей был раньше эвакуирован вместе с военным заводом в г.Молотов (сейчас Пермь). Приехавшие через несколько недель семьи заводчан были размещены в общих бараках, без какого-либо разграничения, что называется «впопалку». Результат — плачь, визг, потасовки, разборки и разные другие неприятности. Вскоре отец семьи увёз её к родственнику, в посёлок на реке Чусовой — большой железнодорожный узел. Дядюшка Григорий служил начальником почты и жил с женой в этом же доме в мансарде. Он встретил родственников с душевной радостью, в отличие от своей жены. Суровая сибирячка не только не приняла семью, но и всячески выказывала своё неприятие, частенько обзывая и унижая приезжих. Отец Сергей приезжал иногда по воскресеньям, вырываясь с завода, где работал и день и ночь. Анне с маленьким сынишкой, поставили в кухне кровать, прикрыв занавеской, а девочке предложили маленький сундук для сна. Старинный сундук с выпуклой крышкой ну никак не подходил для лежания на нём, но пришлось смириться.

Так началась жизнь вдали от Москвы. Анна, чтобы меньше быть в зависимости от хозяев, отправилась с подругой, тоже эвакуированной, по окрестным сёлам менять на хлеб и продукты свою одежду и детские игрушки, которые дети запихивали потихоньку в ящики при отъезде из дома. Мороз в это время превышал все возможные пределы, и уставшие, закоченевшие до костей подружки, после длительного

хождения по сёлам, присели, наконец, на железнодорожной станции перекусить. Достали ломоть деревенского хлеба, недавно выменённого, но уже замёрзшего и от этого покрывшегося белёсым налётом. Стоящий недалеко мужчина вдруг бросился на Анну с кулаками и криком, мол богатенькие приезжие расселись тут и едят их хлеб, да ещё с маслом, а они, местные, должны их терпеть. Анна пыталась отбиться, но его злоба обрушилась на неё с яростью, она только уворачивалась от ударов, пока кто-то не заступился. После этого жуткого инцидента она слегла с невыносимыми болями и тяжёлыми мыслями о несправедливости. В результате кормить семью пришлось восьмилетней дочке.

Еду, в основном, она могла получить в местной столовой ремонтных мастерских, куда их прикрепили, как эвакуированных. Столовая располагалась на втором этаже, но вход для посторонних был с улицы по крутой трёх-ярусной лестнице. Ходить было опасно по заснеженным, обледеневшим ступеням, да и стоять приходилось подолгу в тридцатиградусные морозы. Маша частенько пряталась от жгучего холода в углу подвальчика ближайшей кооперативной пекарни, и вдыхая запахи не доступной, дурманящей сладости этих коврижек, глотая голодную слюну, шептала: «Гитлер проклятый, скорей бы ты сдох, и война уберайся». А война только начиналась.

Присказка эта застряла в мозгу и, Марию, даже много лет спустя, беспокоит медовый запах коврижек, наплывающий в сознании как навязание, и губы невольно гонят Гитлера и войну.

В наше время невозможно понять, как ребёнок восьми лет не потерялся в чужом, холодном и незнакомом мире, преодолевал страх и голод. Наверно поэтому так жива память в образах и лицах тех лет.

Новость о наступлении наших войск под Москвой обрадовала всех, и родственники решили достойно встретить Новый год в праздничной обстановке, надеясь на скорую Победу. По этому поводу хозяин дядя Гриша заколол молодого поросёнка, чтобы приготовить любимые сибирские пельмени. Как только приехал отец, вся большая семья по местной традиции собралась за столом, и началась магия их сотворения. Тётя Маня, хозяйка дома, без тени улыбки на лице, без лишних слов, достала припрятанные остатки муки, да и мама выменяла на свои красивые платья кое-какое пропитание и даже муку. Замешанное тесто взялся раскатывать отец семейства, он был мастак в

этом священнодействии. Сначала пласт теста крутил, подбрасывал, насыщая его воздухом и только потом начинал вырезать кругляшки, или делал по-другому: когда из теста, скрученного в колбаску, нарезал кусочки, затем их раскатывал скалкой. Папа умело ею работал и маленькие кругляши получались с толстой серединой и тонюсенькими краями. Лепить пельмешки тоже искусство: наполнить маленький кружочек полужидким фаршем, для сочности и прочно заклеить краешки. Только у папы был каждый пельмешек аккуратный с маленькими краями и крепко склеенными ушками.

— Ну, ты мастер, — похвалил его дядька, который сидя рядом, наигрывал на баяне.

— Руки марасть в муке — это не моя забота, — и тут же затащил свою любимую песню: — Степь да степь кругом, путь далёк лежит, В той степи глухой умирал ямщик ...

Старинные песни были частью его души. Ведь дядюшка, как почтальон, развозил по отдалённым сёлам письма. В военное время его ждали с нетерпением, он добирался до самых глухих деревушек по ледяной, сверкающей реке и по любым нехоженным дорогам на своей лошади, запряжённой в сани-розвальни. Часто приходилось самому расчищать снежные дороги, но письма доставлялись вовремя.

Дети, сидя с краешка стола, тоже лепили, но больше пачкались в муке. Наконец общая семейная работа закончена, пельмени уложили рядками на большую доску, посыпанную мукой — и унесли в кладовую на мороз до праздников.

И вот праздник пришёл, русская печь горит, дрова потрескивают, большой чугунок с водой и травками уже в печи, и тётя Маня идёт за пельмешками в кладовку. Но о ужас! Доска пустая. Только несколько замёрзших штучек сиротливо белеет в углу доски.

Крик, шум. Тётя в гневе.

— Украли, но кто посмел, кладовка на замке, значит свои!

И тут начался детектив, модный в нынешнее время, или мрачная история с преступником, обвинителем и смелым дознавателем.

Тётушка в панике выскочила на мороз, даже не покрыв головы. Мужчины ворчат, мама в слезах, что подумали на неё, дети в испуге забились в уголок. Катастрофа.

Но надо знать маму Анну. Раз не виновата, докажет невиновность, а может и разберётся кто виноват, и где пропажа. Сначала она зашла в

кладовку, рассмотрела доску, увидела странное! Ровные мучные следы шли в одну сторону к стене.

— Интересно, и куда они ведут, и почему криво стоит доска, видно съехала с подпорок. Значит кто-то её толкнул.

Успокоилась и стала размышлять. Быстро, с присущей ей энергией, разобрала забитую всякой всячиной кладовку и нашла в заднем углу у стены странное углубление. Рукой не достать, но решила изучить, что там. С трудом подобралась к дальней стене, запустила руку в углубление, и на что-то там наткнулась. Сердце дрогнуло, побежала звать тётушку.

Вместе они разобрались. В ямке стояла коробка со старыми деревяшками, про которую все давно забыли, а рядом обнаружилась большая дыра, явно крысиная. Вероятно, эта воровка пробралась внутрь в кладовку, прыгнула на тонкую фанеру, она накренилась, задрожала и все замёрзшие комочки-пельмешки покатались вниз — прямиком в коробку. Ну и добыча у крысы! Крысы умные, возможно она не раз прыгала на доску. Достали находку, встряхнули муку, обтёрли, сложили часть пельменей в мешочки и подвесили к потолку. А остальные, отправили в кипящий чугунок. То-то было веселье. Тётя Маня, растроганная происшествием, чувствуя свою вину, достала из кладовки с верхней полки заранее приготовленные шаньги — сибирское лакомство и тоже в печь. Они как ватрушки, но только из ржаного теста с картофельным пюре сверху. Тётушка рукодельница делать тонкий краешек у лепёшки, и он после печи становится хрустящим, а пюре зажаристым. Вкуснота и объединение.

Праздник примирения и надежд состоялся даже в это тяжёлое не приветливое время.

Дядюшка, успокоенный, затянул песню:

— По тихим степям Забайкалья, где золото роют в горах ...

Ну и тётя Маня подобрела, прослезилась и стала во всём помогать семье, и даже вытащила откуда-то для девочки маленький матрасик на сундук.

А вор, конечно, был пойман, впоследствии ...

... Написано по воспоминаниям участницы лепки пельменей в то далёкое тяжёлое время.

Геннадий ПАНФИЛОВ

ВАЛЕНТИНА СЕРГЕЕВНА. ВОСПОМИНАНИЯ

Они встретились через 50 лет — мой отец Панфилов Геннадий Дмитриевич и его двоюродная сестра Смирнова Валентина Сергеевна (по мужу Сидоренко). Я привёз её в мае 1980 года в деревню Бавыкино Калужской области, где в то время жили мои родители.

После тёплых объятий и узнавания тётя Валя задорно спросила отца: «Гена, помнишь, как мы с тобой жили? Помнишь, как кота душили, верёвкой шею ему перехватили и давай тянуть в стороны. Ты жалел его, я: «Давай-давай!» Выбросили за изгородь. Нам тётя Лиза привезла мясо, запечённое в ржаном тесте, не успели приложиться к нему, а кот его стянул. Ну и казнили его. А он через два дня появился. Больше его не трогали».

Когда она уехала, мы с отцом пилили дрова, он присел покурить. Признался с улыбкой, что не узнал бы Валентину: «Совсем не такая. Какой красивой была в свои 12-13 лет!»

Тётя Валя наезжала в Москву несколько раз, заходила ко мне в гости. За чаем оживлённо вспоминала:

— С отцом твоим наша дружба началась в 5-6 классах, когда мы учились в юрьевцевской школе. А для жилья нам снимали комнату в пристройке дома. Первые два класса Гена окончил в Коренихе, где жил, третий и четвёртый классы — в Соболеве. А потом учился в Юрьевце, только там была средняя школа.

— С Генкой мы жили, когда я осталась одна, мама с детьми была у папы на Урале, куда его сослали.

— Ели сухой хлеб, размачивали в чае. А он мне: «Валька, сварить хотя бы!» Я: «А из чего?» Но иногда варили, конечно. Тётя Лиза приехала, я ей: «Так мяса хочется!» Она: «Ладно, привезу». И привезла то мясо. Жалко кота, конечно.

Идём в школу, он со мной не идёт, стыдно с девчонкой. А когда его били мальчишки, я нападала, разгоняла их, освобождала брата, возвращались вместе.

— Мой отец родом из деревни, в 8 км от Юрьевца. Работал моряком на пароходах в Юрьевце. На ту сторону папа возил нас за ягодой и грибами. Монастырь — красавец. А сколько грибов и ягод! Божественная красота.

Ютились с мамой где попало, летом жили на дебаркадере. Помогли нам построить дом. У папы была тропическая малярия. Он два раза прыгал в Волгу, спасали. Но работу на Волге пришлось бросить.

Купцы-лавочники Локтевы пригласили его в приказчики. Они знали, кого брат. Папа был честным человеком. Они были грамотные, времена НЭП, понимали, что вольность коммерческая недолго протянется и стали распределять капитал по своим людям. Уговорили и папу стать условным пайщиком. Наш дом стоял на углу Поросячьего проезда и современной улицы Энгельса. Там все зажиточные жили. На углу лежал огромный камень. Наверное, специально положили, чтобы угол не разбивали телегами. Дом в Юрьевце папа и мама построили до того, как папа стал работать в приказчиках. Потом можно было побороться за дом с властями, но папа отказался. А какой там был сад! Яблони сортовые, как ни у кого в городе, мама на склоне делала террасы, ступеньками сажала на них саженцы. И всё зря.

А затем — трах-бах, раскулачивание, описывание. У нас описали дом, корову, по документам он же числился компаньоном предприятия. Локтевы-то заранее убежали в Горький. Сам старик умер не-

давно, его дети и ныне живут в достатке, их не тронули. Папу моего сослали на Урал, но отпустили через два года. Снимали часть дома в Юрьевце. Потом из органов приходили ещё раз, искали золото и серебро, спрятанное Локтевыми, думали оно у нас. Мама срывала серьги с ушей, но они не взяли.

Мама лечила многих, знала травы. Дизентерию излечивала йодом, 8 капель. Через полчаса появляется аппетит. И человек встаёт. Так и я в Горьком вылечила соседских ребят, а девочку умили лекарствами.

— Не выхожу замуж в третий раз, потому что знаю — будет война. Шутки шутками, а в финскую погиб первый муж, от второй войны не оправился — 41 рана — второй, умер от туберкулёза.

— Попала с мужем в плен в Таганроге в 42-м году. Там я работала в госпитале. Там и жила — на родине мужа. Родные его остались мне чужими, свекровь — католичка, полька.

Хотели вырваться с мужем из Таганрога несколько раз морем, но не вышло. Разделили нас тогда, и встретились в 45-м, когда меня освободили из лагеря. Он бежал из лагеря и был в армии. Случайно меня увидел, когда нас с той территории перегоняли через мост. Думала, свои встретят с распростёртыми руками. Куда там! Как стадо баранов перегнали под охраной, отмыли, а потом начались допросы... А он меня зовёт: «Валя!» Я подумала: много Валь. Он: «Сидоренок!» А я думаю: много Сидоренок... Когда схватил, повернул к себе, узнала. Как ненормальная была. Рвалась на родину, он меня не пустил, как знал, почему. Оставил меня в Германии на четыре года. Он восстанавливал коммуникации в городах, а я полгода лежала в госпитале, пока не пришла в себя. В Германии я была вольнонаёмной. Жёны к офицерам стали приезжать после 47-го года, когда разрешили. Офицеры из СМЕРШа пересказывали содержание писем на родину, мы, мол, пьём кофей в постели, на машинах ездим, кофей пьём из золотых чашек.

Немцы порядок любили, орднунг. Работала в концлагере: шкафчики для грязной одежды, для чистой.

Два с половиной года провела в лагерях. В Бухенвальде я была в группе сопротивления. Нас готовились сжечь, но печи вышли из строя. Ждали расстрела, копали себе ямы, траншею. Меня спасли товарищи, руководил один мужчина. Поменяли мой номер на номер умершей. Меня как мёртвую положили на её место на нарах. Усло-

вились меня положить в траншею сверху. Положили, но сверху уложили ещё три трупа. Пришла другая команда, посыпали фосфором, я вылезла кое-как и спряталась в кустах. Еле жива, в том месте одежда была приготовлена. Траншею подожгли, фосфорный дым на меня. Бежала, попала в Равенсбрюк. Там тоже готовились нас расстрелять, устанавливали пулемёты, но подоспели англичане, спасли. Бежала несколько раз из лагерей. Один раз, когда лагерь разбомбили. Всегда ловили. А куда убежишь?

— Приехали в Таганрог, на работу не принимают — была в плену. Обратилась в КГБ, мне посоветовали поработать у них с год. Я поработала — сколько грязи! Столько доносов! Работала секретарём-машинисткой. И правда, после этого года меня стали принимать на работу.

Однажды в саду на лавочке, смотрю, сидит сгорбленная старушка, жёлтая, иссушённая. Когда посмотрели друг другу в глаза, узнали. Она была в лагере со мной. Но что с ней стало?! Старуха в 30 лет. Без зубов, сморщенная. Оказалось, их после лагеря, проверки, всех погрузили в вагоны и на свинцовые рудники. Та же участь ожидала и меня.

Когда я уехала в Горький, четыре года высылала ей в Таганрог деньги и продукты. У неё никого не было, ютилась где-то в подвале. Когда перевод пришёл назад, я поняла, что она умерла.

В Таганроге увидела ещё одну знакомую, с которой была в лагере. Она добровольно работала на немцев переводчицей. Мне ничего плохого она не сделала, но другим — да. Увидев меня, побледнела. Я сказала, что не отпущу её. Повела в органы. Но дело её быстро замяли, муж — майор.

— По возвращении в Горький мне пришлось поработать несколько месяцев ночной секретаршей в органах. После сцен допросов и попыток подозреваемых я почувствовала, что у меня начинается то же, и ушла. Взяли на фабрику. Кем только не работала, пока не попала в филармонию администратором. До войны училась в Горьком на артистку — ещё в школе решила ею стать. После войны было не до того. После концлагеря одно в голове — выжить. Сначала главная забота — муж. Из Германии привезла много вещей, украшений. Всё ушло на лекарства мужу. Но всё напрасно. В Таганроге его похоронили без меня. Могила его потерялась.

Я знакома со многими артистами, знаю Сличенко, звоню ему, когда бываю в Москве. «Коля, ну как дела?» — «А, Валентина Сергеевна? Жду!» Заходила в гости к нему. Помимо гастролей, Сличенко несколько раз приезжал в Горький менять машину. Им — без очереди.

Когда к нам приезжают филармонии, балеты, оперы, билеты приходится распространять через парторганизации. Зал всегда полный. Однажды приехал какой-то джаз иностранный и среди них американец. Что делать? Город-то закрытый. Кое-как разрешили. Но за ним следило несколько сыщиков из-за кулис.

Сейчас у меня однокомнатная квартира. Необходимые продукты достаю через связи в Горьком и Москве. В Горьком живёт старшая сестра Зоя, старше на четыре года. Зоя ходит в бассейн два раза в неделю. Внук её в 5 классе, уважает меня, просится со мной в лес, слушает про деревья, птиц, цветы, и терпеть не может бабушкины наставления — слушает её, качая ногой, с отсутствующим взглядом и монотонным поддакиванием. Он уважает меня за требовательность и настойчивость.

— Траву я стала употреблять ещё в концлагере, сурепку, полынь настаивала на воде и пила. Мама у меня много знала по этой части, жалею, что не успела записать. Пойдём в лес, она: это заячья капуста, это дикий лук, это... Поехала на две недели в Ялту, она отговаривала. Вызвали телеграммой — умерла.

Я познакомилась с врачом в Горьком, она третья в поколении своём, кто занимается лечебными растениями. Рассказывала, когда была в Юрьевце, познакомилась со старушкой, молоко брала у неё, она и травы знала. Оказалось, это была моя мама. Эта врач подарила мне свою книгу по лекарственным растениям.

Тётя Валя сказала, что не любит Достоевского и других писателей, копающихся внутри человека, пишущих тяжело. Обратила внимание у меня дома на Набокова, я объяснил, о чём он пишет, она отказалась читать.

Заметила: «Раньше люди были лучше, добрее, больше порядка было, дисциплины, боялись, снижения цен были, их ждали — при Сталине».

Послесловие. Она набросилась на меня, как квочка на ястреба, когда увидела мои дневниковые записи: «Ты что же это пишешь?! Я не хочу больше сидеть! Я подписку давала. А если ты пострадаешь, то и другие, о которых ты пишешь». Заставила меня удалить подробности работы следственных органов в Таганроге и Горьком. И посоветовала быть осмотрительным.

Мне не понравилось, что тётя Валя залезла в мои дневники. Накануне, за ужином, я признался ей, что у меня такое ощущение, будто я знаю её давно. Я не кривил душой. В нашу семейную жизнь она вошла как-то стремительно, открыто, и мы испытывали к ней искреннюю симпатию. Её трагедия — одиночество. Общаться с ней нелегко. В основе своей она положительный, с советскими нравственными принципами, человек.

Владислав ЛАРИН

ПОСЛЕДНИЙ СБОР ...

**...металлолома пионерами средней школы №92
в сентябре 1970 года**

Тёплый осенний день. Солнечно. Мы, четвероклашки, бежим вниз по широкой школьной лестнице. Она кажется особенно широкой по сравнению с лестницами тех пяти- и девятиэтажек, в которых мы живём. На тех лестницах два человека не могут разойтись. А здесь — хоть в пятером!

Утром наша школа собирала металлолом. По дороге из дома на уроки каждый из нас внимательным взглядом юного разведчика шарил по округе, высматривая железяки покрупнее. Рядом со школой — забор очень большого и очень секретного военного предприятия. Видимо поэтому всяких железок вокруг валялось множество. Родители запрещали нам приносить домой найденные на улице металлические предметы — особенно если они были блестящими. Слова «нержавейка» мы тогда не знали, зато знали, что эти блестящие железяки отчего-то опасны. Посуда и ложки-вилки в домах были преимущественно

из «крылатого металла» — алюминия. Его везде было завались, поэтому он не интересовал ни нас, ни наших учителей, которые также соревновались между собой — чей класс насобирает больше металлолома. Учителя нам говорили, что таким образом мы помогаем родине (с большой буквы Р). Блестящая нержавейка попадалась редко, поэтому приходилось довольствоваться ржавыми кривыми обрезками каких-то неведомых конструкций.

Не всё из найденного по пути в школу один десятилетний школьник мог дотащить своими силами. А после звонка на первый урок пришлось вообще остановить охоту и отправиться получать знания. Самые младшие классы в сборе железа не участвовали, поэтому наши четвёртые классы, стаскивающие металл в одну «общую кучу четвёртых классов» — как сказала старшая пионервожатая нашей школы, руководившая процессом, оказались в положении «бесполезной мелюзги» — как сказал главный хулиган нашей школы, куривший рядом за углом. В результате наша куча ржавого железа оказалась самой невыразительной из возвышавшихся на школьном дворе металлических завалов. Зато восьмые классы особенно постарались — гора железа с нарисованной мелом восьмеркой на огромной металлической двери от трансформаторной будки торчала на площадке перед школой — как Пик Коммунизма в окружении всяких трех- и пятидесяти тысячников (с географией у меня всё было в порядке).

Десятиклассники, у которых на отворотах серых школьных пиджаков блестели комсомольские значки, старались руководить процессами, справедливо полагая, что на правах старших товарищей потом смогут натаскать металл из соседних куч в свою. На них равнялись девятиклассники, у многих из которых комсомольских значков ещё не было, но пионерские галстуки носить уже вроде как не полагалось. Впрочем, как и собирать металлолом. Да и вообще — участвовать в делах школы было ниже достоинства нормального девятиклассника. Так что они тоже добивались успехов в сборе металлолома за счет младших товарищей.

В результате происходивших у нас на глазах процессов перераспределения, когда мы смотрели из окна нашего класса на школьный двор — сравнивая достижения, то с негодованием видели четверку, написанную мелом на асфальте, а не на дырявом ведре, которое власт-

ной рукой было перекинуто в соседнюю кучу. Это также не понравилось нашей «классной». Поощрять разграбление нами соседних железных куч на виду у всей школы она не могла, а вот отпустить нас с продлёнки, чтобы вместо приготовления уроков позаниматься нужным школе и родине (с большой буквы Р) делом она могла.

Так вот, мы — четвероклашки, бежим вниз по широкой школьной лестнице. Выбегаем на школьный двор и направляемся к воротам соседнего очень секретного предприятия. Эти ворота в высоком сером заборе, с колючей проволокой в несколько рядов, появились задолго до того, как была построена наша школа, да и высокий длинный дом, гуманно отгораживающий школу от территории секретного предприятия. Говорят, на нём делают что-то такое, что может плохо подействовать на наше здоровье. Так что это «что-то» пусть действует на здоровье жителей длинного дома — пока мы подрастём и сами придём работать на этот завод.

Ворота почти всегда закрыты. Но иногда по дороге из школы мы видим их немного приоткрытыми и оттуда торчат несколько голов в солдатских ушанках. Это стройбатовцы в грязно-зелёных драных солдатских ватниках. То, что это стройбатовцы, мы узнаем по эмблемам с солдатских погонов и петлиц, которые они горстями кидают нам. Похоже, у них на секретном заводе эти эмблемы делают в любом количестве.

Мы начинаем их подбирать, и это дает повод бойцам строительного фронта начать разговор. Интересует их всегда одно и то же — есть ли у нас сёстры и можем ли мы их привести познакомиться. У меня сёстры есть, но они живут в других городах, поэтому привести их я не могу. Так что строительных эмблем у меня мало. У моих приятелей сестёр тоже нет — в то время два ребенка в семье московской интеллигенции было редкостью. Но это демографическое обстоятельство не мешает им обещать невозможное. Так что у моих приятелей этих самых эмблем полно, и они ими охотно меняются.

Сегодня утром ворота были приоткрыты, но головы стройбатовцев оттуда почему-то не торчали. Такое вообще-то бывает, но очень редко. Один из нас, высматривая, где бы утянуть кусок металла побольше, заглянул в щель ворот. Оказалось, что за этими воротами неаккуратно свалена гора разного железа — трубы, листы, обрезки — просто зава-

лись. И ржавые, и блестящие! Сейчас мы бежим туда. Вдруг ворота всё еще открыты.

Ворота приоткрыты. Бойцов стройбата нет. Гора железа лежит на прежнем месте. Нас много и в несколько заходов мы перетаскиваем железо на школьный двор. Все таскают, а трое сторожат, чтобы наша добыча не расхищалась старшеклассниками. Все в азарте, всем хочется участвовать в набеге, поэтому сторожить приходится по очереди. Теперь нам не стыдно за свой четвертый класс — наша куча самая высокая.

Только чего это к нам бежит лысый дядька, который вроде бы гонится за последними участниками нашего сбора металла. Он что-то кричит. Странно, чего это он злится — мы же стараемся для родины (с большой буквы Р). Участники сбора железа отступают к школе, где их уже встречает все руководство в полном составе — директор, три завуча, физрук, военрук и старшая пионервожатая. Давненько мы не видели их всех вместе. Они выглядят недовольными и как будто встревоженными. Кажется, им откуда-то позвонили и что-то сказали.

Следом за лысым дядькой прибежали ещё люди с приборами, которыми они стали тыкать в нашу кучу металла, а потом в соседние. Гражданская оборона у нас начиналась со второго класса, поэтому как выглядит и как работает прибор радиационной химразведки теоретически мы знали. По гражданской обороне у всех нас были пятёрки. Про фосген, дифосген, зарин, заман, вигазы и поражающий радиационный фактор, а также как ложиться на землю если перед тобой возникло облако атомного взрыва мы знали больше, чем современные четвероклашки знают про устройство компьютера...

Так вот, приборы радиационной химразведки трещали как сумасшедшие, и это сильно огорчило взрослых. Зато порадовало нас — наконец-то мы увидели на практике, как они работают в условиях радиационного загрязнения местности после применения «атомного поражающего фактора». Для этого врагам нашей родины (с большой буквы Р) даже не пришлось сбрасывать бомбу на нашу школу — за них всё сделали дядьки с соседнего очень секретного предприятия.

Нас загнали в школу и заставили несколько раз помыть руки с мылом, велели дома как следует постирать всю одежду, в которой мы собирали металлолом, а из-за забора пригнали толпу грязных и

оборванных стройбатовцев — их почему-то называли взводом солдат, которые быстренько вернули весь металл обратно. И тот, что притащили мы, и тот, что был утром собран другими классами. Сбор металлолома нашей школой был провален, но нас даже не ругали. Мы поняли — и наше школьное начальство, и дядьки из-за забора не хотели, чтобы ещё кто-то — в том числе наши родители, сами работавшие на соседнем очень секретном военном предприятии — узнал о наших успехах в деле сбора металлолома для родины (с большой буквы Р).

Больше наша школа не участвовала в сборе металлолома. Нас «перекинули» на сбор макулатуры...

... макулатуры пионерами средней школы №92 в мае 1975 года

Сколько себя помню в этой школе, а пришёл я в первый класс в сентябре 1967 года — всегда здесь по весне собирали макулатуру. Хотя, не только по весне. Бывало, что и зимой посреди урока в класс входила старшая пионервожатая и строгим, но как будто извиняющимся голосом сообщала, что завтра — сбор макулатуры и каждый должен принести не меньше пяти килограммов. Как измерить? Ну, это примерно вот такая пачка газет — и старшая пионервожатая руками показывала размеры ожидаемой пачки.

Прежде с пачками пыльных газет проблем не возникало. В нашем довольно интеллигентном доме (рядом — большое и очень секретное научно-производственное предприятие) в каждой квартире кроме «обязательных» к подписке для коммунистов, комсомольцев и пионеров газет «Правда», «Комсомолка» или «Пионерская правда», выписывали толстую и местами довольно интересную «Литературку», официально-бравый «Огонёк», а временами — менее обязательные «Труд» и «Известия».

От одного сбора макулатуры до другого проходило столько времени, что на балконе нашей квартиры успевало накопиться несколько больших и сильно запыхавшихся пачек газет. Самым главным в этом деле было отнести как можно больше пачек в школу и не слишком сильно перепачкаться. В школе весь этот принесённый пионерами бумажный хлам сваливали у дверей. Если зимой, то внутри школы,

если летом — снаружи. И эта куча лежала неохраняемая — иногда по несколько дней — пока её не увозили куда-то на грузовике.

Но в 1973 году что-то стало меняться. Именно к этому времени относится анекдот, когда киоскёра — продавца газет-открыток-конвертов-папирос, сидящего в узком деревянном стакане будки «Союзпечать», спрашивают, какие есть газеты. Ответ был обычный: извести нет, правду продали, остался труд за три копейки (цена газеты «Труд»...

Неожиданный звонок в дверь. Открываешь — за дверью несколько мальчишек и девчонок в расстёгнутых куртках и пионерских галстуках, которые одновременно пытаются позвонить во все квартиры на этаже. Вопрос один — нет ли у вас макулатуры? А то нам в школе дали непосильное задание — собрать пять тонн, которое мы хотим перевыполнить. Ответ простой — самим надо, и закрываешь дверь. Но мысль интересная, и мы с товарищем из моего дома решаем обойти соседские квартиры с более интересным вопросом. Поскольку макулатуры у нас полно, мы, позвонив в дверь и дождавшись обычного «кто там», спрашиваем менее конкретно — нет ли у вас книг для школьной библиотеки или хотя бы макулатуры?

Собранную макулатуру — преимущественно газеты — мы сваливаем под лестницей на первом этаже. Потом отдадим кому-нибудь. А книги с интересом рассматриваем. Конечно, кое-что попало и в школьную библиотеку. Библиотекарша была милая пожилая тётя, которая выделяла меня из толпы в полторы тысячи учащихся нашей школы, поскольку я интересовался не столько учебниками, сколько книгами, которые приходил полистать на перемене. И даже газеты почитывал... Поэтому она неожиданно радовалась, когда мы не украсть пытались что-нибудь интересное с полки, а наоборот — приходили с пачками книг для её библиотеки. Но всё самое интересное, конечно, оседало на моей детской полке в семейной библиотеке.

Судя по всему, случилось невероятное. В СССР — самой лесной стране на планете — стали возникать проблемы с бумагой. Именно с этой ситуацией была связана расхожая шутка: что будет в пустыне Сахара, если там установится социализм? Разумеется, начнутся пе-

ребои с песком... С чем была связана нехватка бумаги — неизвестно. Может, на экспорт стали много продавать, а может — что-то военное из древесины стали делать. Порох какой-нибудь или ракетное топливо. Есть и такая версия, что весь лес был использован на шпалы для БАМа (Байкало-Амурской магистрали), которую в ту пору начинали строить.

И кому-то сильно умному «где-то там — наверху» пришла идея — выдавать гражданам право на покупку дефицитных книг в обмен на сданную макулатуру. Отстоял очередь, сдал двадцать килограммов бумаги по две копейки за килограмм, получил сорок копеек, а в придачу — талон, на котором написаны желанные слова «Женщина в белом» или «Королева Марго» и наклеены марки, подтверждающие, что это тебе награда за двадцать килограммов сданное родине (с большой буквы Р) макулатуры. Разумеется, приносить макулатуру в школу учащиеся перестали. А задания из всяких райкомов продолжали «спускать» на головы школьного пионерско-комсомольского комсостава. Надо было что-то придумывать...

Какими-то угрозами в мае 1975 года школьному руководству удалось заставить октябрят и младших пионеров принести в школу по несколько килограммов макулатуры. Но поскольку все газеты были сданы в обмен на вожденную «Королеву Марго», в пачках макулатуры стали преобладать книги. Школьники помладше проходили мимо лежащей возле школьной двери кучи «макулатуры», швыряя в неё принесённые пачки разных бумажных изделий и отправлялись в свои классы. Но эту кучу макулатуры оставлять без охраны уже было нельзя — кроме меня в школе было ещё несколько любителей почитать книжечки. Да и всякие юные фарцовщики-букинисты уже стали понимать толк в стоимости некоторых категорий «печатной продукции». В куче принесённой макулатуры я нашёл — пока охрана куда-то отошла — тома большой и малой советских энциклопедий, книги малоизвестных, но многотиражных советских писателей, пачки журнала «Америка» и «Советский Союз», связки детских рассыпающихся от времени книжонок, разрозненные тома «дореволюционных» книг...

За рассматриванием этих бумажных богатств меня застучала старшая пионервожатая. С ней был кто-то из нашего школьного комсо-

мола. Но вместо того, чтобы начать меня прогонять, они оба полезли вверх по куче макулатуры и стали быстро сбрасывать вниз какие-то книги. Я с изумлением следил, как они роются в принесенной макулатуре — словно пара библиофилов на книжном развале они стремительно перебирали и откидывали книги. К моим ногам полетели материалы последних съездов КПСС, речи и статьи товарища Брежнева, тома Карла Маркса, туго связанные пачки газеты «Правда» за тридцатые годы XX века. Я тогда ещё не знал, что эти газеты в Ленинской библиотеке можно получить из секретного архива материалов КПСС только по «спецразрешению». В завершение к моим ногам посыпались связки собраний сочинений Ленина, Сталина, Энгельса...

Политическое руководство школы было бледно и выглядело ошарашенно-испуганно. К их счастью, прозвенел второй звонок и мне пришлось отправиться в свой класс. Когда на следующей перемене я вышел из школы — кучи сданной макулатуры возле дверей не было. Больше в нашей школе сборов макулатуры не объявляли. Хотя я слышал, что потом несколько дней в школу приходили родители пионеров и октябрят в поисках книжных богатств, исчезнувших с полок домашних библиотек. Сомневаюсь, что им удалось вернуть хотя бы что-нибудь...

Галина ГАШУНИНА

ОПРОВЕРЖЕНИЕ

«Злословие и клевета не имели бы такой силы, если бы глупость не пролагала им путь» (Александр Дюма-отец)

Вообще-то мне мало дела до суждений француза Альфонса Доде, тем более что и имя его не вызывает у меня симпатии. Но моё внимание привлекла крайне противоречивая оценка, данная им нашему Тургеневу.

С нескрываемой гордостью за Отечество узнала я о большом интересе, вызванном и творчеством, и самой личностью русского писателя в литературных кругах Франции.

Иван Тургенев был представлен Доде Флобером. Тогда француз впервые увидел автора «Записок охотника», которые когда-то привели его в восторг и побудили познакомиться с другими работами Тургенева. Доде почувствовал связующую нить с русским писателем: их объединяла общая любовь к полям, перелескам, к природе, одинаковое понимание её превращений. Доде уяснил истоки вдохновения автора и сделал вывод, что он обладает участливой и сострадательной душой, а также «многообразной музыкой ощущений», умело воспро-

изводя их в своих произведениях. Уже тогда Доде возвел Тургенева в ранг богов на своем литературном Олимпе. Отношение его к доброму русскому великану, который таким казался окружающим, было возвышенным.

После личного знакомства пришла дружба, скреплённая устраиваемыми Флобером собраниями пяти литераторов в виде совместных обедов. Да и непосредственно они встречались не раз. И потому хорошо изучили пристрастия и привычки друг друга. Все разговоры о литературе велись с открытой душой, без лести, без взаимных восторгов. В совершенстве владея французским и немецким языками, Тургенев знакомил французских писателей с творчеством Гете, которого во Франции плохо знали. Переводя немецкого поэта, Тургенев импровизировал, и писатели, по словам Доде, «слушали не лживый перевод, который засушивает и мумифицирует — сам Гете оживал и разговаривал с ними». Когда обсуждение книг заканчивалось, велись беседы о вечных истинах, говорили о любви и смерти. Бывал Доде и в семействе Виардо, в котором Тургенев, не имея своей семьи, по его собственным словам, примостился на краешке чужого «гнезда». В последний раз Доде увидел совершенно больного и очень страдающего Тургенева за два месяца до его кончины. Пройдет немного времени и Доде сообщат, что Тургенев при смерти. Тогда француз скажет, что ему трудно поверить в роковой исход болезни, что для прекрасных, могучих талантов должна бы существовать отсрочка, чтобы они успели всё сказать.

Конечно же, он был среди многочисленной публики, прощавшейся с большим русским писателем в местечке Буживаль под Парижем. Доде очень сожалел о кончине друга. Как он скорбел, доподлинно нам неизвестно, но этот человек, любивший жизнь и радовавшийся даже мелочам, «плакать тоже умел» (по словам Анатоля Франса).

Удивительное дело — возвышенное и уважительное отношение Доде к Тургеневу после его смерти неожиданно меняется, и в своих воспоминаниях о писателе в мемуарной книге «Тридцать лет в Париже» он называет его притворщиком и упрекает в вероломстве. Оказывается, годом ранее русско-французский журналист, переводчик и исследователь Павловский опубликовал на французском языке «Воспоминания об Иване Сергеевиче Тургеневе», в них Доде со странным

ощущением неправдоподобности и нереальности увидел поношение себя и как писателя, и как человека. Павловский писал якобы словами Тургенева: «Доде! Какое ничтожество! Он всего лишь подражатель Диккенса. А как человек! Что за тип! Хитрый южанин, притворщик, себе на уме, умеющий устраивать свои делишки!» («Souvenirs Sur Tourgueneff par Isaak Pavlovsky», Paris, 1887, с. 73).

Чувство горечи и двойственного поведения Тургенева охватило француза. Он не понимал, как такое возможно. К счастью, на любое действие есть противодействие. Откровения Павловского потерпели фиаско. Мы можем только гадать, что руководило журналистом при публикации нелицеприятных высказываний Ивана Тургенева. Жажда сенсации, желание заявить о себе? Да и были ли произнесены эти слова, оценивающие французского писателя? Ведь никто их не слышал. Мог ли сам Тургенев, человек высокой культуры, знающий цену дружбы, глубоко переживавший случавшиеся разлады с отечественными литераторами, допустить такие высказывания? Эмиль Золя считал, что любому писателю «позволительно сохранять неприкосновенным свое интимное суждение, невзирая на симпатию его натуральных отношений» (Новое время, 1893, 28 октября), и писал о том, что Тургенев считал искусство Доде «немного узким», но и только.

Обидное недоразумение, возникшее в результате бестактности мемуариста Павловского, было улажено благодаря первому собиравшему писем Тургенева литератору Гальперина-Каминского. Отвечая на его обращение, поэт Яков Полонский, близкий друг Тургенева, общал: «Тургенев даже в самых откровенных беседах о французских писателях отзывался о них с большим уважением. Он гордился дружескими отношениями с ними и очень любил их».

В переписке с Салтыковым-Щедриным Тургенев критиковал современную ему литературную реалистическую школу во Франции, но ничего «обидного или вероломного в его суждениях не было».

Кстати, журналист Павловский был многим обязан Ивану Сергеевичу Тургеневу и как литератор, и как эмигрант. Но, увы, это не помешало ему опубликовать пасквиль на писателя, уже ушедшего из жизни. Гальперин-Каминский в результате своей исследовательской деятельности назвал Павловского «лжесвидетелем». После прочтения статьи Гальперина Доде писал ему: «Письма Тургенева, собранные

вами и сопровождаемые вашими тонкими и умными комментариями, изменили мои чувства к великому русскому писателю. Да, вы правы, Тургенев не был вероломным, он не двуличен». В газете «Figaro» было опубликовано интервью с Альфонсом Доде, в котором писатель повторил, что он всегда считал себя «другом Тургенева и очень любил его».

Получив опровержение, Павловский не вступал в дальнейшую полемику и имя его в истории упоминается исключительно в отрицательном ключе. Можно только гадать под влиянием злого умысла или глупости были включены им недобрые слова в Воспоминания о Тургеневе. Вот и оставил журналист о себе некрасивую память на века. А нашего Тургенева мы как ценили, так и ценим. Как же важно не руководствоваться сиюминутными настроениями, не жить одним днем, а смотреть в будущее и понимать, чем может откликнуться невзначай, а, может быть, и намеренно сказанное недоброе слово.

ДМИТРИЙ ВОРОНИН

ЭЙНШТЕЙН

Иосиф Сигизмундович Сиропчик актёром в губернском театре числился замечательным, играл там с молодых времён и, почти всегда, с неизменным успехом. Аншлаги, букеты с признательными записочками, следы губных помад на щеках — всё это каждодневно пребывало в жизни заслуженного лицедея. Исключения выпадали только на сроки болезней, отпусков и ремонта сцены. Ролей всяческих за свою долгую творческую жизнь Иосиф Сигизмундович опробовал немерено, от героев-любовников, до царей и богов Олимпа. Да как отыграл, шельмец! Поклонники дарили ему коньяк и водку, виски и портвейн. Поклонницы, что в партере, что на галёрке, рыдали от восторга, всякий раз порываясь в конце представления забраться на подмостки и облобызывать своего кумира, или удушить его в объятиях. Да и актриски особо не отставали. Как входили в раж, играя жён и любовниц героя в различных мелодрамах, так и после их окончания продолжали в за-

сос целовать Сиропчика, закатывать ему скандалы, бить пощёчины и пытаться уехать к нему домой. Может такую афёру кому-то и удалось в конечном итоге повернуть, если бы не Капа — законная супруга Иосифа Сигизмундовича. Капиталина слыла женщиной строгой, постоянной и решительной. К тому же и веса была солидного, не в пример всем этим комедианткам. Могла и прибить ненароком. Иосю Капа прибрала к рукам ещё до его поступления в театр, забрав пьяненьким исхудавшим студентиком из привокзального кафе, где работала на тот момент поварихой, к себе домой. Иосифу у Капы понравилось настолько, что он через неделю сделал ей предложение. С того момента все бытовые заботы покинули Сиропчика раз и навсегда. Правда вместе с ними исчезла и возможность крутить романы на стороне, но с этой утратой Иосиф Сигизмундович быстро свыкся, предварительно получив от Капиталины несколько ударов скалкой по голове и заработав от неё же перелом носа и пару десятков фингалов.

Капиталина театр не любила, считала его рассадником разврата, и являлась туда только по вечерам, чтобы отвезти своего благоверного в семейное гнездо, вырвав его из хищных когтей обожательниц.

— Ося, — грубо отталкивала она плечом очередную зазевавшуюся поклонницу, — опять?

— Что ты, Капушка, — пьяненько улыбался супруге Иосиф, — и даже в мыслях ни-ни.

— Знаю я, какое ни-ни, тебя и на минуту оставить без присмотра нельзя, — выдёргивала Капиталина из рук триумфатора цветы и всучала ему взамен пару пакетов, наполненных продуктами, которые успевала купить в супермаркете напротив.

— Ты за своей Капой, как за китайской стеной, никакие цунами не страшны, — завидовали Сиропчику его бобыли-сослуживцы.

И всё бы хорошо, да только вот...

Практически от всех дурных привычек отучила своего Осю Капа, но не от спиртного. Тут Сиропчик проявил упорное сопротивление:

— Что ты меня последней радости жизни пытаешься лишить! — огрызнулся каждый раз Иосиф Сигизмундович на очередные попреки со стороны жены, что вечно у него по вечерам zenки залиты. — И так полностью под тобой хожу, оставь хоть тут кусочек свободы. Я, к тому же, дома вообще ни грамульки в рот не беру без твоего разрешения. Только

и отдыхаю, что на работе, где рюмочку-другую по ходу спектакля в себя опрокидываю. Вот и отстань хоть там.

Капиталина и отстала, махнув рукой на последнюю мужнину блажь.

Но вот в театре от такой блажи Сиропчика за многие годы откровенно устали. Иосиф Сигизмундович очень даже спокойно мог и на зрителей накинуться в середине последнего акта, находясь под парами водочки или портвейна:

— Чего припёрлись? Сидите тут, глазеете. На Сиропчика посмотреть? Нравится вам Сиропчик? Ну смотрите, где вы ещё такого гения увидите!

После подобных отступлений от репертуара, администрация впадала в истерику, грозила лишить Иосифа Сигизмундовича тринадцатой зарплаты, всех премий и бонусов, отстранить от спектаклей и вообще уволить по статье за профнепригодность. Сиропчик винулся, на неделю прекращал прикладываться к стакану, но потом всё повторялось. Приходилось терпеть и дальше его выходки, понимая, что альтернативы герою-любовнику и царю-батюшке в труппе просто нет.

Однако, как только у бога Олимпа наступил пенсионный срок, директор театра Парнас Рожденович Бубашвили тут же пригласил его в свой кабинет и сходу объявил:

— Всо, Ёсиф Сыгизмундыч, твой служба артыста в нашым тэатрэ закончылся, хоть ты и гэний канэчна. Но зная тваи заслуги и любов народа мы тэбя нэ виганяем. Мы тэбя просим пэрэйти в суфлоры. Ты вэсь рэпэртуар, как сваи пят пальцев знаэш, наизуст виучил, будиш падсказыват из бутки. Нэ спорь, ми тэбэ чэст аказываем. Главным суфлором дэлаем. Согласэн?

— Согласен, — тут же дал добро Сиропчик, представив себя полностью во власти Капиталины.

— Вот и замечательно, — обрадовался положительному ответу Парнас Рожденович. — Праводым тэбя на пэнсию, как бога! Паздравым со всём уважэнием. А чэрэз нэдэлю занымай бутку, она твая. Ужэ сэчас можэш сматрэт новая мэсто.

Иосиф Сигизмундович не стал оттягивать процесс освоения нового места работы, отнёс в суфлёрскую кабину из своей гримёрки любимый стул, подобрал удобную подушку и даже умудрился прикрепить

к стене навесной столик под графин с водой. В общем создал себе максимально приемлемые условия для долгого малоподвижного нахождения в теснённом пространстве.

Поначалу за Иосифом Сигизмудовичем оставили почти такую же зарплату, что он получал в актёрах, но с условием ежедневной озвучки текстов.

— Будешь начитывать все мои сложные пьесы, — наставлял его главреж Сакалаускас. — Но ничего Ёсеф, ты — человек опытный, почти весь репертуар наизусть знаешь, справишься.

— Мишка, всё будет нормалёк с моей стороны, — чокнулся с Миндаугасом фужерами Сиропчик. — Главное, чтобы актёришки повторяли правильно, а так, ноу проблем.

— Особое внимание нашей приме Афродите Снежной.

— Фроське, что ли?

— Ну да, Афродите. Ты же понимаешь, за ней стоит Парнас Рожденович, поэтому сбоев быть не должно, от этого и наш гонорар зависит, и наше место. Память у неё короткая, роли не запоминает, что будешь ей в уши вдвухать, то и в зал улетит.

— Да знаю я, эту Снежную, как облупленную, не раз вместе на сцену выходили. Мозгов никаких совершенно. Я этой дуре и во время спектакля постоянно её текст наговаривал. Бездарная пустышка.

— Тс, — опасливо покосился на дверь Сакалаускас, — Может мозгов у Афродиты и нет, зато Парнас Рожденович есть и формы какие! Пальчики оближешь. На неё мужики из прокуратуры и следственного изолятора ходят. Сам губернатор букет присылает, так что...

— Это конечно, формы у неё волнительные, почти как у моей Капы, тут не поспоришь. Ей бы на рынке торговать, цены б бабе не было.

— На рынок её нельзя, — улыбнулся главреж, — складывает плохо, проторгуется.

— Судя по ору из бухгалтерии после выдачи зарплаты, со счётом у неё всё в порядке, — ещё раз чокнулся с Сакалаускасом Иосиф Сигизмудович.

— Да ладно тебе, Ёсеф, пусть играет, жалко, что ли. Твоё дело теперь — подсказать вовремя, а не рядом с ней на сцене прыгать, — закусил коньячок ломтиком лимона Сакалаускас.

Через пару месяцев Афродита Снежина ластилась к директору Бубашвили

— Ой, Парнасик, какой ты шутник оказывается. Сиропчика в конуру, как дворнягу какую, загнал. Там ему самое место оказалось. Ещё б на цепь посадил, вообще прикольно было б на него смотреть. Ав-ав.

— Гы-гы-гы, — заржал Парнас Рожденович. — И мыску пэрэд мордай паставит. Гы-гы-гы.

— И косточку туда положить.

— Гы-гы-гы.

— Люблю тебя, Парнасик, — чмокнула в затылок директора Афродита.

— И я тэбя, Арфочка, — расплылся довольной улыбкой Бубашвили.

— Знаешь, Парнасик, мне теперь в сто раз лучше играется, когда Сиропчик в будке сидит. Я и слова не зубрю, и перегар его не нюхаю.

— А я тэбэ, Арфочка, всэгда гаварыл, что Ёсиф — гэний. Он, что на сцэнэ, что пад сцэнай, адынакава харош.

— Хи-хи-хи, шутничок ты мой.

— Шютка-шюткой, но тэбэ же лэгчэ стало, да?

— Легче, золотце моё, намного легче.

Спустя ещё месяц прима-актриса жаловалась директору.

— Парнасик, Сиропчик пьёт, паразит. Я к концу спектакля сегодня уже задыхаться стала от его перегара. Сначала на партнёра подумала, что он на грудь принял для смелости. Бойся меня обнимать на сцене. Но нет, не воняло от Безрукавкина. Подошла к будке специально, а оттуда разит, как из помойки, и глаза у Сиропчика красные.

— Харашо, пупсык, я с ным пагавару завтра, сдэлаю внушэний.

— Сыгызмундыч, нэ пэй, да? — выговаривал Бубашвили стоящему перед ним суфлёру, утопая в директорском кресле. — От тэбя пэрэгар на вэс тэатр, слюшай. Афрадыта задыхается уже савсэм, скоро отравится, ты этого хочеш?

— Я не пью, Афродита наговаривает.

— Э, Ёсиф, знаю тэбя, — развёл руками Парнас Рожденович. — Прэмию нэ дам, оклад заныжу, еслэ паймаю.

Следующим вечером почти сразу после второго антракта из суфлёрской будки раздался такой мощный храп, что актриса Снежная аж вскрикнула от испуга, а публика разразилась безудержным хохотом и устроила бурные авации.

— Сыропчык, ты алкач, да? — в ярости вышагивал вдоль своего стола Парнас Рожденович, злобно посматривая в сторону виновато сидящего на стуле Иосифа Сигизмундовича. — Ты нэ можеш бэз водки, да? Ты спэктаклю чут нэ сорвал вчэра, храпэл на вэс зал! Чэго малчыш? На пэнсию савсэм захатэл? Гавары.

— Я не пил, — пробубнил в ответ Сиропчик. — Устал просто, постановка очень длинная, вот и уснул. С кем не бывает.

— Какой — устал проста? — остолбенел Бубашвили. — Какой — уснул? Какой эщо — с кэм нэ бывает? Са мной нэ бывает. Нэ пил он! Я сам лычно графын твой нухал и стакан тожэ. Водку пил!

— Враги, — ещё тише проговорил Сиропчик, — завистники. Они подлили.

— Какой — враги? — опешил Парнас Рожденович. — Какой — завистныки? Ты эщо скажи, что это Афрадита тэбэ водку налила.

— Не знаю, не видел, может и она, та ещё штучка, — прошептал суфлёр, упорно смотря под ноги.

— Ты что, савсэм идыёт? — заорал Бубашвили на бедного Сиропчика. — Ты эщо скажи, что это я тэбе чачу наливал. Вот что, Ёсиф, эщо раз уснеш на работа, потом будэш дома досыпат вмэстэ с Капай навсэгда. Понэл мэня, да?

— Понял.

— Ну и атлычна. А пака за табой началнык пажарной снюжбы Падкарытав прысмотрит. Будэт пэрэд работай графын твой нухат и карманы сматрэт.

Месяц Сиропчик держался, ходил трезвым и хмурым. То ли жёсткий контроль Подкорытова повлиял на суфлёра, то ли перспектива остаток жизни провести исключительно в обществе Капы, но от Иосифа Сигизмундовича и на расстоянии нескольких метров совершенно не пахло алкоголем.

— Маладэц, Ёсиф, заслужыл прэмыю, — вручил персонально Сиропчику бонусный конверт Бубашвили.

Но уже через день раскрасневшаяся Афродита влетела в директорский кабинет и с ходу заорала:

— Парнастик, выгони немедленно эту дрянь из театра! Или он — или я!

— Что опят случился, дарагая?

— Эта скотина снова напилась и..., — разрыдалась актриса, уронив голову на стол.

— Опят захрапэл? — нахмурился Парнас Рожденович.

— Хуже.

— Что эщо — хужэ?

— Дурой меня обозвал безмозглой.

— И ты павэрила, голуб мая крылатая?

— О чём ты говоришь, Парнас? — слёзы тут же исчезли на лице Снежной, превратив её в холодную королеву. — При чём тут — поверила? Он меня при всех актёрах оскорбил, весь зал слышал, хохотал, хлопал, «браво» кричал. Выгони его!

— Успокойся, мой лубов, сэйчас выганю.

Разъярённый Парнас Рожденович бросился в суфлёрскую. Виновника скандала на месте не оказалось, и директор накинулся на Подкорытова.

— Гдэ этот свыня?

— Домой убежал, как только закрыли занавес.

— Пяный? Как мог напытса! Ты куда сматрэл? Карманы провэрал? Графын нухал?

— И проверял, и нюхал, не было спиртного.

— В пэрэрыв в буфэт хадыл?

— Никуда не ходил, в будке сидел.

— Тагда как?

— Не знаю, — пожал плечами Подкорытов.

— Завтра всё абыщи, провэр каждый шолка. Глаза с нэго нэ пускай.

Вернувшись в кабинет, Бубашвили нашёл там успокоившуюся Афродиту.

— Выгнал?

— Нэт. Нэ был его, дамой удрал.

— Завтра выгонишь?

— Сразу нэ магу, Арфочка, нада паймат, как на работэ пьёт, — виновато поцеловал ручку своей пассивной Парнас Рожденович. — Эсли бы на рынке работал у мэня, кагда я там дыректар биль, в одын сыкунд уволил би. И штраф эщо дал, и в морду. А тут нэ магу, интэлэ-гэнсыя, чорт её.

Две недели к ряду Сиропчик являлся в театр трезвым, а покидал его, что называется, на бровях, но обнаружить тару, из которой он пил, так и не удавалось. Его обыскивали, не пускали в буфет, отслеживали каждую его встречу с работниками театра — всё в пустую. Результата по выявлению алкоголя не было, а перегар был.

— Назначаю прэмию, кто Сыропчыка с бутылкай паймаэт. Тры аклада и бонус, — пообещал Бубашвили.

Восьмого марта играли «Чайку». В финальной части Снежная в роли Нины Заречной эмоционально признавалась Константину Треплеву со слов Сиропчика, доносившихся из суфлёрской:

— Я мелочная, ничтожная актриска, играю совершенно бессмысленно. Я не знаю, что делать с руками, они у меня словно грабли, сами по себе. Так и не научилась стоять на сцене, владеть голосом, память никакая, всё по подсказке. Короче, полная бездарность! И, главное, ведь понимаю, что играю ужасно, а всё равно прусь на сцену. Какая я чайка — я галка залётная. Нет, не то... Голова что-то совсем не варит. Одна пустота. О чём это я? А, о сцене... Я думала, что уже настоящая актриса, что я — чайка, но вы то знаете, что это ложь. Моё истинное предназначение — у прилавка стоять. Это мой путь, это мой крест.

Треплев в изумлении отвечал Афродите, еле сдерживая хохот:

— Да, вы нашли свою дорогу, вы теперь знаете, куда вам идти. Может и мне с вами?

— Я пойду одна. Я есть хочу. Прощайте.

Занавес дали чуть раньше, не дожидаясь конца пьесы. Зал ревел от восторга и требовал на «бис», Снежная билась в истерике на руках Бубашвили, а Сиропчик, подняв воротник пальто, шёл, пошатываясь, к метро и плотоядно улыбался.

— Я нашёл, я нашёл! — с победным криком ворвался в кабинет к Парнасу Рожденовичу Подкорытов. — Я вычислил и нашёл!

— Что нашоль? — вонзил в «пожарника» суровый взгляд Бубашвили.

— Тайник Сиропчика нашёл!

— Гдэ? Вэди, паказывай, как нашоль!

— Да я тут случайно узнал, что Сиропчик, оказывается, два раза в день навещается в театр. Вечером, понятное дело, на работу, а ещё и утром является всего на полчаса, вахтёр проболтался. Никуда не заглядывает, а прямоком на сцену. Походит туда-сюда, и назад. Мне подозрительным показалось, чего утром-то шастать по пустому залу, вот и решил проследить.

Сегодня, как только рабочие пришли, спрятался в ложу. Сижу, жду. Появляется через какое-то время Сигизмундыч, ну я в прореху подсматриваю, что делать станет. Он туда-сюда прошёлся, остановился у занавеса, постоял пару минут, поправил там что-то и исчез.. Я ещё дождал для конспирации, ну и туда. И вот! — Подкорытов расправил занавес и гордо указал пальцем вниз.

На уровне колена Бубашвили к занавесу был пришит потайной карман из такого же материала, что делало его совершенно незаметным. Парнас Рожденович наклонился к накладке и засунул внутрь руку.

— Опа! — извлёк он наружу поллитру водки, покрутил её перед собой и непонимающе уставился на Подкорытова. — А как он пьёт, эсли в буткэ сэдит?

— Занавес прикажите закрыть.

— Закрывай, — скомандовал директор работнику сцены.

Огромное полотно бесшумно заскользило вдоль рампы. Когда занавес остановился, потайной карман оказался ровно перед окошком суфлёра.

— Вах! — изумлённо выдохнул Парнас Рожденович. — Как в кино! Эщо павтари.

Занавес разъехался.

— Давай назад!

Полотно вернулось к будке.

— Вах! — восторженно хлопнул в ладоши директор, — Как в рэстаранэ, прама к сталу!

— Давай опят.

— Вах!

— Давай сначала.

— Вах!

Бубашвили спустился в будку и оттуда ещё минут десять раздавалось:

— Закрывай! Вах! Открывай! Вах! Закрывай! Открывай! Вах....

При этом каждый раз звучал счастливый, почти детский, смех.

— Наверное уволите теперь Сиропчика, — сочувственно шмыгнул носом Подкорытов.

— Нэ в коэм случаэ! — энергично замотал головой Парнас Рожденович, — Нэ в коэм случаэ! Ёсиф — валшэбнык! Он — талант! Он настоящый Энштайн! Сыропчык до самай смэрты в тэатрэ работат будэт, как Пушкин. Он — гэний!

Анна САТЖИ

ИРОНИЯ ХОДЬБЫ ИЛИ ПРОЩЁНЫЙ ДЕНЬ

Со мной приключился пренеприятный случай. Мне не привыкать, я вечно во что-нибудь вляпываюсь. Ну, вот такая я по жизни растяпа. И со временем не дружу, вернее, я хочу с ним подружиться, но оно с завидным постоянством отклоняет мою заявку в друзья. Вечно куда-то спешу и вечно опаздываю. Селяви.

Так произошло и в тот день. Ничто не предвещало беды. Звёзды накануне выпали на небе в лучшем раскладе. Новые светло-сиреневые туфельки были заранее подготовлены на выход. Стильные брюки белого цвета модно облевали стройные ноги. Тело, облачённое в бледно-розовый блузон, благоухало парфюмом от кутюр. Почему-то захотелось облачиться во всё светлое, в том числе и пальто, наверное, в пикку грязным снегам уходящих холодов. Настроение было поймано на нужной волне. Мозг приготовился впитать очередную порцию умных выкладок из популярной лекции всемирно известного русского учёного S, на встречу с которым, между прочим, записалась за месяц

вперёд! Будучи поклонницей его талантов, я давно следила за успехами своего кумира в информационных полях медиа-пространства.

И вот настает эта дата, о которой так мечталось, а также долгожданный момент моего сногшибательного появления в означенной аудитории. Я заметила, что, как правило, произвожу неизгладимое впечатление своей удивительно лёгкой походкой и необыкновенной причёской из копны рыжих волос на довольно умной головке...

Но ввиду того, что периодически "страдаю" неспособностью ориентирования на местности (в народе называемой «топографическим кретинизмом»), выйдя из подземки, зазевалась, близоруко щурясь на указатель с названием переулка старинного уголка Москвы.

Вот тут-то и поджидал меня анчутка, бесёнок за левым плечом, и поджидал, судя по всему, на дурачка ... И я попала по точной его наводке, да не где-нибудь, а в столице, в самом центре города, ни минутой раньше и ни минутой позже — после поливальной машины на заданном судьбой квадрате метров!..

Для такого злосчастного случая почему-то выбор пал именно на меня! Не пронеслась мимо, а прямёхонько угодила ... в ещё горячую, вязкую, чёрную гудроновую "заплатку" выправленного «недоразумения» на тротуаре ... на пути к Светлому, Умному, Вечному!

Таким образом, чей-то запрос на ямочный ремонт «поучаствовал» в празднике женской души вместе с городской службой, которая безалаберно не удосужилась поставить предупреждающее ограждение для таких разинь, как моя персона. И ведь до меня не сразу дошло, что оживление в переулке связано именно с дорожными работами! Туфельки а-ля "на выход" были безнадежно испорчены, впрочем, как и низ белых брюк, и вдобавок ко всему, я еле выбралась из этого строительного месива с характерным тяжёлым смолистым запахом ...

Мигом была порушена мечта о встрече с кумиром всей моей сорокалетней жизни с перерывом лишь на детство, учёбу в ВУЗе, замужество и беременность. И поскольку по иронии карта судьбы выпала событием в Прощёное воскресенье, то я поймала себя сразу на мысли, что *не могу простить* главного Устроителя тротуарного благополучия! Ну, нет никаких моральных сил от волны внутреннего возмущения, окатившего мой организм! *Пусть он живёт теперь с этим!*

И как тут верить в приметы и знаки, если они отсутствуют? А надо было включать *шестое чувство*, о котором я так жаждала узнать из развёрнутых цитат от учёного S в упущенной теперь его знаменитой лекции ... Брела обратно, негодуя, продолжая диалог с внутренним голосом.

Разгорячённая эмоциями, плюхаюсь на первую попавшуюся скамью на бульваре, чтобы отписаться дочери о постигшем меня фиаско... и вдруг понимаю, что ЭТО ещё не конец! А конец моему бежевому пальто от Армани! Нетрудно догадаться, что она была свежеевыкрашена зелёным цветом в тон наступающей весны. Ветер-хулиган за ночь разметал нежные красно-полосатые ленты, повязанные "крестиком", и, как часто это бывает, — никакой бумажки с пометкой «Ах-тунг!» не было и в помине! В стране, по всей видимости, научились экономить бумагу. А ещё вспомнилась не к месту поговорка о том, что «снаряд дважды в одну воронку не попадает». Но мой случай сегодняшнего дня — явное тому опровержение!

Осознаю теперь в полной мере название бульвара «Страстной» всеми фибрами моего пострадавшего любимого и дорогого пальто! Про краски в душе — они были далеко нелитературного окраса на тот момент...

Меня пробрал гомерический хохот, до слёз, когда озарила такая мысль вдогонку: «Хорошо, что я сейчас не на Патриарших, и здесь точно не ходит трамвай «Аннушка», а то господин Воланд захотел бы поговорить со мной непременно!».

Зови такси и скорей домой! Хватит на сегодня пополнять список *непрощённых*...

Сергей ТАРАТУТА

ЖЕЛАННЫЙ ПОЖАР

— Скоро я кончу эту школу?! — растерянно кричал шестилетний первоклассник из-за стола Уже третьего или четвертого сентября 1964 года, не веря или не понимая, что остается ровно десять лет. Страшные крючки и черточки ложились на клетчатую бумагу, напоминая наскальную живопись, но очень отдаленно. Десятилетка вырисовывалась тяжелая. Это понимали не только учителя. Мама умерла весной 62-го, и папа с бабушкой не знали, что со мной делать...

— Господи, сделай так, чтоб он был у меня с душой и талантом, — не однажды в отчаянии перед сном попросит Всевышнего отец.

Это у меня и у Люси такой сын... — наверняка вздохнет он следующим вечером, придя с работы и открыв дневник. — Если б мама видела!..

И хорошо, что не видела. Это сейчас мои дневники поражают, удивляют, веселят и умиляют.

В красных шершавых обложках, они могут служить пропуском в сумасшедший дом. Непонятная роспись, рисунки танков, белок и ежей, загадочных насекомых, просто кляксы сочетаются с двойками, колами, редкими тройками и еженедельными воплями учителей:

- Мешает ученикам!
- Не умеет ходить в строю!
- Не принес краски!
- Разговаривает на линейке!
- Не слушает!
- Бегаёт на переменке!

Но как я, здоровый, выросший на деревенской воле, отсидев сорок пять минут, даже «не слушая», мог не бегать на переменке? Да если б не стены и закрытые окна — улетел бы после первого же урока!

Минимум каждый месяц размашистым почерком разгневанных учителей вызывался в школу отец. Однажды вызвали мать, но она не пришла. Ее заменяла бабушка, принимавшая вызовы с папой по очереди. Иначе б не сдюжили. Не хулиганя, не пропуская уроков так и по болезни, учился я жутко. И не потому, что пошел в школу, не дожив до семи лет. Просто был патологически ленив и ненавидел это пятиэтажное серое здание с подъездом посередине, с профилями цементных классиков над ним. Наверно, не случайно именно мне достался старшеклассник, который первый раз вел меня в первый класс. Я не помню его внешности, ослепленный цветами и волнением, но помню его пронизанные нежностью к школе слова. Когда я стал тщательно вытирать ноги о половичок перед лестницей, комсомолец произнес:

- А вот это не обязательно, ноги можно не вытирать.

Ханурикообразный физкультурник через несколько лет как никто точно и лаконично охарактеризует кому-то из моих мое отношение к учебе:

- Может. Может. Не хочет.

Приходя из школы, я тотчас звонил папе на работу и докладывал об «успехах»:

— Двойка по русскому, двойка по английскому, но в классе еще двадцать двоек, —

Успокаивал я его, — на алгебре был активен, поднимал руку.

Или:

— Ура, папуля, мне за четверть двойку по геометрии не поставят!

- А что поставят?! — испуганно спрашивал папуля.
- Ничего.
- Как ничего?
- Меня не аттестуют.

Готовя мне очередной обед, папуля перебирал гречку: камни и труху в одну кучку, крупу — в другую. Готовил и ругал меня.

— Стыд, не может выучить несколько английских слов. Сядь, напрыгись, полюби их, не эконоь силы, ведь не дебил вроде. Неужели это так трудно? Я, седой уже человек, выхожу из школы заплеванный. А родительские собрания? Сплошные унижения, хоть бы кто похвалил!..

И увидев мой сочувственный взгляд, одним движением ладони смешал камни, труху и крупу, не пожалев своих трудов, и простонал:

— А, сожрет и так!..

Однажды, сразу после зимних каникул, хмурый шел я в школу. Вдруг в ее сторону промчались с воем несколько пожарных машин. Неужели она, неужели она?!

От такого предчувствия на душе полегчало, настроение резко улучшилось и я побежал. Мои надежды оправдались. Еще издали увидел я толпу зевак, родителей и возбужденных учеников. Школа горела! Лысый, с заваленной на бок головой директор торопил пожарных.

А они и так работали четко и быстро. Горело плохо. Слишком плохо. Ветра не было. Из

физкультурного зала выбрасывали дымящиеся маты. Один из них зацепился за третий этаж (мой этаж!), но огонь не перекинулся и мат сорвался в снег, и зашипел. Но веря в огонь, полагаясь на его скрытую мощь, я позвонил из соседнего автомата:

— Папуля!

Он даже замер, впервые услышав мой ликующий голос. Трудно представить о каких сыновних достижениях подумалось ему в то мгновение.

— Папуля, наша школа горит!

Но пожар потушили. И довольно скоро. День подарили. Завтра учеба продолжилась. Просто недели две физкультура проходила в актовом зале.

Ольга МУРАВЬЁВА

Самые трудные препятствия — воображаемые.

Семейные сцены редко бывают немymi.

Салек ПИНИГИН

Глаза разбегаются, пока не приглядишься, что некуда идти.

Поиск понимания наиболее эффективен в направлении снижения самооценки.

Николай ПРОКОФЬЕВ

Жизнь может пройти мимо, даже если ты в центре внимания.

Удачный афоризм — это гвоздь, вбитый в стену вечности.

Сергей ПУГАЧЁВ

Выносить мусор труднее всего из головы.

И в переполненном транспорте есть место подвигу!

РАДВАЛИ

О короне не мечтают лишь те, кто с нимбом.

В войне с собой нет победителей.

Илья РОДИОНОВ

Без денег время лечит значительно хуже.

Под солнцем идут жаркие битвы за тёплые места.

Анна САТЖИ

Нет великих полотен без пятен истории.

На гвоздь программы всегда найдётся чей-то молоток.

Елена СИРЕНКА

Расписываться в собственной глупости нужно бесцветными чернилами.

Природа добра не ко всем: одни стареют как вино, другие скисают как молоко.

Александр СМИРНОВ

Поверхностные знания лучше глубоких заблуждений.

Подавая всем нищим, увеличиваешь число просящих.

Андрей СОКОЛОВ

Дороже знаний нам обходятся их пробелы.

Памятники, поставленные при жизни, сносятся быстрее.

Виктор СУМБАТОВ

В лечении главное — выздороветь, в самолечении — выжить

Рубен КАЗАРЯН

Чтобы открылась дверь в светлое будущее, надо дойти до ручки.

Маугли — племянник Тарзана.

При установлении контактов с зарубежными партнерами избегайте случайных внешнеэкономических связей.

Троянцы не посмотрели в зубы дарёному коню и пожалели об этом.

Владимир КАФАНОВ

Когда ничего не светит, сгодится и фонарь под глазом.

Учиться, учиться и еще раз учиться. Всему учиться! Всю жизнь учиться!!.. Лишь бы не работать.

По мнению учёных, в «чёрной дыре» не действуют никакие законы — там всё по понятиям.

Александр ПАШИНИН

В детстве все истины прописные, во взрослой жизни — избитые.

В светлое будущее идут исключительно строем.

Прожигающие жизнь впоследствии ужасаются размерами дыры.

Евгений ОБУХОВ

Радоваться мелочам жизни помогают крупные суммы.

Полезные советы

Сергей Пугачев

Береги семью. Если у тебя две семьи, береги себя.

Духовную жажду утоляй из чистого источника.

Если тебе все сходит с рук, береги руки.

Не проходи мимо безобразия — есть же и другие пути.

Не смотри волком — нарвешься на охотника.

Не строй иллюзий — обрушатся.

Покупая с рук вузовский диплом, не ошибись в своем призвании.

Получил волчий билет — береги шкуру.

Не жалуйся, что твой жизненный уровень понизился. Просто он был завышен.

Литературно-художественное издание

МОСКОВСКИЙ СОЮЗ ЛИТЕРАТОРОВ

«ЛИТЕРАТУРНЫЙ ПЕРЕКРЕСТОК»

№ 40, 2026

альманах

Главный редактор *Джангули Гвилава*

Редакционная коллегия:

Ева Меркачева (1-й заместитель главного редактора),
Татьяна Федоткина (заместитель главного редактора),
Жанна Голубицкая, Геннадий Попов,
Алексей Миронов, Лев Новожёнов, Михаил Стародуб

Редакция не обязательно разделяет точку зрения авторов

Подписано в печать 11.06.26. Формат 60х90¹/₁₆
Печать офсетная. Бумага офсетная № 1. Печ. л. 15,5.
Тираж 700 экз.

ISBN 978-5-907919-79-2

9 785907 919792